

Ф.К. Ярмолич

**«Россия, начиная с 1917 года,
представляет собой загадку,
которую мы тщетно пытаемся разгадать»**

**(Советская цензура на Северо-Западе СССР
в 1920 — 1930-е гг.)**

Санкт-Петербург
2017

УДК 94(47). 084.6
Я 75

ISBN 978-5-905042-59-1

© Ярмолич Ф. К., 2017
© Издательство «Северная звезда»,
оригинал-макет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение	4
Предисловие	5
Глава 1. Региональные отделения Главлита и цензор . . .	9
1.1. Органы цензуры и региональная действительность	11
1.2. «Я фактически имею право не жаловаться, а даже ругаться»: советский цензор и его рабочие будни	43
Глава 2. Цензура и общество	72
2.1. Печать в «тисках» цензуры	73
2.2. Театральная цензура	113
Заключение	123
Список источников и литературы	125

Книга посвящается маме, бабушке Ане и папе

Эта книга увидела свет благодаря помощи и поддержке моих друзей и учителей, которым хочется выразить искреннюю и сердечную благодарность.

На протяжении многих лет мною всегда чувствовалось дружеское плечо Марины Даниловой, Екатерины Бендер, Марии Вдовиной, Алексея и Владимира Унагаевых, Евгения Жиганова, Константина Коткина и Дмитрия Панова.

Студенческие и аспирантские годы прошли в окружении замечательных педагогов и историков. Мое знакомство с историей началось в Мурманском государственном педагогическом университете, особую признательность за это прекрасное время хотелось бы выразить Ю.П. Барделевай, А.Б. Беляеву, М.Б. Ильчевой, Л.Л. Садоховой, О.Ю. Климову, В.В. Кузю, А.А. Чапенко.

Мое изучение проблемы советской цензуры началось на четвертом курсе университета, когда под руководством П.В. Федорова была написана курсовая работа, переросшая на пятом году обучения в дипломный проект, руководителям которого был А.В. Воронин.

Начатое исследование продолжилось в аспирантуре Санкт-Петербургского государственного университета на кафедре Новейшей истории России, сотрудники которой создали творческую атмосферу и оказывали помощь в работе над диссертацией. Особую признательность хотелось бы выразить М.В. Ходякову, Н.Н. Смирнову, М.В. Федорову и, конечно, моему научному руководителю В.А. Рачковскому.

Огромную помощь в сборе материала для диссертационного исследования и данной книги оказали сотрудники Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, Национального архива республики Карелия и Государственного архива Мурманской области, за что хотелось бы выразить им сердечную признательность.

Хотелось бы особенно поблагодарить А.Н. Чистикова, который, прочитав рукопись книги, сделал замечания и внес свои предложения, которые значительно улучшили ее содержание.

Предисловие

Название книги позаимствовано из статьи «66 смертных приговоров в России», опубликованной в венской газете «Дер Винер Таг» 7 декабря 1934 г. и переведенной сотрудниками ленинградского отделения Главлита для руководства Ленинграда.

Статья рассказывает читателю, что после прихода в России к власти большевиков информация о Советском Союзе от европейской общественности оказалась «скрыта густой завесой». Все сведения о социальной, политической, культурной ситуации в стране западная пресса узнавала только по официальным каналам, а её корреспонденты в СССР, передавали данные в свои страны по телеграфу только после разрешения советской цензуры, поэтому читатель в Европе, как и во всем мире, знал о положении дел в Советском Союзе только то, что советское правительство считало нужным ему рассказать. В статье отмечается, что и советская общественность «получает нормальным путем лишь те сведения, которые правительство находит возможным опубликовать»¹.

Поскольку интерес европейской и мировой общественности и власти к политическому, социальному и экономическому устройству Советского Союза появился сразу же после создания нового государственного образования на руинах бывшей Российской империи, то вопрос объективности поступающей из СССР информации оказался важен. Поэтому, начиная с 1920-х и до 1991 г., проблема контроля информационного пространства в Советском Союзе являлась

---

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1013. Л. 36, 37.

актуальной для мирового социума, о чем свидетельствует обширная зарубежная историография советской цензуры².

В силу законодательных особенностей (официально считалось, что в СССР цензуры нет) и политико-идеологических соображений, изучение этого аспекта советской действительности в Советском Союзе не происходило. Первые работы стали появляться только в конце 1980-х гг.³ После 1991 г. многие отечественные исследователи обратились к теме советской цензуры. На сегодняшний день ими проделана большая работа. В научный оборот введен колоссальный объем архивного материала, в котором освещается структура и работа центрального и региональных органов цензуры⁴.

---

² Обзор и историографический анализ зарубежной литературы приведены в работах: *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е гг. Нижний Новгород, 2000. С. 33 – 35; *Суров А.В.* Цензурная политика советского государства в 1917 – начале 1930-х гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ярославль, 2002. С. 7, 8; *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917 – 1991. 2-е изд., испр. М., 2009. С. 26 – 28. Практически в каждой монографии или диссертационном исследовании дается анализ иностранной литературы. Библиографический обзор приведен в работе: *Цензура в России и СССР. Литература, опубликованная на французском языке / Сост. Б. Гишар // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 4. СПб., 2008. С. 361 – 372.*

³ Одной из первых отечественных работ по цензуре и, в частности, по Главлиту следует считать статью Федотова М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 80 – 89. Более информативной, но, к сожалению, эмоциональной стала статья А.Ю. Горячевой «Главлит: становление советской тотальной цензуры» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1992. № 2. С. 32 – 40.

⁴ Библиографический обзор литературы по советской цензуре, вышедший с 1988 по 2000 гг. составлен М.И. Ершовой и опубликован в сборнике научных трудов «Цензура в России: история и современность». Выпуск 1. / ред. С.А. Давыдова. СПб., 2001. С. 258 – 263; исследования, вышедшие с 2000 по 2011 г., представлены в обзоре: Исследования по истории советской цензуры, опубликованные с 2000 по 2011 г. Материалы к библиографии. Сост. М.В. Зеленов, Ф.К. Ярмолич // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Выпуск 6 / отв. ред. М.Б. Конашев. СПб., 2013. С. 410 – 462. Анализ отечественной историографии см. *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е гг. Нижний Новгород, 2000. С. 35 – 51.

Это позволило проанализировать структуру органов Главлита, изучить кадровый состав и определить поле деятельности цензурного ведомства.

В российской историографии советской цензуры можно выделить два периода. Первый локализуется временными рамками 1990-х гг. Его особенность заключалась в том, что исследования, в основном, базировались на архивных документах центральных органов Главлита и анализировали органы контроля в масштабах всей страны, а методологическим фундаментом исследований стала концепция тоталитаризма. Это привело к тому, что советская цензура рассматривалась как учреждение, полностью контролирующее информационное пространство.

Конец 1990-х – начало 2000-х гг. можно считать началом второго этапа в отечественной историографии. В научный оборот вводится региональный материал, появляется осознание того, что концепция тоталитаризма не учитывает многих особенностей развития СССР 1920 – 1930-х гг. и не позволяет создать адекватную исторической реальности картину. В силу этих обстоятельств приходит понимание, что устремления центра организовать систему полного контроля информационного пространства, на региональном уровне в силу кадровых, финансовых и других сложностей не могут реализоваться.

В определенной степени промежуточный итог кропотливой работы российских исследователей по изучению советской цензуры подвел М.В. Зеленев на III Блюмовских чтениях, прошедших 27 – 28 мая 2014 г.

Он отметил, что цензура в СССР в 1920 – 1930-е гг. находилась в двух реалиях – с одной стороны, стремление центральных органов цензуры в Москве полностью контролировать информационное поле, с другой, явная неподготовленность региональных отделений Главлита к этому.

Достигнув определенной вершины исследования, сообщество историков в теоретическом отношении остановилось. Большинство публикуемые работы в основном только вводят в научный оборот новый архивный материал из региональных, либо центральных архивохранилищ; при этом обобщения и выводы не выходят за рамки известных.

Привнести новую проблематику в изучение цензуры стремится С.А. Дианов³. Используя антропологический подход, он предлагает обратиться к изучению личности цензора.

Конечно, и до него исследователи это делали, но Сергей Александрович анализирует работника Главлита не как «штатную» единицу, а как человека (его жизненный путь, бытовые проблемы и т.д.)

Разработкой новых теоретических основ занимается М.В. Зеленев. В своей статье «Цензура как свойство психики и формы экспозиции сознания»⁶ Михаил Владимирович предлагает «взглянуть на мышление о цензуре как на психологический процесс со стороны сознания (и это методологический прием)».

Другие попытки ученых выйти на новое проблемное поле или использовать новый инструментарий автору данной книги не известны. Возможно, скудность теоретических разработок объясняется тем, что круг исследователей советской цензуры в России очень узок. Более того, площадок, позволяющих обмениваться мнениями, всего две — периодически выходящие сборники научных трудов «Цензура в России: история и современность»⁷ и конференция «Блюмовские чтения»⁸, но последняя уже два года как, к сожалению, не проводится.

В силу этих обстоятельств, приступая к написанию монографии, хотелось не просто показать развитие цензуры на Северо-Западе СССР, а привнести новую идею в исследование этого вопроса.

При анализе структуры органов Главлита на местах и кадрового состава используются теоретические разработки из общей теории организаций, исследований Н. Лумана, посвященных системам, и работ по управлению персоналом. Главная цель обращения к исследованию вопроса цензурирования печатной продукции и театра, состоит в стремлении через призму цензуры увидеть советское общество 1920 — 1930-х гг.

---

⁵ См., например, главу пятую в монографии С. А. Дианова Органы Главлита на Урале в межвоенный период (1920 — 1941 гг.). Пермь, 2011. 334 с., а также его книгу Уральская цензура в лицах. Политическая цензура на Урале в 1920 — 1930-е гг. Пермь, 2011. 202 с.

⁶ *Зеленов М.В.* Цензура как свойство психики и формы экспозиции сознания // История книги и цензура в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 27 — 28 мая 2014 г. СПб., 2015. С.13 — 22.

⁷ В 2015 г. увидел свет седьмой выпуск трудов.

⁸ По материалам конференции издано три сборника, последний опубликован в 2015 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Региональные отделения Главлита и цензор

Приступая к исследованию организации органов Главного управления по делам литературы и издательств на местах и характеристики кадрового состава в регионах, необходимо сделать несколько пояснений.

Анализ устройства региональных отделений Главлита будет проведен в следующей последовательности – вначале рассмотрены аппараты Управлений в Ленинграде, Петрозаводске и Мурманске, затем уровень уездных/районных отделений в трех административно-территориальных образованиях, и, наконец, будет исследован один из важных элементов структуры – система коммуникаций между структурными звеньями.

Несколько слов будет сказано о Главном репертуарном комитете, поскольку ему не удалось создать своей региональной структуры и его функции на местах исполнялись региональными отделениями Главлита.

При изучении структуры органов цензуры возникает правомерный вопрос: «Когда процесс организации Главлита был завершен?». В литературе, посвященной этой проблеме, оформление цензурных органов в целостную бюрократическую структуру относится к концу 1930-х гг.¹ В основном исследователи выбирают эту дату по двум причинам. Первая – давление общей историографической традиции, характеризующей 1920 – 1930-е гг. как этап в истории СССР, заверченный началом Великой Отечественной войны. Вторая, которая является логическим продолжением первой, акцентирует внимание на документах, в которых отмечается, что структура органов Главлита создана.

Однако опора в этом вопросе на суждения, имеющие место в отдельных документах, представляется не совсем правильной, поскольку их составители могли преследовать

---

¹ См., например, *Клепиков Н.Н.* Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920 – 1930-е гг. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2005. С. 16.

свои цели, которые влияли на содержание и оценку источника.

В поисках ответа на вопрос о времени завершения организации цензурного ведомства следует придерживаться критериев: 1) штатное расписание и четкое описание должностных обязанностей; 2) финансовая смета, в которой для каждой штатной единицы предусмотрен соответствующий оклад; 3) наличие заместителей, которые при отсутствии основного работника способны выполнять его обязанности; 4) сменяемость кадрового состава происходит в границах, позволяющих учреждению работать без сбоев.

Предложенные критерии выводятся из модели, разработанной в Главлите, структуры аппарата Управления. Она включала в себя заведующего с двумя заместителями, являющимися представителями РВСР и ГПУ; заведующего областным отделом и двух помощников, представляющих Комвойска и Политконтроль ГПУ; Областного отдела, состоящего из Литературного и Административно-инструкторского подотделов; Губернского отдела; Секретариата; Библиотеки и Архива².

Конечно, в ней нашли отражение только первый и третий критерии, но, основываясь на литературе, посвященной вопросам организации учреждений³, использование второго и четвертого не являются избыточными и их правомерно учитывать, оценивая качество структурной организации.

Второй параграф первой главы посвящен человеку в органах цензуры. Анализ сотрудника цензуры предлагается провести по алгоритму – во-первых, понять, кто приходил в цензуру, проанализировать его социальный, образовательный и культурный уровень, выяснить причины, побудившие его стать цензором; во-вторых, проанализировать условия работы, уровень квалификации и профессионализма; в-третьих, восстановить механизм адаптации человека к несовершенству цензурной структуры и сложным условиям работы в ней.

---

² Инструкция Главлита его местным органам [не ранее 6 июня 1922 г.] // История советской политической цензуры: Документы и комментарии // под ред. Т. Горяевой. М., 1997. С.258 – 261.

³ Например, *Коренченко Р.А.* Общая теория организации. М., 2003. 268 с.

1.1. Органы цензуры и региональная действительность

Обращение к региональному материалу позволяет увидеть очертание не одного мира, а сразу нескольких реальностей. Их границы проходили по структурным звеньям органов цензуры – центральный аппарат в Москве; аппараты Управлений в центрах административно-территориального образований и уездные/районные отделения Главлита – все они находились в своей системе координат. Конечно, эти три мира связывались правилами и нормами, установленными в центре, но реализация нормативно-правовых основ цензурного ведомства в регионах растянулась на 1920 и 1930-е гг., при этом при реализации одни правила нарушались, а другие приспособлялись к местным условиям.

Описание запутанного пути создания и развития региональных отделений Главлита следует начать с их «предыстории». В отличие от Москвы, где Главлит⁴ создавался как новое учреждение, не имеющее никаких институциональных предшественников⁵, история цензурного ведомства в регионах оказалась более «древней». Периферийные отделения создавались на основе старых цензурных органов, последние составляли их значительную часть.

В частности, в документах, относящихся к организации Петроградского отделения Главлита, отмечается, что Политотдел Госиздата Петроградского округа переименовывается в петроградский окружной отдел Главлита при Народном комиссариате просвещения (НКП).

В Карелии отделение Главлита создавалось на основе военно-цензурного отделения областного отдела ГПУ⁶, которое потом перешло в подчинение ОНО. Кстати, следует

---

⁴ Подробно с устройством Главлита и его организационными изменениями в течение 1920 – 1930-х гг. можно ознакомиться в книге «Институты управления культурой в период становления. 1917 – 1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: схемы» / глав. ред. К. Аймермахер. М., 2004. С.103, 104, 109, 122 – 125, 131, 132, 139.

⁵ *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX – XX вв. М., 2001. С. 246 – 247.

⁶ Отчетный доклад Главного Управления по делам литературы и издательств Автономной Карельской Социалистической Советской Республика за 1923 год // Национальный архив республики Карелия (далее – НАРК). Ф. р-757. Оп. 3. Св. 1. Д. 1. Л. 1 – 7-обр.

отметить интересную особенность – при организации Главлита РСФСР⁷ подразумевалось, что он объединит все виды цензуры (военную и гражданскую), однако на территории Карельской республики этот процесс уже произошел под эгидой вышеуказанного отделения ГПУ.

Определить институциональную основу, на базе которой развивалось мурманское отделение Главлита, невозможно. Сохранился лишь приказ №60, датированный 2 сентября 1920 г., в котором указывалось, что редактору «Мурманских известий» М. Гамаженко вменялось в обязанности осуществлять контроль над «Мурманскими известиями» и стенной газетой «Роста»⁸, но стало ли это основой главлитовской структуры сказать не возможно.

Обращаясь к анализу структуры органов Главлита на местах, вначале следует рассмотреть их расположение в системе региональных органов управления и механизм финансирования.

В 1920 – 1930-е гг. местные органы Главлита находились в ведении Отделов народных образований губернских и краевых Исполкомов. Подобная ситуация устраивала цензоров в Карелии и Мурманске, но в начале 1930-х гг. на уровне Москвы и Ленинграда появляется стремление выйти из подчинения ОНО.

Эта идея высказывается в 1931 г. в «Записке Главлита в Политбюро ЦК ВКП(б) о работе и новых задачах органов цензуры»⁹. Но в этот период Главлиту не удалось достигнуть желаемого результата. В своей работе Т.М. Горяева отмечает, что только в 1939 – 1940 гг. Главное управление фактически выходит из состава Наркомпроса и с этого момента подчиняется СНК СССР¹⁰.

---

⁷ В статье А.П. Купайгордской Из практики первых лет Главлита / Россия в XX в. / отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб., 2005. С. 132 – 150 описывается работа Госиздата, далее отмечаются причины создания Главлита в 1922 г., его структура и первый опыт работы.

⁸ Выписка из приказа №60 по Архангельскому Военно-Цензурному Отделению от 2 сентября 1920 г. // Государственный архив Мурманской области (далее – ГАМО). Ф. п-431. Оп. 1. Кор. 1. Д. 8. Л. 71.

⁹ История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Под ред. Т. Горяевой. М., 1997. С. 297 – 298.

¹⁰ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917 – 1991 гг. М., 2009. С. 223.

В Ленинграде тенденция к повышению статуса органов цензуры развивалась иначе и несколько опережала общую тенденцию по стране. В 1935 г. отделение Главлита в Ленинграде фактически вышло из системы народного образования. Из переписки между Ленинградом и Москвой в феврале 1935 г. становится ясно, что Леноблгорлит входит в состав Исполкома уже как самостоятельный отдел.

С 1939 г. отделение Управления по охране военных и государственных тайн в печати в Ленинграде, как и во всем СССР, подчиняется Ленинградскому городскому и областному Советам депутатов трудящихся.

Обращаясь к рассмотрению институционального положения органов карельской цензуры, следует отметить, что они вышли из системы народного образования и стали подчиняться Совету Министров КАССР, как и Главлит в 1939 г.¹¹

На всем протяжении 1920 – 1930-х гг. серьезной проблемой оставались вопросы финансирования. Абсолютно верно отмечает А.В. Суров, что проблемы с финансированием начались уже на стадии организации цензурного учреждения. И именно экономический вопрос существенно осложнил создание местных органов цензуры в начале 1920-х гг.¹²

На всем протяжении изучаемого периода региональные отделения Главлита финансировались из местных бюджетов. Поскольку у региональных властей не существовало понимания значения цензурных органов, это приводило к финансированию их по остаточному принципу. Более того, желая сэкономить деньги, уездные/районные власти переводили содержание цензора за счет местной газеты, которую он цензурировал.

Кстати, после организации аппарата Управления в Петрограде и вплоть до 1925 г. все финансовые вопросы цензурного учреждения находились в ведении финансового отдела Губфо, и только в 1925 г. они передаются в ведение гублита¹³.

---

¹¹ Стенограмма совещания редакторов районных газет КФСР от 30 октября 1940 г. // НАРК. Ф. п-8. Оп. 1. Кор. 15. Д. 145. Л. 78.

¹² *Суров А.В.* Цензурная политика советского государства в 1917 – начале 1930-х гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ярославль, 2002. С. 17.

¹³ Доклад ленинградского губернского отдела по делам литературы и издательств за время с 1 июня 1924 г. по 1 июня 1925 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 42. Л. 34.

Изменение финансового положения последовало 31 июля 1937 г., когда правительство СССР приняло решение о переводе сотрудников на госбюджет и увеличении ставок работникам цензуры¹⁴. А с 1 января 1938 г. финансирование Главлита полностью осуществляется из союзного бюджета¹⁵.

После организации Главлита 6 июня 1922 г.¹⁶ на территории РСФСР создается семь обллитов (Московский, Петроградский, Самарский, Смоленский, Донской, Уральский, Сибирский). Петроградский обллит состоял из губернских отделов – Псков, Новгород, Олонец и Карельский обл. (в документе они объединены), Мурман, Череповец, Северодвинск (Великий Устюг), Архангельск, Вологда¹⁷.

С первых дней нового учреждения его региональные отделения развивались со своей спецификой. В частности, не получилось, несмотря на желание Москвы, в тот же день, 6 июня, вместе с центральным учреждением Главлита создать его местные отделения.

В Петрограде реализация политики центра начинается только с 1 октября 1922 г.¹⁸ Время организации отделения Главлита на Кольском Севере точно определить невозможно,

---

¹⁴ Заведующему отделом печати и издательств Ленинградского обкома ВКП(б) Ильеву от зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б. Таль // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 75.

¹⁵ История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Под ред. Т. Горяевой. М., 1997. с.317. Как отмечает Д.Г. Тортев «уже к концу 30-х годов Обллит перестал зависеть от органов Наркомпроса. Это было связано с тем, что к 1938 г. цензура перешла на прямое финансирование из государственного бюджета» // Тортев Д.Г. Цензура в Горьковской области (1938 - 1953) / Цензура и доступ к информации: история и современность. Тезисы докладов международной научной конференции Санкт-Петербург, 16 – 18 марта 2005 г. // Отв. ред. М.Б. Конашев. СПб., 2005. С. 82.

¹⁶ Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательств (Главлит) от 6 июня 1922 г. // История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Под ред. Т. Горяевой. М., 1997. С. 35 – 36.

¹⁷ Местные отделения Главлита [1922 г.] // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ СПб). Ф. 31. Оп. 2. Д. 2. Л. 61, 61-об.

¹⁸ Протокол заседания Политотдела Госиздата Петроградского округа 3 октября 1922 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 94.

так как нет соответствующих документов. Но анализ сохранившейся переписки между Петроградским областным отделением по делам литературы и издательств (Петрооблит) и заведующим Мурманским губернским отделением по делам литературы и издательств (Мургублитом) позволяет с большей степенью вероятности определить время организации отделения Главлита на Мурмане 23 июля 1923 г.¹⁹

В Карелии функции цензуры от Политконтроля ГПУ были переданы представителю Главлита 1 ноября 1922 г., но с юридической точки зрения устройство цензурного органа произошло 22 декабря 1922 года, когда гублитом КТК был утвержден документ об организации Петрообллита²⁰.

Развитие аппарата Управления в Петрограде/Ленинграде в силу более значительных, чем в иных регионах страны, финансовых и кадровых возможностей стало эталонным и происходило более интенсивно.

В 1925 г. в аппарат входили заведующий гублитом, три отдела – литературный, русский и иностранный, репертком, канцелярия²¹. В августе 1927 г. после последовавшей реорганизации гублита в облит в связи с преобразованием губернии в область, его устройство изменилось и состояло из трех отделов: 1) русской и иностранной литературы²²; 2) зрелищ; 3) контрольно-инструкторского и секретариата²³.

Идеальность этой конструкции нарушалась тем, что аппарат Управления в Ленинграде не смог организовать военно-экономического отдела. История этого структурного

---

¹⁹ ГАМО. Ф. р-277. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

²⁰ Отчетный доклад Главного Управления по делам литературы и издательств Автономной Карельской Социалистической Советской Республики за 1923 год // НАРК. Ф. р-757. Оп. 3. Св. 1. Д. 1. Л. 1 – 7-обр.

²¹ Доклад ленинградского Губернского отдела по делам литературы и издательств за время с 1 июня 1924 г. по 1-ое июня 1925 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 42. Л. 33,34.

²² В конце 1920-х гг. в иностранным отделом не удалось выделить технического работника, эти обязанности выполнял совместитель (Протокол №1 производственного совещания работников ИНО области от 4 января 1929 года // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.)

²³ Письмо заведующего гублитом Энгеля в Главлит на № 4209 от 24 августа 1927 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 55. Л. 27.

звена начинается 16 марта 1928 г., когда Коллегия Наркомпроса решила сосредоточить цензурирование военной и военно-промышленной информации в рамках Главлита. Для этого в цензурных органах наиболее крупных центров страны предполагалось создать Военно-экономические отделы. К этим центрам относился и Ленинград²⁴.

Однако, по признанию заведующего областлитом Энгеля, «ограниченность штатов областлита не позволяла не только организовать Военно-экономический отдел, но даже специализировать несколько редакторов на военно-экономический просмотр литературы»²⁵.

Вместе с этим он стремился найти выход из сложившейся ситуации. Энгель направил в финансовый отдел 20 июля 1928 г. письмо, в котором указывал, что для создания военно-экономического отдела необходимы четыре штатные единицы — заведующий отделом; редактор по экономическим вопросам; редактор по военным вопросам; редактор последнего контроля всей выходящей в области литературы²⁶.

Наряду с указанными отделами, структура аппарата Управления подразумевала, что в каждом издательстве будет находиться уполномоченный, но финансовый и кадровый дефицит не позволили реализовать этого. Более того, в ряде ленинградских издательств в 1928 г. произошли сокращения представителей областлита²⁷.

В начале 1930-х гг. процесс структурных преобразований аппарата ленинградского Управления Главлита продолжился. В марте 1932 г. последовало объединение горлита и областлита в Ленинградский облгорлит²⁸, в связи с объединением города и области в 1931 г.

К 1933 г. аппарат Управления был четко структурирован. Это подтверждается не только официальными документами,

---

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 25. Л.108.

²⁵ В Облфо от зав. областлитом Энгелем от июля 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф.281. Оп.2. Д.7. Л.21.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 9. Л. 49.

²⁷ Протокол №2 заседания Коллегии областлита от 28 января 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

²⁸ Всем райлитам Ленинградской области от п.п. начальника облгорлита Турока от 22 марта 1932 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 1. Д. 7. Л.1.

но и воспоминаниями бывшего начальника сектора литературы и искусства Е.А. Гиляровой²⁹.

В ноябре 1933 г. в Москве принимается решение о введении должности Уполномоченного СНК СССР по охране государственных тайн³⁰. Ему стал подчиняться Главлит, а группа Главлита по военной цензуре была выделена в самостоятельный отдел, находившийся непосредственно в подчинении уполномоченного СНК СССР³¹.

В Ленинграде Отдел военной цензуры (ОВЦ) создается на основе группы охраны государственных тайн при Леноблгорлите и Первого сектора ленинградского отделения Главлита³². Обязанности начальника Леноблгорлита и ОВЦ исполнял, в отличие от Главлита, один человек — М.А. Орлова, заместителем начальника ОВЦ назначается Г.А. Гофберг³³. Обязанности старшего военного цензора по печати выполнял Г. Куон, старшим военным цензором по радио назначена В.Д. Данкова, а военными цензорами П.И. Севастьянов, А.П. Эргардт, Ферапонтова³⁴.

К 1937 г. аппарат Леноблгорлита состоял из начальника (и.о. Чекавый Ипполит Иванович), заместителя начальника (и.о. Севастьянов Петр Иванович), Отдела иностранной литературы (начальник Хорти Эмиль Антонович), Сектора технической литературы (начальник Бирюков Василий

---

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 355 Л. 44 — 50.

³⁰ *Зеленов М.В.* Создание и функционирование общесоюзного органа военной цензуры — Отдела военной цензуры при уполномоченном СНК СССР по охране военных и государственных тайн в 1933 — 1940 гг. // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения: материалы III международной научной конференции, посвященные памяти А.В. Блюма, 27 — 28 мая 2014 г. / науч. ред. М.В. Зеленов. СПб., 2015. С.248 — 257.

³¹ *Горьева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917 — 1991 гг. 2-е изд., испр. М., 2009. С. 211 — 212.

³² В мобсекретариат Ленсовета от зам. начальника Главлита РСФСР начальника ОВЦ Орлова от 25 апреля 1934 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 27. Л.106

³³ Правда, в одних документах он указан как начальник ОВЦ, а в других — как зам. начальника ОВЦ.

³⁴ В мобсекретариат Ленсовета от зам. начальника Главлита РСФСР начальника ОВЦ Орлова от 25 апреля 1934 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 27. Л. 106.

Кузьмич, он же являлся врид начальника ОВЦ), Сектора художественной литературы и искусства (начальник Кролик Самуил Рувимович), Сектора социально-политической литературы (начальник Перминов Сергей Васильевич), Областного сектора (начальник Милович Василий Александрович), Сектора фабрично-заводских газет (начальник Долматов Андрей Сергеевич), Оперативного сектора (и.о. начальника Молодцов Алексей Иванович), Радио-группы (начальник Творогов Михаил Никитич), группы Букинистической литературы (начальник Эргардт Александр Павлович)³⁵.

В 1940 г. в аппарате Леноблгорлита вновь происходят изменения, организуются группы ИЗО (старший уполномоченный Коротков), Оперативная группа (начальник Н.П. Тышков), радио-газетный сектор (зав. сектором А.Н. Кудеяров), библиотечный сектор (И.Г. Лейбович), сектор научно-технической литературы (начальник Н.П. Шкапцов)³⁶.

Подробное описание устройства аппарата Управления Леноблгорлита объясняется тем, что этому звену Главлита удалось создать самую разветвленную бюрократическую структуру. Именно ее можно рассматривать как бюрократическую структуру, отвечающую всем приведенным выше критериям.

Детально изучить структуру аппаратов Управления в Карелии и Мурманске невозможно, поскольку нет соответствующей документальной базы. В источниках только упоминается факт существования аппаратов и практически ничего не говорится о их структуре.

В первой половине 1920-х гг. на Мурмане каких-либо серьезных организационных мероприятий по созданию аппарата Управления не проводилось. Хотя в «Отчете о работе Мурманского Гублита за июль, август, сентябрь 1926 г.»

---

³⁵ Сведения, направленные заведующему отделом печати Обкома ВКП(б) Фокину, 21 февраля 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 15.

³⁶ Докладная записка сотрудника Ленинградского горкома ВКП(б) Шербакова от 19 июля 1940 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 168. Л. 15 – 18.

указывалось, что существует аппарат, состоящий из инспектора, уполномоченного в издательстве «Полярная Правда» и секретаря³⁷, анализ этого же документа позволяет усомниться в этом утверждении.

Губернский инспектор работал по совместительству (основная работа – заведующий губернского ОНО), исполнение цензорских обязанностей не оплачивалось, всю техническую работу выполнял аппарат губернского отделения народного образования (Губоно), гублит не располагал своим бюджетом и финансировался губоно³⁸.

Невозможно утверждать, что 1926 г. стал временем организации аппарата Управления гублита, поскольку эмпирический материал не полностью отвечает выше приведенным критериям.

Во-первых, отсутствовали технические сотрудники; во-вторых, цензурный орган не обладал финансовой автономией; в-третьих, совместители не получали зарплаты, поэтому не были заинтересованы в выполнении возложенных на них дополнительных обязанностей.

Более того, анализ отчета за октябрь – декабрь 1926 г. выявил, что должности начальника гублита фактически не существовало. Исполнение его функций передавалось в 1927 г. заведующему губоно. Отсутствовал и план работы гублита³⁹, что не позволяло рационально выполнять поставленные перед цензурой задачи.

В 1929 г. ситуация мало изменилась. Инспектор по делам печати и зрелищ работал по совместительству (основное место работы – инспектор политического просвещения). Вместе с этим на него возлагалось, как отмечалось в документе, «много нагрузки общественного порядка, по советской и партийной линии». Наряду с инспектором в аппарате трудился по совместительству и секретарь, который выполнял эти же функции и в Окроно⁴⁰.

---

³⁷ ГАМО. Ф. р-277. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

³⁸ Отчет о работе Мурмугублита за июль, август, сентябрь 1926 г. // ГАМО. Ф. р-277. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

³⁹ Отчет по Мурманскому гублиту октябрь – декабрь 1926 г. // ГАМО. Ф. р-277. Оп. 1. Д. 7. Л. 23, 24.

⁴⁰ В обллит от инспектора по делам печати и зрелищ Мурманского округа Иванова от 11 января 1929 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

В начале 1930-х гг. каких-либо изменений в аппарате Управления мурманского отделения Главлита, состоящего из заместителя, работающего в окроно, не наблюдается. В 1931 г. инспектором мурманского окрлита по совместительству работал Белков, по основному месту работы он был инспектором политического просвещения окружного отдела народного образования⁴¹.

Каких-либо организационных мероприятий в 1933 г. после введения должности начальника ОВЦ на территории Кольского полуострова не последовало. Это объяснялось тем, что мурманская цензура находилась в подчинении Ленинградского облгорлита, поскольку Мурман входил в состав Ленинградской области, поэтому функции отдела военной цензуры выполнял он.

Административно-территориальная подчиненность Ленинграду, наряду с кадровым и финансовым дефицитом, не позволили создать аппарат Управления вплоть до образования Мурманской области в 1938 г., хотя по всем нормативным документам он предусматривался.

Мощным стимулом для организации аппарата Управления послужило образование Мурманской области 28 мая 1938 г. Предполагалось, что мурманский обллит будет создан сразу же после административно-территориальных изменений. Но этот процесс затянулся на некоторое время и даже во втором квартале 1939 г. в аппарате Управления обллита не хватало освобожденного заместителя и одного уполномоченного⁴².

К концу 1939 г. проблему удалось решить. Во всяком случае после 1939 г. не удалось найти документов, в которых бы подымались эти вопросы.

К сожалению, документы не предоставляют возможности проанализировать устройство структуры аппарата Управления в Мурманской области в 1939 г. Составители документов просто отмечают, что «штат областного аппарата ...

---

⁴¹ Акт обследования работы Инспектора по делам печати и зрелищ Мурманского округа с 19 по 22 сентября 1931 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 – 11.

⁴² Отчет Мурманского обллита за II квартал 1939 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

полностью укомплектован», а далее приводится его численность — пять человек⁴³.

Источники конца 1930-х гг., с точки зрения анализа структуры аппарата Управления, мало информативны, это не позволяет прийти к каким-то определенным выводам.

Приступая к анализу аппарата Управления в Карелии, следует отметить, что карельские цензурные органы подчинялись петроградскому отделению Главлита до 1 сентября 1923 г., поскольку до этого времени в административно-территориальном отношении Карелия входила в состав Ленинградской области. Затем в течение месяца они находились в статусе Областного отдела и подчинялись Главлиту в Москве. С 1 октября 1923 г. Карлит преобразовывается в Главлит АКССР44.

К сожалению, как и в случае с мурманским аппаратом, практически нет источников, позволяющих подробно проследить организацию и развитие структуры аппарата Управления. В документах за 1923 г. высказывается мысль, что аппарат уже создан, но эти утверждения не выдерживают критики, поскольку существующие «отделы» выполняли совершенно другие функции, которые им предписывались. Например, литературный отдел исполнял функции петрозаводского уездного отделения управления по делам литературы и издательств (улита). Подобная ситуация с точки зрения теории организации недопустима. В работе Р.А. Коренченко отмечается, что «любая организация состоит из элементов, сами же элементы должны быть функциональны, т.е. выполнять применительно к ним конкретную целенаправленную специальную функцию»⁴⁵. К тому же не было секретариата, поэтому «Карлит полностью пользуется техническим аппаратом Общей части Адоргупа Наркомпроса АКССР»⁴⁶.

---

⁴³ Отчет о работе Мурманского обллита за 1939 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 3с. Д. 3. Л. 7.

⁴⁴ Отчетный доклад Главного Управления по делам литературы и издательств Автономной Карельской Социалистической Советской Республика за 1923 год // НАРК. Ф. р-757. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 — 7-обр.

⁴⁵ *Коренченко Р.А.* Общая теория организации. М., 2003. С.87.

⁴⁶ Отчетный доклад Главного Управления по делам литературы и издательств Автономной Карельской Социалистической Советской Республика за 1923 год // НАРК. Ф.р-757. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 — 7-обр.

Более того, с 1923 по 1926 г. из трех работников аппарата Управления два работали по совместительству. С 1 октября 1926 г. ситуация ухудшается, сокращен заведующий Главлитом. Его функции передаются наркому просвещения, а в его отсутствие обязанности заведующего Главлита выполнял его заместитель. Можно с уверенностью утверждать, что при этих условиях аппарат Управления по делам литературы и издательств фактически был упразднен. Видимо, в этот исторический период это оказалось распространенным явлением. Например, подобная ситуация была характерна для Архангельска⁴⁷.

Ситуация осталась почти без изменений и в 1927 г. Правда, 1 июня 1927 г. для работы в Карлит выделяется один сотрудник, в обязанности которого вменялся контроль за литературой, репертуаром и выполнение всей технической работы (общее и секретное делопроизводство)⁴⁸, но эффективность работы такого человека вызывает большие сомнения.

В 1932 г. заведующим Главлита КАССР назначается Яккола. Но «наследие» 1920-х гг. все еще не было преодолено – отсутствовали технические работники, а загруженность Якколы впечатляла: «до марта мес. 1932 г. работало в центральном аппарате Карлита два человека: заведующий и инспектор по контролю над репертуаром. С марта мес. я работаю один. Помимо заведывания Карлитом я работаю: 1) преподавателем диамата в Пед. Ин-те, 2) Председателем Оргком-та Кар. Союза Сов. писателей, 3) Ответ. редактором журнала “Иску” и 4) Руково[дителем] кружка диамата при ДПП»⁴⁹.

Очередным испытанием для власти в Карелии стала организация Отдела военной цензуры. В республике решение

---

⁴⁷ Клепиков Н.Н. Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920 – 1930-е гг. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2005. С.16.

⁴⁸ Доклад о деятельности Карельского Управления по делам литературы и издательств за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. // НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 206. Л. 2.

⁴⁹ Докладная записка о состоянии печати в АКССР за 1932 год с точки зрения ее политико-идеологической выдержанности и охраны гостайн // НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 812. Л. 36.

ЦК ВКП(б) по созданию новой структуры в аппарате Управления начинали осуществлять только с 16 апреля 1934 г.⁵⁰

Именно это новое подразделение придало импульс развитию аппарата Управления, именно поэтому 1934 г. следует считать знаковым в истории карельской цензуры. Это осознавалось и руководством: «проведение этого мероприятия вызвало необходимость укрепить аппарат Главлит, состав которого до этого был из одного работника, лишённого технического обслуживания и средств для оперативной работы»⁵¹.

Качественные изменения, произошедшие в 1934 г. на пути организация аппарата Управления в Карелии, не остались незамеченными и Краевой инспекцией⁵². В письме начальника сектора Краевой инспекции Иванова к руководству Главлита КАССР от 4 сентября 1934 г. отмечалось, что «Вами (начальником Главлита КАССР. – Ф.Я.) правильно взят упор не организацию прежде всего аппарата самого Главлита.... До сих пор не укомплектован сам Главлит (политредактор).... Доукомплектование аппарата Главлита является... первоочередной необходимостью»⁵³.

К сожалению, восстановить структуру аппарата Управления на конец 1930-х гг., в силу отсутствия соответствующей документации, не представляется возможным.

Организация аппаратов Управлений в Ленинграде, Петрозаводске и Мурманске развивалась по двум направлениям. Первую продемонстрировал Ленинград, где структура оказалась филигранно выстроена; по другому пути ситуация развивалась в Петрозаводске и Мурманске, где даже в конце 1930-х гг. вопрос о четкой структурированности аппаратов остается открытым.

Разветвленная и постоянно изменяющаяся структура аппарата Управления в Ленинграде свидетельствовала о том,

---

⁵⁰ Приказ №1 Начальника Главлита и Отдела военной цензуры АКССР Мякинена от 26 апреля 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁵¹ Докладная записка о работе Главлита Карельской АССР за II квартал 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.

⁵² Про нее подробнее см. ниже.

⁵³ Начальнику Главлита КАССР от начальника сектора краевой инспекции Иванова от 4 сентября 1934 г. НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 – 49-обр.

что учреждение адаптировалось к изменяющейся действительности и стремилось адекватно отвечать на усложняющуюся с каждым годом реальность; в Мурманске и Петрозаводске, видимо, аппараты Управлений оказались очень далеки от этого.

Ситуация на низовом уровне Главлита – уездном/волостном/районном в целом оказалась одинаковой, несмотря на принадлежность к тому или иному аппарату Управления. Практически везде организация низовых отделений Главлита происходила медленнее, в определенной степени хаотично; созданные уездные/волостные/районные структуры оказывались непостоянными (периоды существования сменялись временем, когда они исчезали, а затем вновь появлялись).

Несколько дискуссионной представляется точка зрения А.В. Сурова, который отмечал, что «первоначально предусматривалось существование цензурных органов только на уровне губернии, но уже с 1924 г. для всех уездов в обязательном порядке стали назначаться уездные инспектора по делам печати и зрелищ, а в 1928 г. должность инспектора стала обязательной и для волости»⁵⁴.

Реалии Ленинграда, Карелии и Кольского полуострова демонстрируют иную картину. В Петрооблите создание низовых структур началось в 1922/1923 гг., в КАССР с июля 1923 г., после прямого указания из Петрограда⁵⁵. На Кольском полуострове органы цензуры в волостях начали выстраиваться только с 1926 г.⁵⁶

Из отчета петроградского отделения Главлита за 1923 – 1924 гг. следует, что низовые органы Главлита в той или иной степени находились в системе народного образования: «одни филиалы были подчинены непосредственным местным Губоно на правах самостоятельного Отдела, другие

---

⁵⁴ *Суров А.В.* Цензурная политика советского государства в 1917 – начале 1930-х гг. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ярославль, 2002. С.17.

⁵⁵ Отчетный доклад Главного Управления по делам литературы и издательств Автономной Карельской Социалистической Советской Республика за 1923 год // НАРК. Ф. р-757. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 – 7-обр.

⁵⁶ Отчет о работе Мургублита за июль, август, сентябрь 1926 г. // ГАМО. Ф. р-277. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

какому-либо П/Отделу Губоно, чаще Политпросвету и, наконец, трети никому (возглавлялись непосредственно Зав. Губоно)»⁵⁷.

В Карелии и на Мурмане уполномоченные Главлита в уездах также оказались частью уездных отделов народного образования.

В литературе отмечается, что нахождение органов Главлита в структуре Наркомпроса не создавало условий для их развития⁵⁸. Возможно, это и верно, но именно нахождение в рамках ОНО позволяло хоть как-то существовать цензуре в сложной институциональной реальности 1920 – 1930-х гг.

Условия, в которых оказались низовые отделения цензуры, хорошо демонстрируются на материалах Ленгублита. В отчетах за 1926 г. отмечается, что руководство ленинградской цензуры смогло назначить своих уполномоченных в каждый уезд⁵⁹. А уже в 1929 г. указывается, что в Череповецком округе должность работника по окрлиту упразднена. Узнав об этом, Бюро ОК ВКП(б) предложило фракции окрисполкома восстановить штатную единицу инспектора окрлита⁶⁰.

В Новгородском округе ситуация в этом же году была иной – в наличии были штатные единицы и цензурные обязанности исполнялись, правда, с определенными отклонениями от прописанных норм и правил. В частности, обязанности инспектора окрлита исполнял уполномоченный политпросвета, что по инструкции Главлита не рекомендовалось делать⁶¹.

---

⁵⁷ Отчет Ленинградского гублита за время с 1 февраля 1923 г. по 1 февраля 1924 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 14. Л. 40-об.

⁵⁸ *Дианов С.А.* НЕ политическая цензура: региональные органы Главлита в Пермском крае (1922 – 1992 гг.). Пермь, 2017. 170 с.

⁵⁹ Докладная записка о работе уездных уполномоченных Ленинградского гублита от 12 ноября 1926 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 54. Л. 24, 25.

⁶⁰ Проект резолюции по докладу Карпова о работе органов Лита на Бюро Череповецкого окружного Комитета ВКП(б) [1928 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

⁶¹ Акт обследования работы Новгородского окрлита от 1 марта 1928 г., составленный И.Я. Дерзибашевым // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

Национальный архив Республики Карелия не располагает документами, характеризующими ситуацию на уездном/районном уровне за период с 1927 по 1932 г. Однако принимая во внимание достаточно сложное положение дел в 1932 г. (все цензорские обязанности в районах выполнялись в качестве общественной нагрузки без денежного вознаграждения⁶²) можно утверждать, что и в предшествующий период обстановка с райлитами складывалась не лучшим образом.

В конце 1920-х гг. проводится административная реформа – губернии преобразуются в области, это в определенной степени стимулировало развитие цензурных органов на низовом уровне.

Например, в Ленинграде культурно-пропагандистский отдел Областкома предлагал районным партийным организациям оказывать Областлиту помощь и в семидневный срок подобрать для исполнения цензурных обязанностей кандидатов, состоящих в партии. Вместе с этим областной комитет понимал, что районные власти не смогут предоставить человека, занимающегося только вопросами цензуры, поэтому областком предлагал самим райкомам подобрать совместителей на эту должность⁶³.

Свидетельством неготовности райлитов выполнять свои функции выступает то, что Ленобластлит пошел по пути создания института уполномоченных при районных типографиях и издательствах, а за райлитами оставлял только последующую цензуру⁶⁴.

Несмотря на то, что в начале 1930-х гг. происходят определенные позитивные изменения, все равно качественно улучшения не происходит. Время, когда местная власть проводила мероприятия, направленные на организацию райлитов, сменяется периодами абсолютного бездействия. Это хорошо прослеживается на Кольском полуострове, когда в 1930-е гг. ситуация на районном уровне ухудшилась в

---

⁶² Докладная записка о состоянии печати в АКСС за 1932 г. с точки зрения ее политико-идеологической выдержанности и охраны гостайн // НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 812. Л. 35-об.

⁶³ Районному Комитету ВКП(б) от зав. культпропотдела областкома от 31 августа 1930 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.

⁶⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 34. Л. 91, 91-об.

отличие от конца 1920-х гг. (в это время представители цензуры в волостях были), и это нашло свое отражение в постановлении бюро мурманского Окружкома ВКП(б) от 14 декабря 1934 г., в котором отмечалось отсутствие райлитов⁶⁵.

Причин, не позволяющих создать райлиты, оказалось несколько. Одна из них — кадровый дефицит. Так, в Оредежском районе в конце 1935 г. не могли подобрать заместителя⁶⁶. В Тосненском районе из-за нехватки кадров пришлось оставить на работе сотрудника, который не справлялся со своими обязанностями цензора⁶⁷. Бюро ленинградского обкома ВКП(б) также предпринимало усилия в решении кадрового вопроса в районных отделениях органов цензуры, но поиск выхода из сложившейся ситуации осложнялся нехваткой денежных средств.

С середины 1930-х гг. на «жизнь» райлитов негативным образом начинает влиять «большая политика», точнее поиск «врагов народа». В 1935 г. в Псковском районе, был снят освобожденный уполномоченный, состоящий в номенклатуре работников обкома, Синельников⁶⁸. Об этом начальник Леноблгорлита Кочергин сообщил 17 декабря 1935 г. в обком ВКП(б). В тот же день в облгорлит поступило объяснение от псковского Горрайкома: увольнение цензора было связано с тем, что «в 1931 г. т. Синельников на собрании партактива выступил в защиту троцкистской контрбанды (так в тексте. — *Ф.Я.*), ставя под сомнения правильность письма т. Сталина в журнале “Пролетарская революция” “О некоторых вопросах истории большевизма” и призывал не верить авторитетам»⁶⁹. Тогда он получил строгий выговор. В 1935 г. после проверки документов, во время очередной партийной чистки, его решили перевести с идеологической работы.

---

⁶⁵ Постановление бюро Мурманского окружкома ВКП(б) от 14 декабря 1934 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 71. Л. 72.

⁶⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 99. Л. 109.

⁶⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 90. Л. 16,18.

⁶⁸ В обком ВКП(б) тов. Фокину от начальника Леноблгорлита Кочергина от 17 декабря 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 53. Л. 28.

⁶⁹ В облгорлит от секретаря Псковского горрайкома ВКП(б) Чибисова от 17 декабря 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 53. Л. 29.

В конце 1930-х гг. ситуация в цензурных органах на районном уровне продолжала оставаться напряженной. В частности, в Ленинграде в конце 1937 г. областной комитет ВКП(б) обязал секретарей РК ВКП(б) подобрать кандидатов на штатную цензорскую работу, но в Старорусском, Гдовском, Карамышевском, Валдайском, Ораниенбаумском, Поддорском, Плюсском, Парголовском, Ефимовском, Любытинском, Хвойнинском, Вознесенском, Винницком, Кольском, Ловозерском районах⁷⁰. Это решение выполнить не удалось. Из «Докладной записки», датируемой архивистами 1937 г., следует, что сотрудники райлитов были совместителями, а их образовательный, культурный, профессиональный уровни оказались невысоки⁷¹. Подобная ситуация сложилась с 1937 г. в Карелии, где деловые и профессиональные качества сотрудников райлитов не всегда удовлетворяли требованиям республиканской власти⁷².

Несмотря на все нюансы, цензоры в районах Ленинградской области и Карелии были, а вот ситуация в Мурманской области развивалась сложнее. В отчете Мурманского обллита за первый квартал 1939 г. отмечалось, что «в ряде районов новой области никакого предварительного контроля над газетами не было». Выделить сотрудников для работы во всех районах области удалось только со второго квартала 1939 г.⁷³

Низовые отделения Главлита, с одной стороны, не отвечали критериям бюрократической структуры, приводившимся выше; с другой, ситуация конца 1930-х гг. в организации райлитов не соответствовала требованиям «Памятки работнику райлита», выпущенной в 1934 г. Главлитом.

В параграфе «Памятки...» «Как должен быть организован райлит» отмечалось, что райлит возглавляет начальник, при чём в пограничных районах и районах, где располагались

---

⁷⁰ Постановление Бюро обкома ВКП(б) от 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 143.

⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 69, 70.

⁷² Председателям РИКов и петрозаводского горсовета от председателя СНК КАССР Бушуева от 2 августа 1937 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 3. Л.11.

⁷³ Отчет Мурманского обллита за 1 квартал 1939 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

воинские части и предприятия оборонного значения, он обязательно должен быть освобожденным и штатным работником. В иных районах начальники райлитов могли работать по совместительству⁷⁴. Специфика Северо-Западного региона СССР состояла в том, что большая часть его районов была либо приграничной, либо имевших на своей территории воинские части или промышленные предприятия. Однако не все райлиты здесь возглавляли освобожденные и штатные работники.

Трудности в организации низовых органах Главлита объяснялись не только дефицитом кадров и финансов на местах, но и равнодушием к их нуждам районных комитетов партии на протяжении 1920 — 1930-х гг.⁷⁵ и отсутствием помощи со стороны аппаратов Управлений, поскольку они не располагали точными данными о кадровом составе, его профессиональных качествах и конкретных проблемах, возникающих в уездах/районах⁷⁶.

Одним из ключевых вопросов, который уже отчасти был затронут, оказалось совместительство. Безусловно, оно не могло устраивать руководство цензурой, но в реалиях 1920 — 1930-х гг. отказаться от него было невозможно. Поэтому, стремясь частично нивелировать эту проблему, Главлит разработал определенные правила «для совместительства». Как уже упоминалось, в приграничных и значимых с военно-стратегической точки зрения районах совмещение функций цензора с другими обязанностями не допускалось. В других районах, где совместительство возможно, указывалось, что его не следовало предлагать сотрудникам Политпросвета.

---

⁷⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 31. Л. 25.

⁷⁵ Случаи равнодушного отношения партийных работников к просьбам сотрудников цензуры в 1920-е гг. зафиксированы в Протоколе Областного совещания инспекторов окрлитов от 22 — 23 марта 1929 года. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 18. Л. 31 — 40. В отношении 1930-х гг. примеры подобного отношения со стороны районных комитетов ВКП(б) к работникам райлитов также нашли свое отражения в документах.

⁷⁶ Например, см. Письмо в отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) Эрлиху от и.о. зав. отделом печати и издательств Ленобкома ВКП(б) Мясникова от 27 апреля 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 95.

Это объяснялось тем, что задачи цензуры и политпросвета были противоположенными. Компетенция первой состояла в контроле над политической и идеологической выдержанностью информационного поля, а для второго большее значение имел максимально возможный охват населения в ущерб идеологическим требованиям.

В реальности эти требования не соблюдались. К концу 1920-х гг. возмущение у руководства ленинградским отделением Главлита по поводу фактов массового совмещения функций цензоров и работников политпросвета достигло точки кипения и нашло свое отражение в докладной записке от 2 января 1929 г., составленной заведующим Областлитом Энгелем и адресованной заведующему ленинградским областным Отделом народного образования.

В ней отмечалось, что совмещение функций работника Ленобллита с обязанностями сотрудника Политпросвета равносильно отказу от проведения какой-либо цензуры, поскольку «на практике... работники Политпросвета хозяйственно заинтересованные в театрально-зрелищном деле будут стремиться к большему охвату населения в ущерб идеологическим требованиям».

Проблема совместительства в райлитах Леноблгорлита не решалась и в середине 1930-х гг., хотя аппарат Управления систематически заострял на этом внимание райкомов ВКП(б). Из переписки между начальником Леноблгорлита и начальником областного сектора становится ясно, что совместительство было в Гдовском (уполномоченный Леноблгорлита Вино – ст. инспектора п/просвета), Кировском (Г.В. Васильев культпроп РК ВКП(б)), Старорусском (И.П. Рыбаков инспектор п/просв.), Чудовском (И.П. Киселев к/проп. РК ВКП(б)) районах и Кингисеппском округе (Директорович, Инструктор РК ВКП(б))⁷⁷.

На всем протяжении второй половины 1930-х гг. Ленинград стремился решить проблему совместительства, но общая проблема с кадрами в стране не позволила этого сделать, поэтому с ним пришлось смириться. Например, на просьбу

---

⁷⁷ В областной комитет ВКП(б) Ильеву от начальника Леноблгорлита Чекавий, начальника областного сектора Перминов от 19 августа 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 53. Л. 13.

Карамышевского РК ВКП(б) в 1938 г. о разрешении продолжать работать районным цензором И.Н. Александрову, который также был зав. партучетом Карамышевского РК ВКП(б)⁷⁸, Ленобком ВКП(б) ответил положительно⁷⁹.

В Карелии ситуация с совместительством приобрела еще более острый характер. В конце 1920-х гг. в деревнях функции цензора передавали сельсоветам, не информируя об этом Петрозаводск⁸⁰.

При изучении организации Отдела военной цензуры высказывалась мысль, что он активизировал создание аппарата Управления в Карелии. На районном уровне ситуация складывалась аналогичным образом.

Один из вопросов, который стал активно решать Карельский ОВЦ, это отказ от совместительства, поскольку такая форма означала отсутствие цензуры или, в лучшем случае, выполнение ее на очень низком уровне. Демонстрацией противодействия в «борьбе» с совместительством ОВЦ может послужить Кандалакшский район, где местные власти не смогли подобрать штатного цензора. На эту должность они предложили назначить совместителя, ранее исполнявшего функции цензора, заведующего районным отделом образования Яковлева, причем райком дал согласие⁸¹. Но с этим вариантом не согласился ОВЦ АКССР⁸².

Однако, несмотря на усилия Петрозаводска, изменить ситуацию в середине 1930-х гг. не удалось. Это наглядно показывает соотношение между штатными цензорами и совместителями в 1935 г. Так в 17 районах только 2 являлись

---

⁷⁸ Отдел печати и издательств Ленобкома ВКП(б) от секретаря РК ВКП(б) Житенева от 14 марта 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 88.

⁷⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 89.

⁸⁰ Доклад о деятельности Карельского Управления по делам литературы и издательств за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. // НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 206. Л. 2 – 4.

⁸¹ Наркомпрос – Н-ку Карлита от инспектора по военным делам Кандалакшского РИКа И. Калиненко от 4 июля 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁸² Председателю Кандалакшского РИКа, секретарю Кандалакшского РК ВКП(б) от 9 июля 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

штатными цензорами, а остальные 15 работали по совместительству⁸³.

Другой серьезной проблемой низовых отделений Главлита оказалась перманентная и происходящая с невероятной скоростью ротация кадрового состава. В ряде районов за один месяц на должность цензора райкомами ВКП(б) назначались несколько человек подряд, при этом аппарат Управления об этих изменениях не информировался, необходимые бумаги на вновь назначенного работника не составлялись.

Вместе с этим уже назначенного, оформленного по всем правилам сотрудника цензуры в любой момент могли перевести на совершенно иной участок работы. Например, в 1936 г. в Струго-Красненском районе временно исполняющий обязанности уполномоченного Леноблгорлита Лагутин был командирован РК ВКП(б) в сельский совет для проведения хозяйственно-политических кампаний, и в течение месяца цензуру проводил редактор районной газеты или его заместитель, что, конечно, нарушало инструкции по цензурированию печатной продукции⁸⁴.

Попытка кардинальным образом изменить ситуацию с ротацией кадров предпринимается 3 ноября 1937 г. Этим временем датируется проект о номенклатуре областных, окружных и районных цензоров. В частности, в его первом пункте отмечается необходимость создания номенклатуры цензоров областных и окружных газет, утверждаемых ОК ВКП(б); во втором пункте говорится о внесении в номенклатуру работников, утверждаемых райкомами ВКП(б), цензоров районных и фабрично-заводских газет области; пункт третий касался Ленинграда: в нем указывалось, что цензоры фабрично-заводских газет утверждаются горкомом ВКП(б)⁸⁵. Реализация этих замыслов создала условия, при

---

⁸³ Отчет о работе ОВЦ КАССР с 1 января по 1 июля 1935 года // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 4. Л. 122 – 124.

⁸⁴ Секретарю Струго-Красненского РК ВКП(б). Копия отдел печати Обкома ВКП(б) т. Фокину от врио. Начальника Леноблгорлита Чекавый от 27 сентября 1936 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 141. Л. 38.

⁸⁵ Проект о цензорах областных, окружных и районных от 3 ноября 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 28.

которых перевести цензора на другую работу оказалось бы более затруднительно.

Но это был только проект.... В том же ноябре 1937 г. в Ленинградской области освобожденные уполномоченные работали лишь в 25 районах области, а в остальных 46 трудились совместители, которых часто переводились райкомы на другие участки трудовой деятельности⁸⁶.

Сложные условия, в которых оказались все уровни власти: от областных до районных, требовали от них адаптации к реальности. Как минимум в этом процессе можно выделить две модели. Первая – в рамках конкретной проблемы предлагался свой вариант ответа, который, конечно, не позволял полностью решить проблему, но демонстрировал определенную активность нижестоящих инстанций перед вышестоящими. Вторая – создание бюрократических проволочек, которые выбивали из сил руководящих работников и они просто «забывали» про поставленные ими задачи перед своими подчиненными.

Например, Ефимовский райком на постоянное давление Ленинграда в вопросе выделения компетентных работников в органы цензуры «нащупал способ противодействия перманентному давлению»: «Ефимовский райком ВКП(б) сообщает, что освобожденного цензора районной газеты мы подобрать не можем, так как подходящей кандидатуры на эту работу в районе нет. Поэтому райком просит командировать в наш район соответствующего товарища для указанной работы»⁸⁷. Подобную информацию можно понимать буквально – действительно в районе не оказалось подходящей кандидатуры. Но возможна и другая интерпретация – районные власти выработали своеобразную модель адаптации на постоянные требования Ленинграда о поиске потенциальных цензоров. Напрямую отказать в этом было нельзя, но, указав, что все, что было в их силах, они сделали, можно попросить помощи у вышестоящей организации.

---

⁸⁶ В отдел печати Обкома ВКП(б) Н.Г. Садчикову от ноября 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 19.

⁸⁷ Ленинградский обком ВКП(б). Отдел печати и издательств от секретаря Ефимовского райкома ВКП(б) Кононова от 18 декабря 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 18.

Обком, впрочем, не захотел брать на себя эти обязанности. Районным властям ничего не оставалось, как найти совместителя (зав. райпарткабинетом Никитина). Тем не менее, они не оставили попытки переложить этот вопрос на плечи вышестоящих инстанций в Ленинграде. Об этом свидетельствует повторная просьба в Отдел печати и издательств обкома ВКП(б) уже в 1938 г. о выделении работника из областного центра на должность районного цензора⁸⁸.

Иногда местные партийные организации подходили к подбору цензоров очень формально, по принципу «лишь бы был человек». Так в Ковжинском районе Ленинградской области, на должность уполномоченного Леноблгорлита была поставлена машинистка Утриайнен, не имеющая политической подготовки. Леноблгорлит эта кандидатура не могла устроить и он потребовал от райкома подобрать человека с соответствующим уровнем политической подготовки⁸⁹.

Интересные механизмы адаптации продемонстрировала в 1930-е гг. Карелия. В 1934 г. цензоры Лоухского района, отчитываясь перед Петрозаводском, указывали, что «из проверенных моим заместителем тов. Семеновым и выпущенных в свет пяти номеров газет “Лоухский Большевик” №№ 2391, 2401, 2402, 2403, 2404 за июль м-ц материала нарушающей правила военной цензуры не было, и вычерки не производились. Других печатных изданий, кроме газет, не было»⁹⁰. Объяснить такую ситуацию можно с двух позиций. Первая — в газетах действительно публиковался политико-идеологический или военно-экономический материал, отвечающий требованиям цензуры. Вторая — лоухские цензоры поверхностно относились к работе и составляли отчетные документы с формальной точки зрения. Информация по другим районам позволяет склониться ко второй версии. Вот один из примеров функционирования цензуры

---

⁸⁸ В отдел печати и издательств Лен. обкома ВКП(б) от секретаря Ефимовского райкома ВКП(б) Комиссарова от 3 марта 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 81.

⁸⁹ Секретарю Ковжинского РК ВКП(б). Копия обкому ВКП(б) Ильеву от и.о. нач. Леноблгорлита Чекавий, нач. Областного сектора Милович от 1 июля 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 74.

⁹⁰ Сводка важнейших вычерков предварительной цензуры [июль 1934 г.] // НАРК. Ф. р-757 Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

в Кандалакше: «в июле м-це при поездке в Кандалакшу было установлено, что т. Колабухов никакой работы по райлиту не вел»⁹¹.

Мурманск продемонстрировал свою модель. Леноблгорлит понимал, что мурманская цензура в середине 1930-х гг. не была готова выполнять свои обязанности в полном объеме, поэтому стратегически важные районы на территории Кольского Севера управлялись ленинградским отделением Главлита напрямую, минуя аппарат Управления в Мурманске. Одним из таких стал Хибиногорск (Хибиногорский горлит)⁹². Вместе с тем, такое решение было временным и не могло решить всех проблем, поэтому в 1938 г. он был возвращен под управления Мурманска.

Проблемы в региональных органах цензуры власти стремились решать, но Главлиту РСФСР не всегда хватало для принятия решений эмпирических данных и анализа происходящих событий. Поэтому для этих целей создается Краевая инспекция в 1934 г. В положении о ней указывалась ее главная функция – анализ ситуации на периферии и дифференцированное руководство региональными отделениями.

Изучение структуры региональных и местных органов Главлита будет неполным без исследования еще одного элемента – информации, которая по теории Н. Лумана связывает звенья, образуя единую структуру.

На протяжении всех 1920-х гг. обмен документами между Главлитом в Москве и его отделением в Петрограде/Ленинграде не был отрегулирован и происходил со сбоями.

Местные организации не получали документов директивного, информационно-организационного и регламентирующего характера, и это не позволяло исправить структурные изъяны. В Главлит РСФСР также не поступали данные о ситуации на местах (в частности, в Ленинграде), а это, в свою очередь, не позволяло Главлиту своевременно принимать адекватные управленческие решения.

---

⁹¹ Секретарь Кандалакшского райлита ВКП(б) от начальника Главлита АКССР Мякинена от 1 ноября 1934 г. // НАРК. Ф. р-757 Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁹² В Мурманский окрисполком нач. окрлита Котову от зам. нач. Леноблгорлита по ОВЦ Гофберга от 31 мая 1934 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 71. Л. 43.

Причин, приводивших к сбоям в коммуникации между Москвой и Ленинградом, было несколько. Первая: в аппарате петроградского гублита не было секретариата и документы из Москвы поступали через другие учреждения. Для решения этой проблемы петроградские цензоры в 1922 г. предлагали Главлиту отправлять документы, минуя губернский отдел народного образования⁹³. Правда, сотрудники петроградского отделения Главлита упустили из виду, куда документы должна была отправлять Москва, если у них не было секретариата?

Ко второй причине, можно отнести общую неразбериху, характерную для первых лет существования Главлита. В 1920-е гг. Карелия и Мурманск имели двойную отчетность, как перед Ленинградом, так и перед Москвой. Подобная ситуация не способствовала бесперебойному циркулированию информации. Например, в 1924 г. Москва не располагала сведениями о работе мурманских цензоров. Скорее всего, продолжительная «тишина» на Кольском полуострове дала основание Москве считать, что гублит в Мурманске упразднен⁹⁴. Мурманские цензоры пришлось доказывать Главлиту, что они существуют⁹⁵. Ситуация не изменилась и через два года; в 1926 г. Мурманск так и не смог наладить нормальной связи с Москвой⁹⁶.

Обмен документами Мурманска с Ленинградом также оказался не отрегулирован и давал сбои даже в 1928 г.⁹⁷ Следует отметить, что на всем протяжении конца 1920 — 1930-х гг. Мурманск «общался» с Москвой только через Ленинград. Лишь после образования Мурманской области местные цензоры стали выходить напрямую на Главлит РСФСР.

---

⁹³ В Главлит от зав. Петрогублитом [21 ноября 1922 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 4. Л. 132.

⁹⁴ Письмо в Мурманский губисполком от вр. Управделами ГИК Г. Ципар от октября 1924 г. // ГАМО. Ф. р-277. Оп. 2. Д. 1. Л. 8.

⁹⁵ Письмо от заведующего гублитом Пучежского в Главлит от ноября 1924 г. // ГАМО. Ф. р-277. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

⁹⁶ Письмо Мурманскому гублиту от Зам. председателя комитета Самохвалова от 22 марта 1926 г. // ГАМО. Ф. р-277. Оп. 1. Д. 5. Л. 12. и Ф. р-277. Оп. 1. Д. 5. Л. 13 и Ф. р-277. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

⁹⁷ Например, письмо зав. областлитом Энгеля Инспектору печати и зрелищ Мурманского округа от 17 мая 1928 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 2. Д. 1. Л. 25.

Карельские цензоры, по началу подчинялись Петрограду, после организации республиканского Главлита, отчитывались и получали директивные указания только из Москвы.

К началу 1930-х гг. связь между Москвой (для Мурманска с Ленинградом) и аппаратами Управлений в Северо-Западном регионе оказалась в целом отрегулирована.

В свою очередь, выстраивание каналов связи между центром административно-территориального образования и уездными/районными отделениями на Северо-Западе растянулось на более длительный срок.

Проблемы взаимосвязи Петрограда/Ленинграда с уездными/районными отделениями в 20-е гг. обуславливались дефектами в организации структуры, обширностью территории и отсутствием дорог⁹⁸.

По нормативным документам предполагалось, что уездные уполномоченные третьего числа каждого месяца должны предоставлять в Гублит отчет о своей работе. Но в реальности все оказалось иначе. Отчеты предоставлялись крайне неаккуратно, с большими опозданиями и даже с перерывами в несколько месяцев. Подобная ситуация приводила к тому, что статистика, направляемая в Москву, строилась только на данных по Ленинграду, не привлекая сведений из уездов⁹⁹.

Незнание ситуации на местах не позволяло аппарату Управления помочь своим уездным представителям. Например, в 1928 г. Ленинград не располагал точными данными о процессе организации и функционирования цензурных органов в уездах Ленинградской губернии. Скорее всего, начиная с 1928 г. ситуация еще ухудшилась и поступление информации с мест практически прекратилось: «Со времени своего возникновения Ленинградский гублит никогда не имел полного представления о работе, даже в подведомственных ему уездах и в течение последних 4-х лет работал фактически в городском масштабе; т.к. те немногие, далеко не полные и не регулярные сведения получаемые с мест от

---

⁹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 14. Л. 3.

⁹⁹ Докладная записка о работе уездных уполномоченных Ленинградского гублита от 12 ноября 1926 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 54. Л. 24, 25.

уполномоченных... не могли дать правильной картины работы органов ЛИТ”о в уездах»¹⁰⁰.

Своеобразный итог управлению цензурной вертикалью в Ленинградской области к концу 1920-х был подведён на Областном совещании в марте 1929 г.: «руководство со стороны Областлита Окритом и со стороны Окритита райлитами недостаточное»¹⁰¹.

Плохая связь с волостными цензорами была характерна в первой половине 1920-х гг. и для Мурманского гублита. Это объяснялось тем, что, во-первых, руководящие материалы поступали из Мурманска в волости через иные структуры, во-вторых, не было средств для проведения инспекций¹⁰².

Ситуация не изменилась и через три года¹⁰³. Это объясняется финансовыми проблемами, слабым развитием дорожной инфраструктуры. И, наконец, кадровый дефицит и быстрая сменяемость сотрудников цензуры не позволяли выделить и подготовить работника, который бы консультировал и инспектировал районных уполномоченных¹⁰⁴.

Когда речь заходит о взаимоотношениях Петрозаводска и уездов в 1920-е гг., употреблять понятие «обмен информацией» не вполне правомерно, поскольку такового вообще не было. Так, с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. в Петрозаводск предоставил краткий отчет только уполномоченный по Ухтинскому району.

Подобная ситуация была характерна не только для Северо-Запада СССР, но и для всей страны. В «Бюллетене Главлита РСФСР №4 за 1933 г.» отмечалось, что Главное

---

¹⁰⁰ План работы инспектора Ленинградского областлита по обследованию и инструктированию окритов, уполномоченных при периодических изданиях и типографиях гор. Ленинграда на I-ое полугодие 1928 г. (январь – июнь включительно) / ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

¹⁰¹ Протокол Областного совещания инспекторов окритов от 22-23 марта 1929 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 2. Д. 1. Л. 84-обр.

¹⁰² Отчет по Мурманскому гублиту за октябрь – декабрь 1926 г. // ГАМО. Ф. р-277. Оп. 1. Д. 7. Л. 23-24.

¹⁰³ Протокол Областного совещания инспекторов окритов от 22-23 марта 1929 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 2. Д. 1. Л. 84-обр.

¹⁰⁴ Доклад Мурманского окритита за май – сентябрь месяцы 1929 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

управление по делам литературы и издательств не располагало данными о работе 60% райлитов¹⁰⁵.

Признаки улучшения взаимодействия между центрами административно-территориальных образований и районами появились в первой половине 1930-х гг. В Ленинграде переломным моментом стал 1933 г. Именно тогда количество писем в районы и обратно увеличивается. Правда, здесь необходимо отметить, что Ленинград контролировал те районы, где находились промышленные предприятия. Теснее стали связи и с районами области. Так, например, когда 20 апреля 1935 г. аппарат Леноблгорлита запросил у районных уполномоченных данные по изъятию из библиотек запрещенной литературы, информацию предоставили 64 района, и лишь 10 районов оставили запрос Ленинграда без ответа¹⁰⁶.

Тем не менее, проблемы, связанные с коммуникацией к середине 1930-х гг. Ленинградом были решены отчасти. Технический аппарат Управления Леноблгорлита часто не справлялся со своими обязанностями — приказы вовремя не пересылались, высылка денег по приказам задерживалась¹⁰⁷.

К концу 1930-х гг. в основном удалось наладить связь между областным аппаратом и районными представителями. Нельзя полностью согласиться с утверждением и.о. зав. отделом печати и издательств Ленобкома ВКП(б) Мясникова, высказанным в письме в Отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) 27 апреля 1938 г.: «Леноблгорлит очень слабо руководит работой райцензоров, до сих пор не имел точного их учета, не знал своих кадров на местах»¹⁰⁸. В записке сгущены краски: руководство ленинградской цензурой имело списки цензоров в районах (т.е. учет имел место). Другое дело, что в Ленинграде имели только общие представления об общекультурном и профессиональном уровне цензоров.

---

¹⁰⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 43. Л. 118-обр.

¹⁰⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 53. Л. 5 — 5-обр.

¹⁰⁷ Докладная записка начальнику Леноблгорлита Кочергину от начальника областного сектора Перминова от 21 декабря 1935 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 71. Л. 158 — 158-обр.

¹⁰⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 95.

В течение всех 1930-х гг. контроль Ленинграда над районами можно охарактеризовать как точечный, непостоянный. Периоды подконтрольности районных цензоров сменялись временем, когда они выходили из орбиты влияния Лен-облгорлита

В Карелии первые признаки налаживания взаимодействия внутри Главлита КАССР относятся к 1934 г. Представители аппарата из 13 районов смогли проинспектировать только 4, в свою очередь, восемь районных представителей цензуры предоставили свои отчеты в аппарат Управления. Безусловно, такие показатели не устраивали Краевую инспекцию, которая предлагала работникам аппарата Управления карельской цензуры, во-первых, своими инспекциями контролировать не менее восьми стратегически важных районов, где работали штатные цензоры, во-вторых, отрегулировать механизм поступления отчетов от начальников районных отделений Главлита¹⁰⁹.

Улучшение взаимодействия между аппаратом Управления и райлитами следует связывать с созданием ОВЦ. Правда, отмеченное позитивное влияние на работу органов цензуры организацией Отдела военной цензуры произошло не сразу. На первых этапах существовала слабая связь ОВЦ с районными цензорами¹¹⁰. В 1935 г. ситуация не изменилась¹¹¹.

Сложности в руководстве Управлением по делам литературы и издательств КАССР цензурой в районах дополнялись еще и тем, что Главлит РСФСР не оперативно отвечал на запросы Мякинена, причем это явление носило системный характер¹¹².

---

¹⁰⁹ Начальнику Главлита КАССР от начальника сектора краевой инспекции Иванова от 4 сентября 1934 г. НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 2. Л. 49 – 49-обр.

¹¹⁰ Начальнику ОВЦ Карельской АССР от Зам. уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати Батманова от 23 июня 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

¹¹¹ Всем Уполномоченным Главлита АКССР от начальника ОВЦ АКССР Мякинена от 29 января 1935 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

¹¹² Сообщение о работе Главлита КАССР за 1-й квартал 1936 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 – 7.

В Мурманске в конце 1930-х гг. ситуация улучшилась, но проблемы в информационном обмене между аппаратом и уполномоченными все же имелись. Главлит акцентировал внимание местных цензоров на том, что предоставление отчетов районов в Обллит остается нерегулярным¹¹³. Надо полагать, указания центра имели недостаточный эффект, поскольку через три месяца ситуация складывалась следующим образом: от цензора Куранова Мурманск не получал сводки вычерков по несколько месяцев; Мончегорск и Кола, делая необходимые вмешательства в печатный материал, не информировали о результатах своей деятельности Обллит, а цензор Лучин (Кандалакша) не вовремя присылал сделанные им вычерки¹¹⁴.

Таким образом, в 1930-е гг. информационная связь между аппаратами Управлений в Ленинграде, Мурманске, Петрозаводске и райлитами улучшается, но она всё ещё отличается неустойчивостью: периоды относительно нормального документооборота сменялись временем отсутствия поступлений отчетов из районов.

Изучая структуру региональных отделений Главлита, представляется оправданным рассмотреть и вопрос, связанный с Главреперткомом (ГРК)¹¹⁵. Т.М. Горяева отмечает, что при создании Комитета по контролю за репертуаром преследовалась цель сделать работу Главлита более эффективной¹¹⁶. Этот замысел был понятен и логичен — в Главлите сконцентрировать контроль над печатью, в Главреперткоме — над театром и кино, поскольку в цензурировании

---

¹¹³ Начальнику Мурманского обллита Хлопотову от Зам. Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник Отдела военной цензуры Пузырев от 31 октября 1939 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 130.

¹¹⁴ Всем Уполномоченным обллита районов Мурманской области от Начальника Мурманского обллита П. Хлопотова от 10 декабря 1939 г. // ГАМО. Ф. р-479. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹¹⁵ О деятельности Главреперткома рассказывается в работе: *Блюм А.В.* От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней. Собраны по архивным и литературным источникам. СПб., 2009. С. 109 – 111.

¹¹⁶ *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917 – 1991 гг. М., 2009. С. 184.

печатного слова и театрального образа была своя специфика.

На протяжении 1920 – 1930-х гг. институциональная принадлежность Главреперткома изменялась¹¹⁷: с 1923 по 1928 г. ГРК находился в составе Главлита; с 1928 по 1934 – в составе Главискусства; с 1934 г. стал самостоятельным главком НКП.

В 1926 г. после трехлетия конфронтации Главреперткома и художественного отдела Главполитпросвета они разграничили сферы ответственности: идеологический контроль остался в ведении ГРК, а идеологическое руководство – за ГПП.

Изменения в организационной принадлежности Главреперткома, трения между ведомствами и другие «бюрократические страсти» были характерны только на уровне Москвы, в регионах обстановка развивалась не так «бурно». Ни в одном из трех изучаемых административно-территориальных образованиях Главреперткому не удалось создать ни аппарата Управления, ни уездных/районных отделений. Все функции выполняли сотрудники Главлита.

Например, в 1927 г. в Троицком уезде обязанности ГРК выполнял цензор Денисов, а уполномоченному гублита в Кингисеппском уезде Кузману эти функции были переданы от Политконтроля только в апреле 1927 г.¹¹⁸

Противоречия и споры, развернувшиеся между Главреперткомом и Главполитпросветом в Москве, на региональный уровень не перешли. Например, в Карелии в 1925 г. функции Репертуарного комитета от местных отделений Главлита передаются в ведение Политпросвета, но этот переход оказался формальным, поскольку «работоспособность и значение этого Комитета была одинаковой... как при Карлите, так же и при Карполитпросвете, так как люди

---

¹¹⁷ Структура и институциональная принадлежность Главреперткома отражена в работе: Институты управления культурой в период становления. 1917 – 1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: схемы / глав. ред. К. Аймермахер. М., 2004. С.105, 126, 144.

¹¹⁸ Протокол № 370/с совещания уездных Уполномоченных гублита от 2-го апреля 1927 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 58. Л. 1, 2.

были те же самые. Когда на таком Комитете утверждали репертуарный план, то все пьесы из этого плана знал только режиссер. Остальные же члены руководствовались только объяснениями режиссера»¹¹⁹.

Несмотря на то что в 1928 г. Главрепертком выходит из подчинения Главлита и подчиняется Главискусству, в регионах все осталось по-прежнему. Не случайно в 1930 г. аббревиатура ленинградского Областлита расшифровывалась как Областное отделение по делам литературы, издательств и зрелищ. Вообще на всем протяжении 1930-х гг. обязанности Главреперткома на местах исполняли структуры Главлита.

Региональные отделения Главлита в 1920 – 1930-е гг. развивались очень сумбурно и непоследовательно. Исключением является только аппарат Управления в Ленинграде. Завершенной в организационном отношении и адекватной окружающей ее реальности бюрократической структуры на региональном уровне Главлит, за исключением аппарата Управления в Ленинграде, создать так не смог.

1.2. «Я фактически имею право не жаловаться, а даже ругаться»: советский цензор и его рабочие будни

Представители партийных, советских организаций и руководители цензурного ведомства считали, что партийность является залогом успеха при работе в органах цензуры: «Абсолютное большинство цензоров работают неплохо и могут работать значительно лучше, так как они имеют большой опыт партийной работы, и это им позволяет быстрее ориентироваться в работе и совершенно правильно осуществлять цензуру»¹²⁰.

---

¹¹⁹ Доклад о деятельности Карельского Управления по делам литературы и издательств за период с 1 октября 1926 по 1 октября 1927 гг. // НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 206. Л. 3.

¹²⁰ Докладная записка о состоянии цензуры в области в обком ВКП(б) от 1 августа 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 167 – 173.

Вместе с этим региональные отделения Главлита практически не уделяли внимания так называемому «человеческому капиталу». Такие вопросы как образовательный и культурный уровень цензора, его профессиональные и личные качества практически не фигурируют в документах. Вообще, рабочие, бытовые и иные проблемы и трудности цензоров в источниках отражены очень слабо. Более того, даже статистических данных, численности, образования, партийности и других количественных показателей в архивах практически нет.

В начале, для удобства восприятия, хотелось составить таблицы, которые бы отразили динамику численности кадрового состава, партийность, образование и т.д., но информации оказалось так мало, что не позволило реализовать первоначальный замысел.

Исключением из этого стала лишь численность кадрового состава ленинградского отделения Главлита.

Таблица

**Численность кадрового состава
ленинградского отделения Главлита в 1920 – 1930-х гг.**

год	1923	1925	1926	1927	1933	1938
аппарат	18	25 ¹²¹		29 ¹²²	64 ¹²³	
районы			10 ¹²⁴			73 ¹²⁵

¹²¹ Доклад ленинградского губернского отдела по делам литературы и издательств за время с 1-го июня 1924 г. по 1-ое июня 1925 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 42. Л. 33.

¹²² Отчет Ленинградского гублита за апрель 1927 года // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 51. Л. 447.

¹²³ Итоги работы облгорлита за март 1933 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 43. Л. 80.

¹²⁴ Докладная записка о работе уездных уполномоченных ленинградского гублита от 12 ноября 1926 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 54. Л. 24.

¹²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 95.

Табличные данные демонстрируют, что на протяжении 1920 – 1930-х гг. происходил численный рост как сотрудников аппарата Управления, так и цензоров в районах. При этом в начале 1930-х гг. количество работников в аппарате Леноблгорлита значительно возросло.

Остальные количественные данные позволяют, к сожалению, лишь кратко охарактеризовать цензоров в Ленинграде, Карелии и Мурманске.

Партийность в райлитах, подчиненных Леноблгорлиту в 1938 г. была следующей: от 5 до 7 лет – 11 чел.; от 8 до 10 лет – 18 чел.; от 11 до 13 лет – 18 чел.; от 14 до 16 лет – 5 чел.; от 17 до 19 лет – 7 чел.; от 20 до 21 года – 1 чел.¹²⁶

Образование в Областном секторе аппарата Леноблгорлита в 1938 г. – высшее 2 человека; среднее – 6 чел.; начальное – 1¹²⁷. За это же время в районах – высшее образование имело 5 человек; среднее – 21; начальное 34¹²⁸.

На 1938 г. в райлитах Леноблгорлита стаж работ оказался следующим: от 6 месяцев до 1 года – 45 чел.; от 1 года до 2 лет – 6 чел.; от 2 лет до 3 лет – 4 чел.; от 3 лет до 4 лет – 4 чел.; от 4 лет до 5 лет – 1 чел.¹²⁹

В отношении Карелии и Мурманска количественные данные оказались еще более незначительны.

В частности, в аппарате Управления в Петрозаводске в 1923 г. трудилось 11 человек¹³⁰. По партийности на 1935 г. ситуация обстояла следующим образом – с 1917/1918 г. было 3 чел.; с 1920/1921 г. – 9 чел.; с 1928/1931 – 5 чел. По социальному составу на тот же год рабочих – 3; крестьян – 12; батраков – 1; служащих – 1. По национальному – 9 русских; 7 финнов и карел; 1 латыш. По образовательному уровню в

---

¹²⁶ Докладная записка о состоянии цензуры в области от 1 августа 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 167.

¹²⁷ Докладная записка о состоянии цензуры в области в обком ВКП(б) от 1 августа 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 172.

¹²⁸ Докладная записка о состоянии цензуры в области от 1 августа 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 167.

¹²⁹ Докладная записка о состоянии цензуры в области от 1 августа 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 168.

¹³⁰ Отчетный доклад Главного Управления по делам литературы и издательств Автономной Карельской Социалистической Советской Республики за 1923 год // НАРК. Ф. р-757. Оп. 3. Д. 1. Л. 1 – 7-обр.

аппарате Управления — 5 чел. имели высшее образование; 8 среднее и 4 начальное¹³¹.

В отношении Мурманска кадровый состав на 1939 г. характеризовался тем, что в аппарате Управления работало 5 чел., в районах — 10. На 1939 г. 12 человек были членами ВКП(б), 2 человека кандидатами и 1 член ВЛКСМ. Стаж работы на 1939 г. оказался — 9 человека от 1 до 2 лет; 6 чел. до 1 года¹³².

Из приведенных сведений одним из самых важных, наряду со стажем работы в органах цензуры, являются данные об уровне образования цензоров. Это объясняется тем, что, чем выше образовательный уровень человека, тем выше его когнитивные возможности, а они, в свою очередь, свидетельствуют о предрасположенности человека к быстрому и эффективному освоению предмета и особенностей новой работы.

Вместе с этим, в становлении хорошего цензора важен не только образовательный уровень и опыт работы в цензуре, но и его человеческие качества. Обладая даже соответствующим образованием и профессионализмом, человек может посредственно выполнять свои обязанности, так как не имеет никакой мотивации к работе.

Поэтому для лучшего понимания готовности или неготовности сотрудников цензуры исполнять свои должностные обязанности, необходимо изучить цензора не в качестве элемента системы, а с позиции человека, т.е. понять его страхи, переживания, трудности, желания, условия жизни и работы, социальный престиж профессии и т.д.

Имея в своем распоряжении крупницы информации, все же следует попытаться нарисовать портрет сотрудника регионального отделения Главлита. Это, скорее всего, даже будет не портрет, а эскиз к нему. Более того, относительно четкая и детализированная зарисовка возможна на уровне аппарата Управления (все в том же Ленинграде), но чем дальше от центра административно-территориального образования, тем яркость и контрастность линий уменьшается.

---

¹³¹ Отчет о работе Отдела военной цензуры КАССР с 1 января по 1 июня 1935 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 4. Л. 122.

¹³² Отчет о работе Мурманского обллита за 1939 год // ГАМО. Ф. 573. Оп. 3с. Д. 3 Л. 7.

Статистика, приведенная выше, стремится унифицировать всех сотрудников цензуры, но, обращаясь к автобиографиям, анкетным листам, в которых описывается именно человек, приходит понимание, что каждый сотрудник Главлита был уникален – его жизненный путь, причины, побудившие придти в органы контроля, и т.д.

Пример витиеватой дороги в цензуру демонстрируется в воспоминаниях Елены Александровы Гиляровой. В них она отмечает, что перед самым окончанием ИКП (института красной профессуры) в 1933 г. ее хотели направить работать в горком ВКП(б) (в воспоминаниях написано КПСС), но она этого не захотела, так как писала кандидатскую диссертацию и стремилась только преподавать. Но ей объяснили, что заниматься только преподавательской деятельностью она не сможет и вынуждена будет совмещать ее с другими видами работы. Осенью того же года она получила направление в Горлит начальником сектора литературы и искусства¹³³.

Кстати, следует обратить внимание, что Елена Александровна, не имея никакого опыта работы, пусть даже обладая высоким образовательным уровнем, сразу назначается на должность начальника сектора. Это не с лучшей стороны характеризует работу с кадрами в органах Главлита, поскольку начальник должен обладать представлением о специфике возглавляемого им учреждения. А этого можно добиться только проработав в нем определенное время.

Другой путь, прежде чем стать цензором, прошел Спиридон Иванович Головкин. До 1917 г. он окончил церковно-приходскую школу. С 1920 по 1922 г. работал заведующим Организационно-инструкторским отделом Кустанайского укома КСМ. В 1922 г. в Архангельске ушел добровольцем на флот, но по состоянию здоровья был освобожден от службы. Впоследствии Архангельским Укомом КСМ направлен на лесопильный завод рабочим с заданием организовать комсомольскую ячейку. Осенью поступает в Губсовпартшколу, которую заканчивает в 1923 г.

С лета 1923 по осень 1924 г. работает политоргом при уездвоенкомате, секретарем Мезенского городской организации КСМ и проводит здесь ликвидацию безграмотности.

---

¹³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 355. Л. 44.

Осенью 1924 г. С.И. Головки направляется на учебу в бывший Московский политико-просветительный институт, который заканчивает в 1927 г. Обучаясь в институте, редактирует институтский журнал «Коммунизатор», в 1925 – 1926 гг. преподает на курсах по переподготовке в Рязани, Сормове и других городах.

После учебы командирован в Грозный, где в течение года работает преподавателем политпросветительных дисциплин и истории ВКП(б) в окружной совпартшколе 2-й ступени.

В 1929 г. переводится в Новороссийск, где с 1930 г. работает в редакции окружной газеты «Пролетарий Черноморья», параллельно в течение восьми – девяти месяцев выполняет и редакторские функции в многотиражной газете «Цемент» на заводе «Пролетарий».

Осенью 1932 г. назначается заведующим краснодарским Горлитом. А с весны 1932 г. по сентябрь 1933 г. выполнял функции уполномоченного Горкома ВКП(б) по посевной. Заболев тропической малярией, по состоянию здоровья переводится на север.

В Ленинград Головки приезжает в декабре 1933 г. и назначается политредактором Облгорлита. С апреля 1934 г. работает редактором многотиражки типографии им. Володарского, при этом остается по совместительству цензором¹³⁴.

Сделана зарисовка только двух тропинок, приведших людей в органы цензуры. Конечно, у каждого человека эта дорожка оказалась неповторима, скорее всего, из всех сотрудников органов Главлита никто не испытывал особого желания работать цензором, просто так сложился их путь.

Уникальной оказалась не только дорога в цензуру, но и личность каждого цензора. Незначительные сведения, характеризующие человека, заставляют в определенной степени восхищаться им, приводят к пониманию, какой нетривиальной личностью оказывался сотрудник цензуры.

Одним из интереснейших цензоров Иностранного сектора Облгорлита с 1931 по 1934 г. была Дора Евгеньевна Лейхтенберг¹³⁵ 1881 года рождения. Место ее рождения оказа-

---

¹³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 28. Л. 9 – 9-об.

¹³⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 61. Л. 2.

лось экзотическим для рядового советского гражданина — Мюнхен. По социальному происхождению она была дворянкой, по этническому — немкой.

Она работала в Иностранном секторе Обллита ответственным переводчиком. В характеристике отмечалось, что она превосходно владеет всеми европейскими языками, хорошо знает и библиотечное дело. Вместе с этим отмечались и «типичные» недостатки интеллектуальных людей — рассеянность, забывчивость, отсутствие напористости, настойчивости и систематичности в работе¹³⁶.

Благодаря анкетному листу Михаила Эдуардовича Бродского (Краснова) становится ясно, что М.Э. Бродский родился в Ташкенте в 1904 г. Отец рабочий, а мать — мещанка. Михаил Эдуардович был образованным человеком: окончил Свердловский Комвуз, I-й МГУ, аспирантуру Академии ГАИС, имел звание доцента по литературоведению, знал таджикский и узбекский языки. Написал книгу «Краткие очерки русской литературы XIX — XX в.». Скорее всего, в своей монографии он написал нечто, что не понравилось власти, и получил выговор Нижневолжской контрольной комиссии. Его послужной список впечатляет: в 1919 — 1922 гг. работал в Ташкенте Тур. ЧК в должности СОЧ, в 1922 — 1924 занимал должность политруквоенкома Красной армии. С 1924 по 1925 г. ответственный секретарь ЦК комсомола в Бухаре, в 1925 — 1927 нарком труда в Таджикистане. В 1927 — 1931 гг. он учился в Москве, в 1931 — 1932 гг. работал зав. сектором печати в крайкоме ВКП(б) на Нижней Волге, в 1932 — 1933 гг. зав. сектором печати в обкоме ВКП(б) на Урале¹³⁷.

Другой незаурядной личностью оказался Викентий Климентьевич Барзданис — начальник редакционно-издательского сектора Военной Электротехнической Академии РККА, работающий в 1934 г. цензором Леноблгорлита по совместительству.

По национальности он был литовцем, по социальному происхождению выходцем из крестьянской семьи. Окончил вначале двухклассное училище, затем хозяйственные курсы

---

¹³⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 61. Л. 6-об.

¹³⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 27. Л. 36 — 37.

Наукомсвязи в Москве и Военно-Электротехническую Академию в Ленинграде, получил специальность инженера-электрика. В партию вступил в феврале 1918 г.¹³⁸

Больше информации сохранилось о другом литовце, крестьянского происхождения, Иосифе Иосифовиче Баронасе¹³⁹. Правда, к его автобиографии следует подходить критически, поскольку автором в ней напутаны даты, одни события наслаиваются на другие и т.д. Но, благодаря ей, можно увидеть сколь насыщена и динамична была его жизнь.

Свою трудовую деятельность И.И. Баронас начал в 14 лет (в 1915 г.), проработав целый год по найму. С 1918 по 1920 г. сфера его работы постоянно менялась — он трудился на строительстве, хлебо- и лесозаготовках и т.д. По распоряжению партии в марте 1921 г. Баронас прибыл в Москву, где поступил на годичные курсы в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. В 1922 г. переезжает в Петроград и устраивается рабочим на фабрику «Скорород». Параллельно с 1923 по 1925 г. учится на Рабфаке Технологического института.

По состоянию здоровья Баронас окончить институт не смог и был направлен партией на работу в Объединенный комитет торговых представителей Сенного, Горткина и Нового рынков. В 1928 г. его переводят в Госбанк, в нем он долго не задержался и меняет место работы на Союзтранс. Но и там проработав несколько месяцев, по требованию Райкома ВКП(б), переводится на должность заведующего Литовским рабочим клубом, которую занимал до октября 1933 г.

Трудовую деятельность в клубе он совмещал как с обучением в Институте истории философии и лингвистики, так и с работой по совместительству цензором Иностранного отдела Горлита¹⁴⁰.

Если жизненный путь ленинградских цензоров относительно хорошо можно проследить, то биографии сотрудников цензуры в карельском и мурманском отделениях Главлита почти неизвестны. Исключением из правила стали

---

¹³⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 4. Л. 4 — 4-об.

¹³⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 5. Л. 2 — 3-об.

¹⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 3. Д. 5. Л. 5 — 6.

совсем незначительные сведения из жизни первых «кольских» цензоров Главлита в первой половине 1920-х гг. Иван Петрович Пикин работал заведующим Мургублитом по совместительству. Он окончил историко-экономическое отделение Коммунистического института им. Крупской в Ленинграде¹⁴¹. Аркадий Александрович Розин, выполнял обязанности уполномоченного Гублита в редакции газеты «Полярная Правда» и имел высшее образование¹⁴². Секретарем Гублита служил Александр Валерианович Левицкогий, окончивший горное училище¹⁴³.

Дорога человека в окружные цензоры также имела свой путь. Одним из многочисленных примеров является инспектор Лужского окрлита Иван Иванович Кузьмин. Он родился 30 марта (по старому стилю) 1905 г. в деревне Скирицы (Лужского округа, Плюсского района). По социальному происхождению его отец был крестьянин-середняк, про мать в автобиографии сведения нет.

Иван Иванович окончил в 1916 г. начальную школу, когда в 1919 г. в соседнем селе была открыта двухклассная школа, он отправился туда продолжать образование. Осенью 1920 г. поступает, а весной 1924 г. завершает обучение в Лужском педагогическом техникуме, получив квалификацию учителя школы 1-й ступени. Будучи студентом техникума 15 марта 1922 г. вступает в комсомол, а через два года (1924 г.) — в ВКП(б). После завершения обучения Кузьмин направляется комсомольской организацией преподавать обществознание в Городецкую школу повышенного типа (Лужского района). Работу в школе И.И. Кузьмин совмещал с другими обязанностями — состоял членом правления кооператива, членом ревизионной комиссии ВИКа, работал в месткоме Союза работников просвещения. По партийной линии выполнял агитационно-пропагандистскую работу при Городецком волкоме. Через некоторое время он стал заведующим школой. С этой должности (1 ноября 1927 г.) он был переведен на работу в окрлит и параллельно выполнял обязанности инспектора Лужского Окружного Отдела (по ШКМ)¹⁴⁴.

---

¹⁴¹ ГАМО. Ф. р-277. Оп. 2. Д. 3. Л. 40.

¹⁴² ГАМО. Ф. р-277. Оп. 2. Д. 3. Л. 42.

¹⁴³ ГАМО. Ф. р-277. Оп. 2. Д. 3. Л. 41.

¹⁴⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 6. Л. 10, 10-об.

Сохранившиеся сведения, конечно, не создают полную картину судеб людей, пришедших в цензуру. Но они позволяют понять, кто приходил в аппарат Управления, в местные цензоры. Пришедший работать цензором человек, по тем временам, в основном располагал достаточным уровнем образования. Правда, остается открытым вопрос, в какой степени оно способствовало ориентации нового сотрудника в особенностях цензорской работы. С другой стороны, имея опыт работы на разных должностях, у человека вырабатывается возможность быстрой адаптации к новым условиям работы и должностным обязанностям.

Если личность и жизненный путь каждого цензора были уникальны, то условия труда оказались одинаковы. Исключением из этого стал лишь аппарат Управления Леноблгорлита. В нем по сравнению с райлитами и другими аппаратами Управления в Мурманске и Петрозаводске, сложились терпимые условия работы – было помещение, необходимое оборудование; партийные организации реагировали на просьбы цензоров, а сотрудники типографий и редакций вели себя корректно по отношению к ним. В архивах нет документов, в которых сохранились бы жалобы или недовольства представителей аппарата Управления Леноблгорлита.

На уровне райлитов, даже в Ленинградской губернии/области, цензоры оказались в спартанских условиях. Постоянным спутником жизни районных отделений Главлита становилось «бюрократическое одиночество» – сотрудники райлитов привыкали к мысли, что про них никто не помнит и они, в свою очередь, никому неподотчетны. Подобная ситуация вытекала из проблем с коммуникацией, о которых подробно рассказывалось в предыдущем параграфе.

Отсутствие регулярной и бесперебойной связи с центром было не единственным атрибутом жизни цензора в уезде/районе. На протяжении 1920 – 1930-х гг. «властитель ножиц» постоянно находился в ожидании перевода на другое место работы. Подобная ситуация была характерна для районных цензоров ленинградского отделения Главлита даже в 1937 г. Например, за один январь 1937 г. РК ВКП(б) перевел с должностей районных цензоров 50 человек¹⁴⁵.

---

¹⁴⁵ Докладная записка в Ленинградский областной комитет ВКП(б) от зам. нач. обл. сектора Забралова [1937 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 69, 70, 71.

Пагубное влияние имела и система совместительства. Она не позволяла цензорам на соответствующем уровне изучить и самое главное понять содержание инструкций, нормативно-правовых и других документов. Более того, совместительство приводило к тому, что на должность цензора назначались совершенно не подготовленные люди. Например, подобная ситуация имела место в 1937 г. в Ленинградской области, где на должность районного цензора в Ковженском районе назначили машинистку райкома, которая не имела соответствующей подготовки.

Ротация кадрового состава и совместительство осложнялись еще и нежеланием местных властей оказать помощь райлитам. Подобная ситуация, например, возникла на территории Кольского полуострова в середине 1935 г. Окружной Исполнительный комитет ничем не помогал представителю цензуры Кокареву – не желал решить вопрос с помещением для мурманской цензуры, не выделял заместителя¹⁴⁶.

Все это обострялось и крайне плохим финансовым положением работников цензуры (например, в 1937 г., несмотря на протесты, Леноблисполком сократил смету Леноблгорлита, в результате этого 20 уполномоченных и заместителей пришлось оставить без зарплаты, а оставшимся 71 уполномоченному выплачивать заработную плату в размере от 50 до 200 рублей¹⁴⁷). Вместе с ущемлением в финансовой сфере, работники цензуры не получали путевок на курорты и в дома отдыха¹⁴⁸.

Однако низкая зарплата может стать не самым главным демотивирующим фактором, намного хуже, когда ее вообще не выплачивают. Например, на Кольском полуострове неоднократно в течение всех 1930-х гг. были случаи, когда зарплату не выплачивали в течение месяца. Это объяснялось тем, что из-за текучести цензоров отдел кадров вовремя не успевал

---

¹⁴⁶ Докладная записка начальнику Леноблгорлита Кочергину от начальника Областного сектора Перминова от 21 декабря 1935 г // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 71. Л. 158 – 158-об.

¹⁴⁷ Докладная записка зам. нач. Областным сектором Забралова в Ленинградский обком ВКП(б) [1937 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 69.

¹⁴⁸ Отчет мурманского Обллита за 1 квартал 1939 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 – 27-обр.

подготовить приказа о начислении зарплаты, а бухгалтерия без него не имела права начислять зарплату¹⁴⁹.

Совместительство, систематическая задержка заработной платы и другие спутники жизни цензора осложнялись еще и тем, что среди работников печати цензор не пользовался авторитетом¹⁵⁰, что это приводило к неуважительному (если не сказать хамскому) отношению первых к последним¹⁵¹. Конечно, грубость со стороны работников печати не была повсеместной, но и рассматривать ее как частный случай, тоже не представляется возможным.

Например, редактор газеты «Выдувальщик» Оредежского района Метанский отказывался принимать поправки цензора, последний вынужден был задерживать газету. Начальник Леноблгорлита Кочергин просил обком ВКП(б) воздействовать на редактора ибо тот игнорировал требования цензора¹⁵².

Непростые отношения, возникающие между редактором и цензором, отражены в письме ответственного редактора газеты Гордона в Ленинградский обком ВКП(б) и начальнику Леноблгорлита от 7 марта 1935 г.

Полностью доверяться содержанию письма и оценкам работы заведующего мурманским окрлитом Котова не следует, так как письмо было написано уже после снятия Котова со своей должности. Этот документ интересен тем,

---

¹⁴⁹ Докладная записка начальнику Леноблгорлита Кочергину от начальника Областного сектора Перминова от 21 декабря 1935 г // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 71. Л. 158 – 158-об.

¹⁵⁰ Одна из причин негативного отношения работников СМИ к цензорам заключалась в институциональной принадлежности структуры Главлита к системе Отдалов народного образования. Начальник Горьковского краевого отделения военной цензуры В. Бабкин отмечает, что «подчас редакторы просто не хотят признавать политконтроля (охранного) со стороны райлитов, считая ниже своего «достоинства» подвергаться предварительной цензуре со стороны райлитов (какого-то работника РОНО)». О работе советской цензуры (сборник материалов). Выпуск II. Горький, 1934 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 27. Л. 368.

¹⁵¹ Протокол Областного совещания работников Леноблгорлита 10 и 11 июля 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 129 – 138.

¹⁵² Письмо в Обком ВКП(б) от начальника Леноблгорлита от 20 ноября 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 53. Л. 20 – 20-об.

что в определенной степени показывает взаимоотношения редактора и цензора, возможности последнего влиять на работу СМИ и т.д.

«Довожу до вашего сведения, — писал Гордон, — что если бы я в своей работе постоянно бы придерживался его (Котова. — *Ф.Я.*) указаний, то нет никаких сомнений в том, что я уже давно был бы исключен из партии, снят с работы, предан суду. ... 50% указаний тов. Котова носят совершенно анекдотический характер и ясно говорят о слабости его умственных способностей. Он и сам не отрицает этого, ссылаясь на полученную контузию. ... Первое требование, которое предъявляется работникам Облита, выполняющим секретную работу, — держите язык за зубами — Котов же делает достоянием всего Мурманска, каждую внесенную им поправку или исправление, по своей глупости, разглашая сведения, составляющие государственную тайну СССР. Делает он это для того, чтобы всячески рекламировать свою работу и подчеркнуть «политическую неграмотность» тех людей, которым партия доверила редактирование газеты. Методы к которым он прибегает, носят явно мошеннический характер и заслуживают самого сурового воздействия»¹⁵³.

Конечно, Главлит, с одной стороны, стремилось решать проблемы своих сотрудников, в частности, финансовую — для районных цензоров в конце 1930-х гг. были увеличены ставки, уравнившие их в уровне оплаты с редакторами районных газет¹⁵⁴. С другой стороны, даже у цензоров Леноблгорлита в 1938 г. оставались не решенными бытовые вопросы, не создавались оптимальные условия для работы, не проводилась учеба с молодыми сотрудниками и задерживалась зарплата¹⁵⁵. Следует констатировать, что к концу 1930-х гг. у руководства цензурного ведомства как в центре, так и в регионах было понимание, что необходимо улучшать уровень жизни и условия работы цензоров, но для этого не хватало ресурсов.

---

¹⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 53. Л. 1, 1-об.

¹⁵⁴ Докладная записка в ленинградский Областной Комитет ВКП(б) от зам. нач. обл. сектора Забралова [1937 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 69, 70, 71.

¹⁵⁵ Протокол областного совещания работников Леноблгорлита 10 и 11 июля 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 130 — 132.

Осложнить или облегчить работу цензора мог и психологический климат в коллективе. Но условия 1920-х – 1930-х гг., не способствовали выработке корпоративного духа, традиций работы, отсутствовала трудовая дисциплина; не было коллективности в работе (не осуществлялся обмен мнениями). Например, Лебедева признавал на совещании политредакторов 7 марта 1928 г.: «один из существенных недостатков нашей работы – это отсутствие коллективной работы. Каждый работает по себя, не советуясь и не беседуя с другими товарищами»¹⁵⁶.

Иногда условия работы оказывались настолько сложными, что нервы у цензоров не выдерживали. Нарушая субординацию, райцензоры направляли в адрес своих начальников письма, в которых высказывали все свое недовольство. Подобные документы интересны прежде всего с точки зрения психологического климата, в котором работал цензор.

Вот одно из писем, написанное 5 июня 1935 г. начальнику Леноблгорлита Кочергину от сотрудника Новгородского горрайлита. К сожалению, в письме не указана фамилия новгородского цензора, а стоит только его подпись: «Пишу вам не как подчиненный начальнику, а как коммунист коммунисту. Я думаю, что пора бы вам уже понять, что та “игра в непризнание”, которую вы проводите в отношении меня вот уже 5 месяцев, сильно вредит делу. Ваше дело утверждать меня или не утверждать (об этом будет разговор в другом месте), но вы не можете не считаться с тем фактом, что я существую и работаю уже 5 месяцев и, следовательно, ваш прямой долг всячески помогать мне в работе. Между тем, все мои запросы остаются без ответа и за все время моей работы я не получил от Облита не одного указания, касающегося именно моей работы. А все директивы секретного характера высылаются мне аккуратно, как и всем остальным Райлитам. За все время мне не указано ни на одну мою ошибку, хотя продукцию моей работы в виде цензурируемых газет и изделий Новгородской типографии вы получаете ежедневно. И я не могу исправить своих ошибок, так как мне на них не указали. А ошибки, вероятно, были, как и у

---

¹⁵⁶ Протокол №1 совещания политредакторов от 7 марта 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 17. Л. 10-об.

всякого нового в работе человека. Заработную плату вы перестали высылать с марта включительно.

Поймите же хоть теперь, что так работать нельзя. Я утвержден постановлением президиума Новгородского РИКа по предложению (письменному) РК ВКП(б) и не могу самовольно бросить работу. В Райкоме же, куда я неоднократно обращался с требованием выделить на должность райлита человека, которого вы могли бы утвердить, мне неизменно отвечают: “работай, когда будет нужно – сменим”.

Поймите, что работать при таких условиях для меня – удовольствие ниже среднего, что я с большим удовольствием перешел бы на всякую другую работу. Но я – дисциплинированный коммунист и никогда не бросал и не брошу порученный мне партией пост, как бы люди не осложняли мне работу.

А условия для работы созданы, действительно, такие, о каких я и не слыхивал, хотя за 17 лет нахождения в партии видел немало.

Очень прошу для пользы дела в будущем немедленно отвечать на все мои запросы давать указания по существу моей лично работы.

Вопрос об выделении работника на должность райлита перед РК ВКП(б) ставьте сами, я же больше в РК с этим вопросом не пойду: походил, будет.

Да, думаю, что после 5-ти месяцев работы о человеке следует судить по делам, а не по анкетным данным»¹⁵⁷.

Этот крик души оказался далеко не единственным. Очередное яркое недовольство существующей ситуацией проявилось в 1938 г. на производственном заседании цензоров Леноблгорлита.

Из выступления уполномоченного Старорусского райлита Макаркина становится ясно, что он совершенно не ощущает поддержки Обллита, которое не создает условий для работы и не интересуется трудностями цензоров. В частности, выступающий отмечает, что он работает с 10 утра до 3 часов ночи, поэтому в этих условиях допустить ошибки вполне возможно. Подобная ситуация возникает потому, что Обллит не желает выделить ему заместителя, а РК ВКП(б) на

---

¹⁵⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 75. Л. 13.

требование Макаркина, выделить ему помещение, не реагирует.

В эмоциональности выступления ему не уступал уполномоченный Новосельского Райлита Иванов, который подчеркивал проблемы с выплатой зарплаты и все той же «холодностью» облита в отношении райлитов.

Новую проблему на производственном заседании поднимает уполномоченный по Порховскому району Шабанов, который отмечал, что райкомы рассматривают работу цензоров как аналог редакторских обязанностей, которые безболезненно можно совместить с работой редактора, поэтому не желают оказывать помощь цензорам.

Уполномоченный Волховского райлита Швальцев, который в этой должности работал уже пять лет (с 1933 г.), подчеркивал, что проблемы с заместителями возникают из-за того, что эти должности не оплачиваются, за эти годы ему несколько раз подбирали заместителя, но люди уходили, не желая работать бесплатно. Швальцев ссылаясь на трудные условия работы и очень актуальная для всей райлитов — проблему отсутствия транспорта.

Уполномоченный Средкинского райлита Савельев отмечал, что с молодыми кадрами работа не проводится, а на его просьбу, адресованную горлиту, вызвать его для инструктажа, он ответа так и не дождался. В своем выступлении он указал и на вполне традиционную проблему — невыплата зарплаты. В его случае без денег он «просидел» два месяца и получил их только после письма к А.А. Жданову.

В выступлении начальника Псковского окрлита Борбенкова отмечается, что руководство Леноблгорлита не всегда отслеживает ситуацию в области. Он привел пример, что, несмотря на переименование Псковского райлита в Псковский окрлит, корреспонденция из Леноблгорлита продолжает поступать на адрес «Псковского райлита».

Борбенков обратил внимание и на другие проблемы. Поскольку директивы округ получает позднее, чем районы, это приводит к асинхронности в работе — в районе литературу изымают, а в округе она все еще циркулирует среди читателей. Большая часть запросов остается без ответа со стороны Леноблгорлита. Упомянувшись в конце выступления и о зарплате, он не стал возмущаться нерегулярностью её выплаты, а рассказал, что цензоры из своей зарплаты

должны платить за телефон, почтовые расходы и все это возмещается только после двух месяцев¹⁵⁸.

Жизнь и работа цензора оказались трудны, но даже в этой, написанной серой краской картине, имелись светлые штрихи. Е.А. Гилярова вспоминала, что это время оказалось в ее жизни очень интересным: «период знакомства с писательской средой Ленинграда, где были очень талантливые художники слова, с ними я встречалась не только при прохождении печати через цензуру, но и бывала на всех собраниях писателей и даже два раза на I съезде писателей в августе 1934 года»¹⁵⁹.

В документах часто отмечается крайне недобросовестное отношение к своим обязанностям цензоров. Такое явление не удивительно. Как можно хорошо выполнять свои обязанности, если невозможно связаться с начальством, если завтра – послезавтра переведут на другую работу и, наконец, если обязанности цензора не являются основными.

Такие «условия работы» не благоприятствовали внимательному изучению руководящих материалов, не способствовали привыканию к новому месту работы, не позволяли понять специфику цензурного ремесла. Все это приводило к формализму в выполнении служебных обязанностей и нежеланию работать.

Вопросам мотивации работников посвящено значительное количество исследований. В специализированной литературе отмечается, что она состоит из двух видов – внешняя и внутренняя. Последняя определяется содержанием и значимостью работы. Она должна быть интересна человеку и создавать условия для реализации его способностей. Более того, человек должен понимать общественную значимость своей работы. Внешняя мотивация проявляется в административной и экономической формах. Мотивация может осуществляться различными методами: разъяснением, воспитанием, личным примером, системами поощрений и наказаний¹⁶⁰.

---

¹⁵⁸ Протокол областного совещания работников Леноблгорлита 10 и 11 июля 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 130 – 134.

¹⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 355. Л. 44.

¹⁶⁰ *Генкин Б.М.* Эффективность труда и качество жизни. СПб., 1997. С. 56, 57. О механизме мотивации также см.: *Пугачев В.П.* Руководство персоналом организации. М., 2002. С. 33, 34.

В современной литературе по вопросам кадровой политики отмечается, что при постановке целей и задач в работе организаций необходимо участие будущих исполнителей, которые должны подтвердить, что эти цели для них являются значительными и достижимы. Связь уровня вознаграждения с достижением совместно поставленных целей обеспечивает мотивацию через оценку результатов¹⁶¹.

Применение современных требований к мотивации работников, оказывается, что ни один из них не работал в условиях цензурных реалий 1920 – 1930-х гг. Органы цензуры не могли обеспечить карьерного роста, решить бытовые и материальные запросы своих сотрудников, социальным престижем работа не пользовалась, большинство цензоров вообще не понимало значения своей работы.

Более того, заставить человека работать хорошо в органах цензуры под страхом административного, партийного или уголовного наказания (по всем нормативным документам этими возможностями власть обладала, так как сотрудник Главлита имел форму допуска к документам категории секретно и совершенно секретно, разглашение сведений, входящих в эту категорию, предполагало наказание) тоже оказалось невозможно.

Вместе с этим, анализ биографий сотрудников показал, что этим людям (в силу их образования, общей культуры, жизненного пути и других параметров) важен был статус, социальное и материальное значение работы, применение своих интеллектуальных возможностей при выполнении должностных обязанностей, карьерный рост и т.д. Всего этого органы Главлита предоставить своим сотрудникам не могли.

Трудности в кадровом вопросе ни в коей мере не снимали задач цензурирования, поэтому цензурная система вырабатывала инструменты, адаптирующие имеющиеся в ее распоряжении кадры к решению стоящих перед ними задач.

Несмотря на уровень образования и полученные профессиональные навыки, придя в органы цензуры человек, должен был получать новые знания, умения и навыки.

---

¹⁶¹ Теория и практика управления персоналом / Авт.-сост. Г.В. Щёкин. 2-е изд., стереотип. Киев, 2003. С.52.

Специализированных учебных заведений, обучающих цензурному ремеслу, не существовало, поэтому подготовка новых сотрудников ложилась на плечи самих органов цензуры. Именно система подготовки становилась одним из элементов адаптации человека к нуждам цензурных организаций. Однако она проводилась недостаточно последовательно и системно. Произошедшая в 1928 г. реорганизация ленинградских органов цензуры выявила ряд изъянов. Например, назначенные в ряд округов штатные цензоры не получали необходимую консультацию в Леноблгорлите¹⁶².

Систему подготовки и обучения кадров подробно изложены начальником Запобллита Власовым в статье «Работа на местах», опубликованного в первом номере Бюллетеня Главлита РСФСР и ОВЦ (для районов) за 1935 г.

В ней отмечалось, что необходимо проводить 15-дневные курсы для штатных работников районных органов цензуры. Программа рассчитывалась на 130 учебных часов и состояла из следующих предметов: тактика (32 часа), современная военная техника (3 часа), работа над перечнем (8 часов), международное положение (8 часов) и т.д. Основным видом учебной работы были лекции, с последующим изучением литературы. Кроме теории предусматривалась и практическая часть, например, при изучении тактики планировалось три выхода «в поле» и 30 часов отводилось на специальную консультацию.

Помимо курсов для районных цензоров предполагался ежемесячный групповой инструктаж в обллите (на нем прорабатывался Перечень, дополнения к нему и директивы ОВЦ); а также 3 – 4 выезда в месяц сотрудников аппарата Управления на места для инструктажа и оказания помощи в районах. Периодически созывались областные совещания, на которых обсуждались важные практические вопросы, была возможность обмениваться опытом. Для контроля в решении текущих задач должны были помочь специальные календари-памятки. Финансирование занятий проводилось из средств райгорлитов, которые они получали за просмотр печатной продукции¹⁶³.

---

¹⁶² ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

¹⁶³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 35. Л. 80-об, 81.

Этот идеальный алгоритм подготовки и обучения кадров довольно часто, если не всегда, не выдерживался. В силу финансовых, кадровых и иных трудностей его исполнение оказывалось неполным, фрагментарным и несистемным.

В частности, в 1934 г. Главлит Карельской АССР проводил только одно совещание с уполномоченными в месяц, на котором разбирались вычерки, а систематической учебы с уполномоченными не проходило¹⁶⁴.

На учебном поприще Ленинград вновь, по сравнению с другими регионами, продемонстрировал высокий уровень. Правда, систематическая и приближенная к нормам система подготовки кадров и повышения их профессиональных навыков заработала только во второй половине 1930-х гг. В это время выделяются средства для проведения занятий с районными цензорами. Например, в Ленинграде в марте 1935 г. были проведены десятидневные курсы, которые посетило 59 человек¹⁶⁵. А 28 апреля 1937 г. в Ленинград на повышение квалификации приехало 22 цензора¹⁶⁶.

В первом полугодии 1938 г. сотрудники Областного сектора Леноблгорлита провели практические занятия с 52 районными цензорами, со всеми вновь назначаемыми сотрудниками проводился инструктаж и т.д.

Конечно, были и недочеты. Например, на запросы районных цензоров представители аппарата Управления не всегда отвечали вовремя, приказы Главлита РСФСР рассылались в райлиты без предварительной проработки в секторе и т.д.¹⁶⁷

Для повышения уровня знаний уполномоченных, Леноблгорлит рекомендовал им изучать журналы «Большевистская печать» и «В помощь районной и политотдельной газете», в которых рассматривались вопросы цензуры,

---

¹⁶⁴ Начальнику Главлита КАССР от начальника сектора краевой инспекции Иванова от 4 сентября 1934 г. НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 – 49-обр.

¹⁶⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 96. Л. 17, 18.

¹⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 29, 30.

¹⁶⁷ Докладная записка о состоянии цензуры в области в обком ВКП(б) от 1 августа 1938 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 198. Л. 167 – 173.

анализировались положительные и отрицательные стороны районной печати¹⁶⁸.

Подобные мероприятия проводились только в Ленинграде, аппараты Управления в Карелии и Мурманске не могли себе этого позволить из-за отсутствия средств и необходимых материально-технических условий. Поэтому они ограничивались только организацией самостоятельного обучения своих районных уполномоченных и индивидуальным инструктированием при назначении новых цензоров.

Но даже и такие незначительные образовательные мероприятия не всегда выполнялись. В частности, в Мурманске отмечались случаи, когда районным цензорам, желающим приехать в аппарат Управления и получить консультацию, отказывали, а курсов по повышению их квалификации даже в конце 1930-х гг. не проводилось.

Слабая система подготовки привела к тому, что в Мурманске сотрудники цензуры плохо знали руководящие материалы и методы работы. Более того, до 1939 г. в распоряжении цензоров практически не было политико-идеологической литературы. Только в первом квартале 1939 г. у цензоров появился «Краткий курс Истории ВКП(б)»¹⁶⁹, во втором квартале 1939 г. — «Вопросы ленинизма», но не было в достаточном количестве сочинений Ленина и справочной литературы¹⁷⁰. К 1941 г. дефицит идеологической литературы был изжит, но возникла проблема в изучении этого материала и применении его на практике¹⁷¹.

Начиная с 1941 г. больше внимания при консультации цензоров руководством мурманского аппарата Управления

---

¹⁶⁸ Всем районным и окружным уполномоченным Леноблгорлита от начальника Леноблгорлита И. Чекавого от 28 августа 1935 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 2. Д. 5. Л. 87.

¹⁶⁹ Отчет Мурманского обллита за 1 квартал 1939 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 1. Д. 4. Л. 27-обр.

¹⁷⁰ Отчет Мурманского обллита за второй квартал 1939 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

¹⁷¹ Протокол №1 закрытого партийного собрания парторганизации обллита от 8 мая 1941 г. // ГАМО. Ф. п-211. Оп. 1. Д. 1. Л. 15-обр. — 16. и Отчет о работе секретаря первичной партийной организации Муробллита с 17 января 1941 г. по 8-е мая 1941 г. // ГАМО. Ф. п-211. Оп. 1. Д. 1. Л. 13-обр.

уделяется военному аспекту цензурирования. Акцентировалось внимание на необходимости изучения уставов и других документов РККА, ВМФ¹⁷².

В Карелии ситуация обстояла аналогичным образом. В архивах Карелии практически не сохранилось документов конца 1930-х гг., в которых бы упоминалось о системе подготовки цензоров.

Крупницы информации все же позволяют считать, что определенное обучение цензоров происходило, но в очень усеченном виде: «Мы в этой работе (учеба уполномоченных. – Ф.Я.) имеем очень много минусов. Ни разу никаких совещаний уполномоченных не созывали. Есть директивы, с которыми нас должны знакомить, но мы их своевременно не получаем и своевременно применить их в работе не можем.... Есть у нас задания, но никто не проверяет как мы их выполняем. Нужно практиковать проводить семинары с уполномоченными. Нужно сказать, что и сами уполномоченные не борются за освоение своей работы. Мы занимаемся теоритической учебой, мы получаем задания из Москвы, мы должны их выполнять, но очень маленький процент уполномоченных высылали эти задания исполненными в Москву обратно»¹⁷³.

На обучение сотрудников Главлита КФССР негативным образом повлияло институциональное изменение органов цензуры, произошедшие в 1939 г.: «В былые годы, когда Главлит был в системе НКПРоса, они часто созывали уполномоченных, а теперь их не созывают, за 40 год ни разу не созывали. Решили, что это такая тайна, что даже их нельзя созывать»¹⁷⁴.

Обучение цензурному ремеслу, безусловно, способствовало адаптации человека к институциональным реалиям, но его в любой момент могли перевести на другую работу. В силу этого система обучения оказывалась недостаточно

---

¹⁷² Протокол №1 закрытого партийного собрания парторганизации обллита от 8 мая 1941 г. // ГАМО. Ф. п-211. Оп. 1. Д. 1. Л. 15-обр.

¹⁷³ Стенограмма совещания редакторов районных газет КФССР от 30 октября 1940 г. // НАРК. Ф. п-8. Оп. 1. Д. 145. Л. 46.

¹⁷⁴ Стенограмма совещания редакторов районных газет КФССР от 30 октября 1940 г. // НАРК. Ф. п-8. Оп. 1. Д. 145. Л. 78.

гибкой и не позволяла быстро встроить человека в структуру учреждения.

Одним из возможных механизмов, который в минимальной степени включал человека в систему цензуры и позволял ему выполнять поставленные перед ним задачи, стали правила работы для цензоров разных уровней. Одним из примеров подобных документов выступает «Памятка работнику райлита»¹⁷⁵, к которой как раз и отмечалось, что «большинство начальников Райлита являются нештатными, неосвобожденными от своих прямых обязанностей работниками, ведущими цензурную работу в порядке совместительства. Именно на таких работников райлитов и рассчитана настоящая памятка ... «Памятка» ставит себе целью дать в систематизированном виде основные инструктивные указания об организации и методах работы райлитов». Реальность этой идеи дополнялась требованиями, менее выполнимыми в этих условиях: ««Памятка» эта не заменяет и не отменяет ранее отданных указаний райлитами. Она также не исчерпывает всего содержания этих указаний». В условиях, когда человек мог проработать сотрудником райлита всего несколько месяцев и даже недель, думать, что будет изучаться множество документов, не представляется возможным.

В «Памятке...» в доходчивой форме излагались структура райлита; обязанности начальника; объяснялся механизм предварительной цензуры и подготовки к публикации; четко прописывались моменты, на которые необходимо обратить внимание при предварительной цензуре (чего нельзя писать о Красной армии; сельском хозяйстве и т.д.); описывался механизм взаимодействия с райкомом партии; демонстрировался алгоритм наблюдения за типографиями; рассказывалось об отчетности Райлита и делопроизводстве.

Еще одним способом встроить человека в работу цензуры стало объяснение правил цензурирования в каждом конкретном случае. Например, Главлитом 21 июня 1935 г. был издан приказ №1323 для изъятия из библиотек и книжных магазинов «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской

---

¹⁷⁵ Памятка работнику райлита. М., 1934 г. 32 с. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 31. Л. 22 – 38-об.

литературы». Исполнение этого приказа в Ленинграде началось с того, что в отделе культуры и пропаганды ленинизма горкома ВКП(б) состоялось совещание инструкторов райкомов по печати и работников Леноблгорлита. На каждый район Ленинграда выделялось по одному сотруднику цензуры, который соответствующим образом инструктировался. В помощь сотруднику Леноблгорлита райкомат направляли от 20 до 50 коммунистов. Устанавливалась также связь с НКВД.

Предполагаемая работа предусматривала значительный масштаб, вовлеченность в нее большого количества людей, поэтому для ее успешного завершения были разработаны документы – три вида актов-списков, инструкция представителям Леноблгорлита и списки городских библиотек. Подобная документация позволяла внести четкость и оперативность в процесс изъятия литературы, выявлять допущенные ошибки и т.д.

Три вида акта-списка были разработаны не случайно. Изъятая по первому списку литература доставлялась лично заведующими библиотеками (магазинами) на мусоросжигательные станции в упакованном и опечатанном виде и сдавалась зам. начальнику Леноблгорлита и представителю НКВД, которые сверяли каждую книгу со списком, и после этого книги сжигались.

Во второй список-акт вошла литература, которая ранее была изъята и хранилась в опечатанном виде в библиотеках. Эти книги не уничтожались, а хранились в опечатанном виде до особого распоряжения¹⁷⁶.

Любое учреждение проводит отбор сотрудников и при выяснении, что взятый на работу человек не может выполнять свои должностные обязанности, увольняет его. Это тоже один из механизмов адаптации людей в организации.

Но такой способ в полной мере реализовать не удалось даже в Ленинграде. Например, 12 января 1926 г. Ленгублит отозвал четырех политредакторов, которые недостаточно эффективно проводили политическую цензуру. Желание убрать их было связано с тем, что они оказались неподго-

---

¹⁷⁶ Докладная записка начальника Леноблгорлита Кочергина от 11 июля 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1014. Л. 256, 257.

товлены в политико-идеологических вопросах, и не располагали специальными навыками и умениями. Но партийные организации вначале предложили убрать из органов цензуры совершенно некомпетентных людей, которых уже можно заменить, а других же рекомендовалось уволить после того как на их место будет прислан более сильный работник¹⁷⁷.

Несмотря на этот пример, все же уволить сотрудника цензуры, если он оказался некомпетентен, даже после проведенной с ним подготовительной работы, оказывалось не всегда просто и такого цензора приходилось переводить с одной должности на другую в надежде, что он сможет все же выполнять понять суть цензурного ремесла и освоить его. Такая ситуация, например, возникла в аппарате Управления Леноблгорлитом в июле 1940 г. Она отражена в докладной записке Щербакова. Выполняя задание горкома ВКП(б) по проверке кадрового состава Леноблгорлита он отметил, что уполномоченные, начальники групп – вполне компетентные люди, конечно, допускают ошибки в работе, но они не являются критическими. Исключением из этого правила стал заведующий Библиотечным сектором И.Г. Лейбович, который работал в горлите с 1934 г. За шесть лет работы он попробовал себя в роли управделами, уполномоченного Газетного сектора, уполномоченного по Союзфото и т.д. Но, находясь на разных должностях в органах цензуры, он так и не смог понять специфику работы и, как следует из докладной записки, не стремился это делать: «Лейбович и перебрасывается из сектора в сектор, как способ подыскать более подходящего и удобного для него места. Товарищ Лейбович сам заявил, что когда его назначили в ИЗО сектор, то он, собственно говоря, удивился, так как в изобразительном искусстве он не разбирается. ... В работе по ИЗО сектору и в других секторах делал прорывы, имел взыскания по административной линии»¹⁷⁸.

Одна из причин, по которой трудно было подобрать хорошего работника для органов цензуры заключалась, как

---

¹⁷⁷ Завед. Учетно-распределительным отделом Ленинградского губкома ВКП(б) Филиппову от зам. заведующего гублитом Быстровой от 17 февраля (апреля?) 1926 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 45. Л. 10.

¹⁷⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 168. Л. 17.

в бюрократических проволочках (в процесс подбора кадров было вовлечено много учреждений¹⁷⁹), так и в том, что нужды цензуры для региональной власти всегда оказывались на периферии и решались по остаточному принципу. Например, во время выборов в Верховный Совет СССР в 1937 г. для работы в органах цензуры для контроля возросшего количество агитационной литературы потребовались люди с образованием. Руководители ленинградской цензуры обратились в обком с просьбой помочь им в решении этой проблемы и предложили по партийной линии, через партийные организации высших учебных заведений, направить на время выборов в органы цензуры студентов. Предоставили и списки: из КИЖ им. Воровского (студенты 3-го курса) т.т. М.М. Шевнина, М.Г. Плеханова, А.А. Чапкович, Е.В. Петрова, Питенко и Гладких, а из ЛГУ. т.т. Цырульникова и Голубева. Но, видимо, по такому сценарию решили пойти и другие учреждения Ленинграда и с помощью студентов решить свои кадровые проблемы. Поэтому обком вынужден был отказать Леноблгорлиту в этой просьбе и послал на работу в цензуру только одного студента Гладких¹⁸⁰.

Разными оказались не только тропинки, приведшие в цензуру, но и причины, которые побудили человека покинуть ее. Часть сотрудников переводилось на другие работы партийными организациями, другие цензоры сами переходили в те сферы деятельности, которые оказались ближе к их специализации и квалификации.

Новой причиной, по которой человек заканчивал свою карьеру цензора, во второй половине 1930-х гг. стали политические репрессии. В 1937 г. им подверглись сотрудники аппарата Управления ленинградского отделения Главлита: «Чрезвычайная засоренность аппарата Леноблгорлита врагами партии и рабочего класса, ярко показывает теперь одну из вредительских сторон деятельности бывшего начальника Кочергина. За последние 6 – 7 месяцев органами НКВД арестовано 9 работников цензуры (1. Кочергин – б. нач.

---

¹⁷⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 45. Л. 12.

¹⁸⁰ Завед. отделом печати и издательства Ленинградского обкома ВКП(б) Садчикову от начальника Леноблгорлита Бочарова от 11 октября 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 65.

Леноблгорлита арестов. 2. Горбунов - б. Нач. ИЗО сектора арестов. 3. Браухштейн – военный цензор арестов. 4. Папаян, 5. Скляр, 6. Каллас, 7. Боровинский – работники иностр. цензуры – арестов. 8. Фёдоров – цензор сектора технич. Литер. – арест. 9. Паперников – цензор Газетного сектора – арестов). Из них бывших работников отдела иностранной цензуры 4 человека. Непосредственно нашей парторганизацией исключено из партии 4 человека. Двое из них – Гофберг, бывший зам. нач. Отдела военной цензуры и Пархомов цензор Газетного сектора – за принадлежность к оппозиции 1925 – 1926 г. Наличие этого факта, что в органах цензуры оказались врагами народа – неслучайное явление. Люди эти Кочергиным подбирались и соответственно составлялись. Наибольшая сосредоточенность враждебных людей оказалась в двух самых серьезнейших отделах Леноблгорлита: Иностранная и Военная цензура¹⁸¹.

Характеризуя вышеприведенный документ, следует отметить, что, если обвинительная часть напечатана на отдельном листе, с датировкой, подписями, печатью, то фамилии арестованных и занимаемые ими должности написаны карандашом, а слово «арестован» — ручкой на клочке бумаги, в прямом смысле этого слова.

Постигли ли репрессии районных цензоров не известно, так как в архиве не обнаружено соответствующих документов. Возможно, что работники цензуры в районах Ленинградской области не испытали их на себе, так как в конце 1930-х гг. на этом уровне цензурной структуры происходила перманентная сменяемость кадрового состава.

В двух других регионах — в Карелии и в Мурманске репрессий также не наблюдалось. Правда, в Главном управлении по делам литературы и издательств Автономной Советской Социалистической Республики Карелия в мае 1938 г. был освобожден от занимаемой должности заместитель начальника карельского отделения цензуры и начальник Отдела военной цензуры В.И. Евсеев. Его отставка мотивировалась тем, что его родственники были арестованы

---

¹⁸¹ Отдел печати и издательств обкома ВКП(б) Бочкареву от и.о. начальника Леноблгорлита Чекавый от 19 апреля 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 215. Л. 5 – 6.

НКВД¹⁸². В принципе, этот факт ничего не показывает и ничего не объясняет, он лишь констатирует событие.

Стремление перевести В.И. Евсеева на другую работу предпринимались начальником карельского отделения Мякиным еще в 1935 г.: «тов. Евсеев неполностью справляется со своей работой и не проявлял достаточной оперативности и что работа его затруднялась недостаточным знанием русского языка»¹⁸³. Но в 1935 г. по причинам, которые не нашли отражения в документах, Евсеев не был смещен со своих постов.

В свою очередь, в мае 1938 г., когда Евсеева был снят с должности заместителя начальника, он не был арестован, а, по крайней мере, до октября 1938 г., работал цензором в Пудожском районе Республики Карелия¹⁸⁴.

Этот случай весьма показателен, поскольку он демонстрирует, что иногда руководители учреждений, пользуясь политической ситуацией, решали свои сугубо ведомственные задачи.

Почему же волна арестов не затронула Карелию и Мурманск? К сожалению, архивный материал не дает ответа на этот вопрос. Можно сделать лишь несколько предположений: во-первых, как и на районном уровне в Ленинградской области, в Карелии и Мурманске существовала постоянная ротация кадрового состава, что делало начало каких-либо следственных мероприятий в отношении карельских и мурманских цензоров весьма проблематичным. Во-вторых, органы цензуры в тот период в силу объективных условий исторического развития оказались на периферии бюрократической иерархии и поэтому не привлекли к себе никакого внимания. Указанные причины, к сожалению, не имеют прямого документального подтверждения, но анализ

---

¹⁸² Начальнику Главлита Карельской АССР на №2 от 7 мая 1938 г. от уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник Главлита РСФСР Садчикова от 26 мая 1938 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Св. 5. Д. 4. Л.10.

¹⁸³ Нач. ОВЦ Карельской АССР Мякинен от и.о. зам. Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати Здравенко от 20 апреля 1935 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 6. Л.3.

¹⁸⁴ Приказ №98 начальника Главлита КАССР от 27 октября 1938 г. // НАРК. Ф. р-24. Оп. 1. Св. 1. Д. 1. Л. 2.

развития ситуации в целом за 1930-е гг. позволяет сделать эти предположения.

Теоретически цензурные органы могли получить хорошего работника, поскольку в эти учреждения стремились принимать образованных людей, более того, были сформированы пути и методы повышения их квалификации. Однако на практике все оказалось сложнее. Нерешенность структурных проблем повлекла за собой появления других сложностей. Ее дефект не позволил создать нормальных условий для работы цензоров, нивелировать их определенные негативные качества личности, направить их потенциал в нужном для организации направлении. Стоит к этому добавить и негативное отношение местных властей к региональным отделениям цензуры. Все это не позволило реализовать наработки в профессиональной подготовке цензора и создать мотивации для работы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Цензура и общество

В общественных отношениях информация объединяет разрозненные элементы в единое культурно-политическое и социально-экономическое пространство, она выступает связующим звеном между властной элитой и социальными группами.

Подобное значение информации прекрасно понимали большевики: «Увеличение значения печати как средства связи партии с массами требует создания и укрепления органов руководства печатью, усиления партийного контроля и руководства через Отделы и п/отделы печати парткомов»¹. Вместе с этими организациями контроль и управление информационным пространством осуществлял и Главлит.

Среди трех регионов самым обширным информационным пространством обладал Ленинград и область. На втором месте по количеству источников информации была Карелия. На ее территории, наряду с русскоязычной печатной продукцией, распространялась литература и газеты на финском языке, работали Центральная публичная библиотека в Петрозаводске, 7 уездных библиотек, 71 изба-читальня и 212 красных уголков, а также 24 клуба².

Третье место отводилось Кольскому Северу, где на протяжении 1920-х гг. выпускалась газета «Полярная правда», в конце 1920-х – начале 1930-х гг. количество периодических изданий увеличивается, начинают печататься городские газеты в Хибиногорске (Кировске), Кандалакше, Мончегорске и районные в Териберке, Коле, Умбе, Ловозере³. В конце

---

¹ Проект резолюции о печати. Принят расширенным совещанием Отдела печати ЦК РКП (с участием работников мест) / Проект резолюции о печати. М., 1924. С. 14.

² Доклад о деятельности Карельского Управления по делам литературы и издательств с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. // НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 206. Л. 2 – 4.

³ Белошистая А.И. Из истории периодической печати на Кольском полуострове (1917 – 1925 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1980. С. 36; Дащинский С. Из истории печати Мурмана // Север. №3. 1975. С. 127.

1920-х гг. в Мурманске и округе работала Центральная городская библиотека и 4 библиотеки при рабочих клубах, 10 библиотек при районных и сельских избах-читальнях⁴.

2.1. Печать в «тисках» цензуры

Придя к власти, большевики приступили к вытеснению из информационного пространства своих оппонентов. В литературе этот вопрос изучен достаточно подробно⁵. Но частные издательства в период нэпа продолжали существовать. Несмотря на то что они открыто не проводили антибольшевистской пропаганды, но все равно вызывали подозрение властей. Двойственность положения, в котором оказались частные издания и издательства, подразумевало более гибкую политику в отношении их. И это смог сделать Главлит.

Заккрытие небольшевистской печати в исследованиях объясняется политическими и идеологическими соображениями, но от внимания исследователей ускользает один сюжет, который позволяет рассматривать закрытие подобных периодических и непериодических печатных изданий не как субъективный фактор (политика и идеология), а как объективный.

Большевики создавали новую общественную и, как следствие этого, информационную систему. С точки зрения теории систем Н. Лумана любая система стремится достичь состояния, которое позволило бы ей установить оптимальные отношения между ней и средой⁶.

---

⁴ Доклад Мурманского окрлита за октябрь – январь 1928 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

⁵ История партийной и советской печати / Выпуск I (1917 – 1945 гг.) // Авт. коллектив: Белков А.К., Веревкин Б.П., Кононыхин Н.М. М., 1975. 208 с.; *Ученова В.В.* Партийно-советская печать восстановительного периода (1921 – 1925 гг.). Краткий очерк. М., 1964. 36 с.; *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы 1917 – 1923 гг. М., 1995. 229 с. и др.

⁶ *Луман Н.* Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева. М., 2007. С. 23,24.

Применяя теоретический постулат Н. Лумана к конкретной исторической ситуации, его можно рассматривать следующим образом — под термином «система» подразумеваются органы управления, под дефиницией «среда» — общество, под «оптимальными отношениями» — информационное поле, которое выступает одним из инструментов взаимоотношения власти и общества. С точки зрения подобного теоретического фундамента процесс вытеснения небольшевистских средств массовой информации следует рассматривать как закономерный и объективный, свойственный в той или иной степени всем государственным системам.

При работе с частными изданиями Главлит продемонстрировал более гибкий механизм работы, нежели банальное закрытие издательства. Это приводило к менее бурному общественному протесту при закрытии небольшевистских СМИ, поскольку обосновывалось «объективными» причинами.

В частности, вполне закономерным и, в определенной степени экономически оправданным, закрытие издательств представлялось под предлогом экономии бумаги. В 1920-е гг. она относилась к категории дефицитных товаров, поэтому в целях ее экономии предлагалось закрывать параллельные издания: «изжитие параллелизма в работе как между двух групп издательств: Гос. и частными, так и параллелизма внутри группового. По группе частных изд-в внутри группового параллелизма почти не существует.... Поэтому по группе частных изд-в работа свелась главным образом к изъятию из производственных планов книг намеченных к изданию Гос. изд-вами»⁷.

Другим механизмом вытеснения частных издательств выступало сужение их проблематики. Им не рекомендовалось в своих газетах, журналах рассматривать социальные, политические и экономические вопросы. Тем самым создавались условия, при которых печатное издание становилось неинтересно для определенной группы общества. В силу этих обстоятельств объем продаж печатной продукции

---

⁷ Письмо гублита в Главлит от 9 июня 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.

частных издательств сокращался и со временем они сами без давления власти по экономическим причинам уходили из информационного пространства⁸.

Контроль над содержанием частного издательства власть осуществляла с помощью производственных планов. По правилам печатного дела, прежде чем публиковать материал, издательства должны были зарегистрировать производственные планы в цензурных органах.

В начале и середине 1920-х гг. это правило выполнялось не всегда и не всеми, но с течением времени власть смогла создать условия, при которых альтернативная пресса стала подчиняться им и в конце 1920-х гг. в Ленинграде только незначительная группа издательств затягивала предоставление производственных планов⁹.

Вообще изначально контролирующие функции органов цензуры воспринимались печатным сообществом не очень серьезно, что приводило к нежеланию отдавать на предварительный контроль печатную продукцию¹⁰.

Содержание первой главы демонстрирует, что если издательство не желало становиться объектом контроля, то органы цензуры в силу организационной слабости и кадровых проблем не располагали серьезной возможностью взять его под контроль, поэтому для региональных отделений Главлита крайне важным становилось условие, когда печатное издание принимало правила игры. Для этих целей использовался любой повод, даже формальный.

---

⁸ Резолюция по докладу о работе Ленобллита [1928 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.

⁹ В письме Ленинградского гублита в Главлит от 9 июня 1928 г., в котором отмечается, что «несмотря на принятые меры вплоть до применения репрессий некоторые из зарегистрированных в Гублите издательств по настоящее время не предоставили производственных планов». Следует уточнить, что в документе под словом «репрессии» не подразумевается уголовный или иной вид ответственности. Под «репрессиями» подразумевалось то, что «книги, сдающиеся в просмотр, не принимались контрольным столом» // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.

¹⁰ Начальнику Политконтроля ГПУ от секретаря Петрообллита Борисова от 9 января 1923 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

Например, «по вине графических мастерских Академического издательства сборник “Город” был отпечатан без цензорских правок. Обллит просит привлечь названные мастерские к ответственности за несоблюдение цензорских норм, но в то же время, не желая вовлекать их в расходы — разрешает выпустить сборник в том виде, в каком он уже отпечатан»¹¹. Пример показывает, что важно было четкое выполнять имеющиеся цензурные правила.

Взаимодействие между цензурными органами и частными издательствами не сводилось только к стремлению первых закрыть последние. Испытывая финансовые, кадровые затруднения и объективно не имея возможности решить определенные задачи силами государственных издательств, директивные органы привлекали для решения своих задач частные издательства.

Например, в 1923 г. в круг обязанностей ленинградских цензоров входило создание условий, при которых частные книжные издательства выполняли бы культурные функции, которые не мог взять на себя Госиздат и другие партийные и советские издательства¹².

Отношения между государством и частными издательствами на всем протяжении 1920-х гг. складывались противоречиво. Одним из примеров может послужить ситуация, изложенная в протоколе № 2 заседания Коллегии Областлита от 28 января 1928 г. В нем указывалось, что Главлит (под ним стоит подразумевать власть в целом) в 1927/1928 гг. окончательно взял курс на вытеснение частных издательств¹³. Однако, несмотря на это, в Ленинграде по сравнению со вторым полугодием 1927 г. в первом полугодии 1928 г. частные издательства увеличили свою печатную продукцию на 57%.

Можно привести и другой пример. Вопрос о закрытии ленинградских частных изданий решался в Главлите, но Ленинградский областлит ходатайствовал в 1928 г. перед

---

¹¹ В Политконтроль ГПУ от зав. Петрообллитом Харченко от 24 февраля 1923 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 3. Л. 44.

¹² Письмо Главлита от 17 августа 1923 г. всем обллитам и гублитам // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

Москвой о сохранении ряда частных издательств. Причины подобной просьбы объяснялась как высоким уровнем профессионализма работы издательств, так и нежеланием усиления социального напряжения (заккрытие издательств повлекло бы за собой сокращение работников, а государственные издательства не в состоянии были предоставить работу). И, возможно, Главлит РСФСР прислушался к аргументам своих коллег, поскольку издательства продолжали работу¹⁴.

Органы цензуры контролировали не только содержание периодического или непериодического издания, но и собирали данные о личном составе правления, связи издательств с общественными и политическими группами, как в Советской России, так и за границей¹⁵.

Несмотря на сложности и противоречия к концу 1920-х — началу 1930-х гг. власть смогла вытеснить частные издательства и сконцентрировать публикацию печатной продукции в своих руках.

Монополизм власти в информационном пространстве привел к эффекту, которого никто из властной элиты не ожидал. С одной стороны, партийные и советские органы на местах не стремились оказывать цензурным организациям помощь, так как не понимали их значения и задач. Работники районных комитетов ВКП(б) вполне обосновано считали, что достаточно редакторской работы над газетой или журналом, цензор же в их глазах относился к пережиткам прошлого. И действительно, что можно цензурировать, если в стране нет альтернативных СМИ, все периодические или непериодические издания относятся к государственным или партийным?

С другой стороны, не понимали смысл существования цензуры и писатели. Эта ситуация хорошо отражена в воспоминаниях Е.А. Гиляровой: «Однажды писатель Казаков

---

¹⁴ Протокол №6 заседания Коллегии областлита от 26 марта 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 17. Л. 9 — 9-об.; Протокол № 3 заседания Коллегии областлита от 30 ноября 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.

¹⁵ Циркулярное письмо Главлита областным отделениям и политредакторам // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 87-об.

высказал мне как мнение многих: “Мы все писатели — за построение социализма — зачем нам цензура?” Пришлось объяснять. — “Руководство коммунистической партии признаете нужным? — Через редакцию и цензуру партия и руководит, через центр Горлита присылает нам по острым вопросам свои указания. Мы, иногда советуя исправить что-то, или вычеркнуть, предотвращаем резкую оценку книги после выхода ее. Помогаем вам”¹⁶.

Таким образом, монополизировав печать, советская власть сама в определенной степени убрала объективные основания для существования цензуры.

Контроль над частными изданиями являлся не единственной задачей органов цензуры. Главлит контролировал работу кооперативных, профсоюзных и ведомственных издательств. В первой половине 1920-х гг. партийная печать не была под контролем цензурных структур. Но эта ситуация начинает меняться с июня 1926 г., когда Ленинградский гублит предпринимает попытки распространить свое влияние и на партийно-советские издания¹⁷.

С начала 1920-х гг. началось дипломатическое признание Советской России, стали оживляться контакты и в других областях. Власть осознавала, что невозможно разорвать отношения с европейскими странами, как на государственном уровне, так и между людьми.

По установленным правилам для публикации произведений за рубежом требовалось разрешение цензурных органов. Например, в 1923 г. инженер Николай Степанович Писарев обратился в органы петроградской цензуры с просьбой разрешить переслать в Бельгию на русском, французском и немецком языках с сопроводительным письмом на английском языке два очерка под общим названием «Материя и энергия. Простые мысли о сложных явлениях». Автор предполагал, что его друг инженер-электрик М.Э. Фокс (М.Е. Fox), директор Континентального Общества Аккумуляторов Эдисона, проведет проверку его изысканий¹⁸. Данная просьба была удовлетворена.

---

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 355. Л. 45.

¹⁷ Проект резолюции по докладу о работе Ленинградского гублита [июнем 1926 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 48. Л. 125.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 18. Л. 217 – 217-об.

Того же года Комитет по созыву международной конференции почвоведов при Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставке получил одобрение цензурных органов на рассылку приглашений об открытии выставки на французском языке в Германию, Венгрию, Чехословакию, Голландию, Норвегию, Швецию, Финляндию, Данию, Румынию, Бельгию, Швейцарию, Францию, США, Польшу, Японию, Италию, Англию, Австрию¹⁹.

В исследованиях, посвященных советской цензуре, вопросам цензурирования печатной продукции, поступавшей в СССР из-за границы, уделяется незначительное внимание²⁰, а суждения и выводы ряда исследователей²¹ представляются дискуссионными. Масштабность этого объекта цензурной деятельности требует более пристального изучения.

Все иностранные издания распределялись по трем категориям: разрешенные, запрещенные и для индивидуального пользования. Последняя категория первоначально включала в себя обширный список изданий от беллетристики до периодической печати, но с 1923 г. ограничивается лишь книгами, имеющими научную ценность²². В эту категорию входила литература технического и медицинского профиля, предназначенная для ученых, литераторов, сотрудников государственных органов. Ее мог выписать и иностранец, находящийся на территории СССР²³.

Механизм получения разрешения на литературу, входящую в категорию «для индивидуального пользования»,

---

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп.2. Д. 18. Л. 46.

²⁰ Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790 – 1990: Опыт комментированной антологии / Сост., коммент. А. Блюм. СПб., 2001. С. 380 – 381.

²¹ Куренков Г.А. Цензура информации как деятельность РКП(б) – ВКП(б) по защите партийно-государственных тайн в 1920 – 1930 гг. // История книги и цензуры в России. Вторые Блюмовские чтения: материалы II международной научной конференции, посвященные памяти А.В. Блюма, 21 – 22 мая 2013 г. / науч. ред. М.В. Зеленов. СПб., 2014. С. 94 – 96.

²² Деятельность иностранного подотдела за год с 1 июня 1923 г. по 1 июня 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 10. Д. 10435. Л. 37 – 38.

²³ Письмо заведующему ленинградским гублитом от зам. зав. Главлитом от 4 марта 1924 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 17. Л. 29.

состоял в следующем: заинтересованное в получении подобной литературы учреждение подавало соответствующее заявление в Главлит с изложением мотивов ходатайства. Далее цензурный орган его рассматривал и при возможности разрешал ввоз в СССР соответствующего издания. Контроль за нераспространением подобной литературы за пределы учреждения вменялся в обязанности руководителя, который состоял в партии. Копия, выданного Главлитом разрешения посылалась в Политконтроль ОГПУ, который давал указания почтовому отделению о беспрепятственном пропуске соответствующих изданий конкретным адресатам²⁴.

В этой категории, например, оказался журнал «Красная Кооперация», которому в 1924 г. разрешалось получать иностранные издания по кооперации в единичном экземпляре для индивидуального пользования²⁵. Или в 1928 г. Главлит разрешил ленинградскому Музею Революции получать иностранную литературу (но не эмигрантскую²⁶) без просмотра. При этом предполагалось, что музей выделил товарища, ответственного за хранение этой литературы и пользование ею, согласно инструкции № 2 по хранению и пользованию иностранной литературы организациями и учреждениями, получающими её без просмотра²⁷.

В 1923 г. разрабатываются и правила получения литературы, подпадающей под категорию «запрещенной», но которая была необходима для работы учреждений. Подобный вид литературы разрешалось выписать при условии подачи учреждением заявления в Главлит с изложением мотивов ходатайства. Далее центральным цензурным учреждением, учитывая специфику организации, принималось решение о разрешении получения печатной продукции из-за границы. Под ответственность руководителя учреждения,

---

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 17. Л. 5.

²⁵ Письмо №92/с от 2 июля 1924 г. зав. гублитом в политконтроль ГПУ // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 28. Л. 2.

²⁶ Порядок получения эмигрантской литературы см.: *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е гг. Нижний Новгород, 2000. с. 283 – 284.

²⁷ Письмо 1347/с от 10 июля 1928 г. зам. начальника Главлита Самохвалова в Леноблит // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 25 Л. 49.

который являлся членом партии. Копия выданного Главлитом разрешения посылалась в Политконтроль ОГПУ, который в свою очередь давал указание на Почтамт о беспрепятственном пропуске соответствующей печатной продукции указанным адресатам²⁸.

После ввода в действие инструкции с 1923 г. на территорию СССР начинают поступать немецкие («Франкфуртер Цейтунг», «Б.Ц. ам Митаг», «Берлинер Тагеблатт», «Фосишэ Цейтунг», «Берзен Цейтунг»), французские («Тан», «Эр Нузель») и английские («Манчестер Гардиан», «Дейли Геральд», «Дейли Ньюс», «Дейли Хроникль», «Обсервер», «Нэшен», «Нью Стетсмен») газеты. Но вопрос оказался столь щекотливым, что ежедневно Главлит по телеграфу передавал в Ленгублит номера допущенных или запрещенных из перечисленных названий газет²⁹.

Объем поступающей печатной продукции с течением времени увеличивался. С июня по октябрь 1923 г. в течение каждого месяца из-за границы приходило по 75 книг, брошюр и по 180 номеров газет и журналов, а с ноября по май 1923 г. — уже по 90 книг, брошюр и 400 номеров периодических изданий в месяц. Эти показатели оставались высокими на протяжении всех 1920-х гг.

Литература поступала на русском, шведском, норвежском, финском, эстонском, польском, испанском, итальянском, литовском, эсперанто, но подавляющее большинство книг было на французском, немецком и английском языках³⁰.

Структура поступлений иностранных изданий, например, в 1925 г., выглядела следующим образом: свыше 50% составляла художественная литература и беллетристика, около 30% — социально-экономическая и правовая литература. Из них 68% разрешалось для свободного распространения, 12% — для индивидуального пользования и 20%

---

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 17. Д. 5.

²⁹ Письмо зам. завед. Главлитом Сперанского, зам. завед. инотделом Сыркина в Петроградской обллит от августа 1923 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 17. Л. 1а — 1а-об.

³⁰ Деятельность иностранного подотдела за год с 1 июня 1923 г. по 1 июня 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 10. Д. 10435. Л. 37 — 38.

подпадали под категорию литературы, запрещенной для ввоза. Статистические данные свидетельствуют, что советский читатель в ограниченных масштабах мог знакомиться с развитием западной художественной, философской, научной мысли. Часть зарубежной литературы издавалась в Советской России (СССР). Например, в 1922 г. в Госиздате была опубликована книга О. Шпенглера «Закат Европы». Правда, в предисловии к советскому читателю объяснялись политические особенности книги³¹.

Определенные трудности в 1922 г. возникли с публикацией произведения А. Конан-Дойля «Дама в арсенале»³². Сам текст не вызывал нареканий цензоров, но проблемы возникли с обложкой книги, которая оказалась, как отмечается в документе, «сенсационно-бульварного типа с соответствующим рисунком и заглавием». Главлит принимает решение устранить «все, что бьет на бульварную сенсацию» и подчеркивает, что «при дальнейших выпусках издания необходимо предложить издателю устранить кричащую обложку, имеющую рекламный характер, и вместо заглавия «Шерлок Холмс. Выпуск такой-то» указать лишь фамилию автора и название книги. Рисунков на обложке допускать не следует»³³.

К особой категории иностранной литературы относились религиозные книги. В начале 1920-х г. практически все религиозные журналы запрещались для ввоза на территорию СССР. Но в 1924 г. Главлитом разрешается для распространения на территории страны в виде исключения журнал «Христианин». Это побудило к выработке четких критериев, по которым допускалось распространение религиозной периодики в СССР³⁴. Разрешалось ввозить на территорию СССР религиозные журналы, если они соблюдали четкую структуру: догматический отдел, канонический материал и

---

³¹ Письмо №197 от 18 октября 1922 г. в петроградский окружной отдел Главлита от заведующего госиздатом // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 2. Л. 20.

³² Именно так указывается название книги в документе.

³³ Письмо №391 от 17 октября 1922 г. заведующего Главлита в петроградское окружное управление Главлита // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 2. Л. 42.

³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 17. Л. 42.

религиозная хроника. Предписывалось не допускать попыток, под видом догматических или канонических материалов, толкований на общие темы; не разрешались также и художественные произведения с религиозным содержанием³⁵.

И этот механизм заработал. Правда, в отдельных случаях ленинградские цензоры стремились заручиться поддержкой Москвы. Например, в 1928 г. они просят Главлит разъяснить, как поступить с присланными из-за границы 1.000 экз. лютеранских катехизисов, 1.000 экз. Ветхого завета, 1.000 экз. Нового завета на эстонском языке и 535 экз. священных песнопений на латышском языке. Данная литература имела лицензию Наркомторга и была адресована для Высшего церковного Совета Евангельских Лютеранских приходов³⁶. Иностранный отдел Главлита разрешил ленинградскому отделению передать литературу адресату³⁷.

В архивах Карелии и Мурманска отложилось немного сведений о работе цензоров с зарубежными изданиями в 1920-е гг. Можно утверждать, что и здесь были читатели иностранной литературы, но, вероятно, не так много как в Петрограде/Ленинграде.

Литература из категории «для индивидуального пользования» поступала не только в учреждения, но и на домашний адрес подписчиков. Порой эти издания не доходили до читателя, которые не оставались безучастными.

Письмо Л.Я. Израилевича, адресованное цензорам в октябре 1929 г., это прекрасно демонстрирует.

В нем утверждалось, что подписаться на иностранный журнал все равно, что «простоять полчаса на голове». Автору письма вначале разрешили получать иностранные журналы, но потом он столкнулся с тем, что отдельных номеров журналов «Эшиа», «Литерари Дайджест», «Сайенс Ньюс Леттер» не смог обнаружить у себя в почтовом ящике. Выяснилось, что их запретил рассылать ленинградский Обллит.

---

³⁵ Письмо №1487/с от 8 августа 1928 г. зам. начальника Главлита Самохвалова в Ленобллит // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д.25. Л. 84.

³⁶ Письмо №317/с от 15 августа 1928 г. завед. областлитом Энгеля в иностранный отдел Главлита // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 25. Л. 87.

³⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 25. Л. 88.

Автор письма на этом не успокоился и провел собственное расследование. Определенным образом, каким именно в письме не уточняется, ему удалось получить эти номера. И выяснилось, что в журнале «Эшиа» напечатан портрет Сталина с подписью: «Сталин – диктатор современной России. Его власть превышает власть средневековых феодалов». Другой журнал – «Литерари Дайджест» – был запрещен потому, что в нем была опубликована сводка статей из американской печати, посвященных так называемому «красному империализму на Востоке» и т.д. Израилевич обратился в ленинградский Облит с просьбой в дальнейшем получать журналы хотя бы с вырезанными «крамольными» местами. Цензоры отказали, объяснив, что для подобной работы у них нет сотрудников, и предложили вернуть деньги за неполученные номера журналов. Не удовлетворившись этой перепиской, отправил письмо в вышестоящие инстанции³⁸. К сожалению, их ответа в архиве не обнаружено.

Вместе с газетами и журналами в начале 1930-х гг. гражданам СССР продолжали заказывать книги за рубежом, но для этого необходимо было соблюсти определенные правила: «Областлит просит своевременно представлять точные списки всех заказов на иностранные книги, поступивших от частных лиц, с указанием фамилии и адреса заказчика. Списки должны представляться до отправки заказов за границу. На заказы, уже выполняемые, следует также срочно представить списки, в противном случае все книги поступающие в адрес “Международной Книги” и не допущенные к ввозу, будут безоговорочно отправлены обратно».

Не было свободным хождением и советская литература в других странах. Так, латвийское правительство в 1920 г. в «Правительственном Вестнике» опубликовало распоряжение, которым запрещался ввоз и распространение в Латвии

---

³⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 34. Л. 17, 18. Кстати, в 1920-е гг. советские граждане активно переписывались с органами цензуры. Одним из примеров подобной переписки служит корреспонденция А.В. Чайнова в Главлит в начале 1927 г. Переписка опубликована в работе Русские писатели о цензуре и цензорах. О Радищева до наших дней: 1790 – 1990: Опыт комментированной антологии / Сост., коммент. А. Блюм. СПб., 2001. С. 397 – 399.

всех изданий, вышедших в Советской России. И только в марте 1923 г. ситуация несколько смягчилась. Создается список книг, изданных в СССР, которые могли быть доступны латвийским читателям. Перечень состоял из 300 изданий. Его структура оказалась следующей – 95 книг относились к беллетристике, литературе и искусству; 40 – экономике, политике и истории революционного движения; 42 – к философии, истории и мемуарной литературе; 83 – к научно-технической, сельскохозяйственной и педагогической литературе и т.д.³⁹

Работа органов Главлита с иностранными изданиями продемонстрировала, что изменение политической системы не привело к изоляции советского общества от мирового в 1920-е гг. Конечно, новая власть вырабатывала критерии, по которым происходило общение советского с иностранными обществами, но по такому же пути, как показал пример с Латвией, пошли и европейские страны.

Создание однородного информационного пространства и контроль над поступлением в СССР иностранной печатной продукции сочетались с главной функцией органов Главлита – цензурированием периодических и непериодических изданий, выходящих в стране. Здесь главной задачей является анализ информации, имеющей политико-идеологическое содержание, и сведений, относящихся к военно-экономической сфере.

В данном случае материалы цензура дают возможность увидеть советское общество в целом, его взаимоотношения с властью, выяснить успехи и проблемы в экономической и военной областях.

В общем виде состав информации, которую контролировали органы цензуры дается в Перечне, который в зависимости от времени его издания имел разные названия, кроме первого слова.

В начале 1920-х гг. полностью его название звучало как: «Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению»⁴⁰. Семистраничный машинописный текст

---

³⁹ Бюллетень №2. март 1923 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 13. Л. 119.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 12. Л. 2 – 5.

состоял из двух частей — А и Б, которые подразделялись на 4 главы, включавшие 55 параграфов и краткие пояснения к последним. В четвертой главы не было параграфов, а только пояснения.

В части А, состоявшей из 20 параграфов, указывались сведения военного характера, которые не подлежали распространению в мирное время, в частности, данные о численности военных частей и заведений военного ведомства, о порядке мобилизации, о передвижении воинских частей, о материально-технической базе, о производстве вооружения и т.д.

Раздел Б посвящался военному времени. Он состоял из восьми параграфов. В них отмечалось, что нельзя распространять информацию об эпидемиях в воинских частях, о предполагаемых и проводимых военных операциях, о перемещениях командного состава, потерях во время боевых действий и т.д.

В главе третьей перечислялась экономическая (§§ 30 — 39) и политико-идеологическая (§§ 40 — 55) информация, которая не подлежала опубликованию. В частности, не разрешалось упоминать в СМИ о состоянии золотого и серебряного фонда и об операциях Наркомфина с иностранной валютой, реализацией драгоценных камней и собранных церковных ценностей, о денежном обращении и различного рода спекуляциях; сведения о концессионных переговорах, о получении иностранных капиталов, об обеспечении железнодорожного, морского и речного транспорта, о состоянии транспорта и т.д.

Политико-идеологические запреты касались сведений о составе, численности и иных данных о милиции, не допускалась публикация фактов о бандитизме, столкновениях с крестьянами, о волнениях и беспорядках в тюрьмах и других местах лишения свободы, о роспуске кулацких и буржуазных советов и репрессиях по отношению к ним. Нашли отражение в Перечне и вопросы внешней политики и жизни советских дипмиссий за границей и т.д.

Анализ первого цензурного Перечня позволяет утверждать, что в нем вопросы военного и экономического характера преобладали над политико-идеологическими. Эта особенность в работе Главлита сохранилась на протяжении всех 1920 — 1930-х гг.

Изменение политической, экономической и военной ситуации в стране повлияло на содержание второго Перечня, составленного в 1926 г., и названного «Перечень вопросов, составляющих тайну и не подлежащих оглашению, в целях охранения политико-экономических интересов С.С.С.Р.»⁴¹. По объему он превосходил первый и оказался более подробным.

Перечень начинался с экономических вопросов. В частности, указывалась информация, составляющая секретные сведения в области торговли (например, данные о импортно-экспортном плане, о регулировании рынка, о заграничных сделках отдельных хозяйственных учреждений и т.д.), далее шли такие рубрики как «финансовая политика», «промышленность» и «государственное строительство», затем рассматривались вопросы внешней политики, здравоохранения и ветеринарии.

Последний отдел Перечня касался вопросов внутренней политики, о которых не следовало упоминать в СМИ: о борьбе с преступным элементом и о налётах; о волнениях, забастовках, беспорядках, манифестациях и т.п.; о столкновениях органов власти с гражданами; о роспуске советов; о преступлениях, находящихся в процессе дознания и следствия; о политических преступлениях, о приговорах и высылках; о провокаторских процессах; о розыске граждан и дезертиров; о конвоировании заключённых и о местах заключения; о структуре и работе ОГПУ; о деятельности некоммунистических партий; о местонахождении членов Правительства и членов ЦК ВКП(б); о политическом значении крупных радиостанций; о случаях самоубийства и умопомешательства; о пожарах и взрывах; о Кремле; о материале, дискредитирующем работу цензурных органов; о потребности в рабочей силе.

Интересно отметить, что в данный перечень не вошли вопросы военного характера, видимо, они публиковались в отдельном Перечне.

Несмотря на то, что второй Перечень был более детализирован он не смог включить в себя весь спектр информации запрещенной для публикации. Это объяснялось

---

⁴¹ ГАМО. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 71. Л. 2 — 17-об.

несколькими причинами: во-первых, информационное пространство по своей структуре и содержанию оказалось очень сложным и насыщенным, встроить в нормативные документы его оказалось невозможно; во-вторых, информационное поле вслед за Советским государством и обществом постоянно развивалось, успеть за этими изменениями составители Перечней физически не могли. Поэтому оперативно реагировать на изменения во всех сферах жизни общества и государства цензорам помогали инструкции и инструктивные письма, которые направлялись в связи с конкретными событиями.

К одному из активно развивающихся элементов Советского государства в конце 1920-х гг. относилась армия. Для обеспечения соответствующего уровня охраны военных тайн вместе с Перечнем публиковались и инструкции, в которых детализировалась информация, не подлежащая разглашению. В частности, сохранилась инструкция, посвященная охране военных тайн при проведении опытно-показательной мобилизации Московский военный округ⁴².

Среди 12 пунктов, содержащих данные, не подлежащие для публикации, были и такие: сведения о сроках явки на сборный пункт, сведения о недочетах в мобилизационной работе и т.д.

Помимо инструкций цензоры получали и циркулярные письма. Так, 1 ноября 1924 г. Главлит разослал всем гублитам и политредакторам письмо, состоящее из 10 пунктов и имеющий гриф «совершенно секретно». В письме указывались сведения об авиационной промышленности, запрещенные для публикации⁴³.

Военно-экономическое развитие страны оказывалось не единственной причиной, влияющей на расширение списка соответствующей информации, подпадающей под цензурный запрет. Осложнение внешнеполитической ситуации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. также отразилось на работе цензоров.

В периоды так называемой «декады обороны» отмечается стремление усилить наблюдение за печатью с точки

---

⁴² ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 25. Л. 80 – 80-об.

⁴³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 12. Л. 13.

зрения охраны военно-экономической информации. С этой целью руководство Главлита обращает внимание региональных цензоров на необходимость строго придерживаться в своей работе нормативно-правовых документов и, что особенно подчеркивалось, недопускать в средствах массовой информации «бряцания оружия»⁴⁴.

В начале 1920-х гг. отношения СССР с Европой и США развивались достаточно противоречиво. Экономическая блокада Советского Союза сменилась чередой договоров с ним западных стран, а потом вновь начались времена достаточно сдержанных отношений⁴⁵. Однако, несмотря на всю противоречивость и непоследовательность контактов на межгосударственном уровне, деловая активность определенных кругов и стране Советов, и в западном мире имела место быть, но эти контакты особенно не афишировались: «не пропускали в печать никаких сообщений о предстоящем приезде в Россию американского нефтепромышленника Синклера»⁴⁶.

Цензура становилась элементом контроля общественного сознания и в этом отношении она выполняла позитивную роль. В современной литературе убедительно показано, что в период нэпа из-за расслоения общества социальное напряжение возрастало. Для того чтобы лишний раз не вызывать конфликтов в органы цензуры от различных организаций поступали просьбы не распространять в СМИ сведения о их экономической деятельности. В частности, с такой просьбой обращался госбанка к Гублиту и просил не допускать

---

⁴⁴ Уполномоченным областлита при редакциях газет от завед. областлитом Вальяно от 22 ноября 1930 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 29. Л. 11.

⁴⁵ Подробнее см.: *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917 – 1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969. 439 с.

⁴⁶ Заведующему Ленгублитом от члена Коллегии [Главлита] от 11 июня 1923 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 72. Взаимосвязь внешнеэкономической деятельности и цензуры на материалах Европейского Севера отражена в диссертационном исследовании: Клепиков Н.Н. Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920 – 1930-е гг. / автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. Архангельск, 2005. 24 с.

сведений об артельщиках, чтобы на них не было нападений⁴⁷.

Помимо военно-экономической информации в 1920-е гг. цензоры следили и за политико-идеологической. Сведения, которые запрещались или разрешались для публикации в печатных изданиях прописывались в Перечнях, инструктивных письмах и других документах. Но интересно подчеркнуть один нюанс. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. «декаду обороны» Москва настоятельно рекомендовала региональным цензорам в политических вопросах ориентироваться на московскую «Правду»⁴⁸. Что это могло значить? Возможно лишь одно — Главлит РСФСР понимал, что сотрудники его региональных отделений еще не готовы в полном объеме выполнять функции политической цензуры.

Подобные опасения Москвы оказались обоснованными. Цензоры в регионах, даже располагая всеми необходимыми документами, не могли соотнести параграфы Перечня или инструктивного письма с конкретным содержанием информации в газете или ином печатном издании. Они постоянно делали запрос в Москву или Ленинград как им поступать в каждом конкретном случае. Кстати, подобные запросы районных цензоров или сотрудников аппаратов Управлений иногда оставались без ответа со стороны Главлита.

Неготовность цензоров проводить на должном уровне политическую цензуру отражена и в автобиографии Б.Е. Райкова: «Настоящую цензуру я почувствовал примерно в 1926 году, когда статьи снимались чаще. Пришлось ездить в цензуру объяснять. Попадались совершенно сумбурные цензоры. Например, тов. Юргенс не пропускала, даже не читая, статей по психологии и по философским вопросам, написанных беспартийными. “По этим вопросам, — говорила она, — имеют право писать только коммунисты”»⁴⁹.

---

⁴⁷ Письмо в ленинградский гублит от государственного банка от 4 мая 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Оп. 2603. Л. 10.

⁴⁸ Уполномоченным областлита при редакциях газет от завед. областлитом Вальяно от 22 ноября 1930 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 29. Л. 11.

⁴⁹ Райков Б.Е. На жизненном пути: автобиографические очерки. Кн.1. СПб., 2011. С. 692.

Подобный пример демонстрирует колоссальную некомпетентность цензора. Ни в одном документе не указывалось, что по политическим, идеологическим, философским и иным вопросам должны писать только члены партии. Видимо, сотрудник цензуры, не зная на должном уровне правил, просто пошел по очень простому пути — запрет.

Несмотря на то что советская власть объявила курс на создание атеистического общества, сразу сделать это было невозможно, поэтому разрабатывался механизм для получения частью советского общества религиозной литературы. Цензурирование состояло из пяти пунктов. Во-первых, разрешался минимальный тираж канонической и догматической литературы необходимой для проведения богослужения. Во-вторых, запрещалась публикация отрывных календарей, а тираж настольных календарей предлагалось делать минимальным. Рекомендовалось придать календарям вид календарей-численников. Ни в коем случае не разрешалось допускать в религиозных календарях старого стиля, а размещение в них сведений о революционных праздниках объявлялось обязательным. В-третьих, периодическая литература издавалась только в центре, а ее содержание ограничивалось каноническим и догматическим материалом и церковной хроникой. Ни в коем случае в этой литературе не допускалась публикация заметок о новообращенных, о росте численности приверженцев того или иного религиозного течения. В-четвертых, не разрешалась публикация листовок, и, в-пятых, предписывалось не допускать увеличения тиража периодики, календарей и религиозной литературы в целом⁵⁰.

Вопросы политико-идеологической цензуры в 1920-е гг. в литературе изучены достаточно подробно⁵¹, поэтому на этом аспекте цензурной деятельности останавливаться не следует. Необходимо лишь обратить внимание, что вместе с отрицательными эпизодами в работе органов цензуры имело место и вполне созидающее начало. Например, в обязанности региональных отделений Главлита входила задача ограничения в художественной литературе «потока бульварщины и макулатуры», однако появление такого рода

---

⁵⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 25. Л. 101.

⁵¹ Например, см. упомянутые работы А. Блюма, Т.М. Горяевой и др.

изданий допускалось, при условии, что они не являются оппонентами советской власти⁵².

Военно-экономическая и политическая ситуация в стране в 1930-е гг. существенно изменилась. Масштабы экономической деятельности и объемы ВПК увеличились, изменилась и политическая ситуация. Все это отразилось на информационном пространстве, которое, в свою очередь, привело к изменениям объема Перечня. На эту особенность обратила внимание А.Ю. Горчева: «Перечень сведений, составлявших тайну, рос не по дням, а по часам. В 1936 г. он включал 372 циркуляра, через год — еще 300»⁵³. Однако необходимо иметь в виду то, что, наряду с политическими запретами, весомая часть ограничений посвящалась военно-экономическим вопросам, особенно, в регионах.

Несколько эмоциональной представляется оценка цензора из Вязьмы Семенова, данная им в статье, опубликованной в «Бюллетене Главлита РСФСР и ОВЦ (для районов)» (№ 1 1935 г.). В ней он отмечает, что «90% нашей работы идет по линии охраны военных тайн»⁵⁴. Конечно, соотношение политико-идеологического и военно-экономического аспектов цензуры было иное, но следует согласиться с тем, что тенденция превалирования охраны военно-экономической тайны над политико-идеологической цензурой Семеновым обозначена верно.

Военно-экономическое значение изучаемого региона в 1930-е гг. в масштабах всей страны было огромным. Более того, на всем протяжении десятилетия оно только возрастало. В этих обстоятельствах объем военно-экономической информации, который относился к категории, запрещенной для распространения, только увеличивался. Приводить его полностью не имеет смысла. В качестве примера можно обратить внимание только на отдельные аспекты.

В частности, в средствах массовой информации Кольского полуострова запрещалось упоминать военно-морскую

---

⁵² Зам. зав. админ. инстр. п/отд. Петрооблита Петров от 17 августа 1923 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

⁵³ Горчева А.Ю. Главлит: становление советской тотальной цензуры // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1992. № 2. С. 37.

⁵⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 35. Л. 81-об.

базу, расположенную в Полярном, или сведения о строительстве и работе доков судоремонтного завода Главсевморпути⁵⁵.

На территории Карелии все сведения о строящемся Беломоро-Балтийском канале разрешалось публиковать только после специального распоряжения ЦК ВКП(б)⁵⁶. Конечно, нельзя было сообщать в печати названия и места дислокации воинских частей⁵⁷.

Наряду с глобальными вопросами в категорию «военная тайна» входили и менее значимые вопросы. Например, запрещалось публиковать сведения об объемах вырабатываемой этиловой жидкости (тетра-этил-свинец) и месте расположения производящих ее заводов, а также о количестве сырья, идущего на ее изготовление; сведения о числе работников в институтах и о ведущихся ими научно-исследовательских работах, имеющих оборонное значение; данные об улучшении конструкций существующих и уже упоминавшихся в печати самолетов, авиамоторов и их отдельных частей, не допускались в печать сведения о применении ультракоротких волн (УКВ) в военном деле, о новых открытиях в области УКВ, сделанных в СССР⁵⁸ и т.д.

Как было сказано выше, анализ военных и экономических тайн дает представление только о развитии этих сфер деятельности государства, которое в 1930-е гг. оказалось динамичным. Подобная точка зрения является распространенной в современной литературе и полностью совпадает с документами цензурного ведомства. В силу этих обстоятельств подробно останавливаться на этом аспекте цензурной деятельности не представляется целесообразным.

---

⁵⁵ Уполномоченным облита в Мурманске от начальника Мурманского облита П. Хлопотова от 20 февраля 1941 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 3. Д. 4. Л. 6.

⁵⁶ Начальнику Сорокского райлита Кагайну от начальника Главлита АКССР Мякинена от апреля 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

⁵⁷ Командиру Олонецкого Егерского Батальона от Уполномоченного Главлита Карельской АССР Никитина // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 25. Л. 43.

⁵⁸ Циркуляр №43 всем начальникам ОВЦ, военным цензорам, уполномоченным Главлита, политредакторам и Мособлгорлиту от 11 сентября 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 3. Л. 25 – 32.

С точки зрения научного познания более актуальным является анализ политико-идеологической цензуры, поскольку, как уже упоминалось он позволяет увидеть советское общество. В современной литературе, посвященной советскому социуму 1930-х гг., господствует точка зрения, что оно было подавлено властью, изолировано «железным занавесом» от мира и не высказывалось активно о политических изменениях, происходящих в стране. Однако изучение документов органов Главлита позволяет несколько скорректировать эту точку зрения. В силу этого, данному вопросу следует уделить внимание.

Представление о том, что советский гражданин в 1930-е гг. был изолирован от мирового информационного пространства, при изучении цензурных документов, не подтверждается. В частности, в отчете за январь 1932 г. указывалось о получении немецкой и итальянской периодической печати. В отношении первой отмечалось, что поступали журналы, в которых рассматривались технологические, коммерческие, социально-политические и философские вопросы. В частности, затрагивались проблемы репараций, разоружения, дефицитности советской внешней торговли, экспорта леса из СССР. Поступающая периодическая печать принадлежала как буржуазным, так и социал-демократическим партиям. В итальянской периодике затрагивались вопросы о жизни в СССР и о И.В. Сталине⁵⁹.

В отчете за февраль 1932 г. работники цензуры отметили поступление в СССР французских журналов и газет, например, «Revue des deux Mondes», «Mercure de France», «Jempl» и т.д. Журнал «Revue Bleue» они квалифицировали как литературно-политический с сильно выраженным уклоном в сторону мистики и антисоветской тенденции; «Ecole Emancipree» ими характеризовался как педагогический, но с уклоном в политику.

Однако определить «политическую принадлежность» журнала работник Иностранного отдела не смог, предположив, что он ближе к левоцентризму. Завершая анализ «Ecole Emancipree», цензор отметил, что в целом он о Советской

---

⁵⁹ Документ без названия датирован 5 февраля 1932 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.

России публиковал почти всегда положительный материал⁶⁰.

В СССР поступала печатная продукция не только из европейских, но и из восточных стран. Более того, в 1930 г. объем печатных изданий на восточных языках с каждым месяцем возрастал. В декабре цензоры просмотрели 1343 издания, в январе – 2203, февраль – 2399⁶¹.

Следует отметить, что контроль за иностранной литературой в Ленинграде оказывался поверхностным: «Такие солидные журналы и газеты, как “Revue des Deux Mondes”, “Mercure de France”, “Jempl”, поступают по телеграммам Главлита и мною просматриваются не систематически, а лишь от случая к случаю, когда своевременно не получается телеграмма Главлита»⁶² – надеялись на Главлит и только если не поступала информация, начинали смотреть – вдруг телеграмму послали, но почта не принесла».

Во второй половине 1930-х гг. поступление в СССР иностранной литературы не прекращалось. При этом органы цензуры, как и в 1920-е гг., не просто выявляли запрещенную информацию в иностранной прессе, но и анализировали ее содержание, составляли обзоры для партийных и советских органов. В частности, в Ленинграде в 1935 г. такие сведения Леноблгорлит регулярно на имя А.А. Жданова⁶³.

Во второй половине 1930-х гг. сохранялись международные научные контакты. Советским ученым разрешалось публиковать статьи в иностранных журналах. В частности, в эти годы крайне актуальной для советской экономики стала проблема коррозии металла и обмен мнениями на страницах зарубежной прессы оказался необходим. Правда, после того как в СССР стал издаваться технический бюллетень «Коррозия и борьба с ней» было рекомендовано публикацию в иностранных журналах прекратить⁶⁴.

---

⁶⁰ Отчет о проделанной работе за январь С. Калецкого 7 февраля 1932 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 42. Л. 23.

⁶¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 38. Л. 8.

⁶² Отчет о проделанной работе за январь С. Калецкого от 7 февраля 1932 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 42. Л. 23.

⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1013. Л. 30.

⁶⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 141. Л. 6-об.

Читателями зарубежной литературы были не только жители СССР, но и иностранные моряки. В Мурманске, где располагался крупный морской порт для экипажей иностранных государств, местные власти создавали библиотеки и читальные интерклубы, в которых имелась советская и зарубежная политическая и художественная литература на русском и иностранных языках. Цензоры должны были контролировать содержание таких библиотек. Правда, проверки проходили редко и не всегда добросовестно. В то же время такого рода библиотек было мало и каких-либо запрещенных изданий в них не имелось⁶⁵.

Во внутривластном информационном пространстве в 1930-е гг., с одной стороны, цензура не все успевала контролировать, а, с другой, авторы, редакторы и читатели имели возможности обойти цензурные запреты.

В частности, разрешалась критика представителей власти, но при условии, что будут показаны конкретные виновники, допустившие ошибки и просчеты. При этом не допускалось ставить под сомнение само политическое, социальное или экономическое устройство государства.

Книги и статьи, в которых упоминались «враги народа», а также их работы запрещалось издавать. Однако порой эти запреты нарушались. Так, например, в 1937 г. в Ленинграде была напечатана книга участника революции и гражданской войны А. Шотмана «Как из искры возгорелось пламя», в которой не только указывались «забытые» имена руководителей партии (Троцкого, Зиновьева и т.д.), но и отмечалась их важная роль в революции. Книга была изъята уже из продажи, а цензор Гренлунд, допустивший ее издание, привлечен к административной ответственности⁶⁶.

Конфискация запрещенных книг из библиотек проходила с определенными отклонениями от установленных правил. Например, в Карелии отмечалось, что, «изъятие троцкистско-зиновьевской литературы по Карельской АССР

---

⁶⁵ Главлит начальнику Садчикову от п.п. зав. культотделом ВЦСПС Кузнецов от 3 августа 1940 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 3с. Д. 3. Л. 130. и начальнику Главлита от зам. начальника Мурманского обллита Бачурова от 16 августа 1940 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 3с. Д. 3. Л. 131.

⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 34 – 39.

идет неудовлетворительно. Большинство районов работу по изъятию начали только 27 – 30 октября, а некоторые (Пудож – Заонежье – Ведлозеро) – 5 ноября. ... Установлены случаи допуска к изъятию литературы политически-малограмотных членов партии, а также имеются случаи* (*попытки) допуска к этой работе лиц, не допущенных к секретной работе (Прионежский район). Уполномоченные плохо информируют Главлит о ходе работы по изъятию литературы и не сразу представляют акты изъятия с тем, чтобы своевременно исправить допущенные ошибки»⁶⁷.

Печатная продукция, не отвечающая существующим политико-идеологическим нормам, передавалась на хранение в специальное библиотечное хранилище (спецхран). При этом запрещенная литература читателям выдавалась, только их круг был ограничен. Например, ответственному секретарю Петроградского райкома ВКП(б) Соболеву была выдана книга Гитлера «Моя борьба», но с обязательным ее возвращением после прочтения в Отдел военной цензуры при Леноблгорлите⁶⁸.

Были случаи, когда изымаемая запрещенная для хранения в библиотеках литературы «благодаря» предприимчивым советским гражданам появлялась в продаже. Например, изъятые цензурой из библиотек Ленинграда запрещенные книги, необъяснимым образом оказывались на полках букинистических магазинов.

Анализируя работу органов цензуры по контролю политико-идеологического пространства, встречаешь множество документов, благодаря которым приходит понимание, что в 1930-е гг. советское общество не следует рассматривать как безликое, запуганное и молчаливое. Представители общественности высказывали свою позицию, более того, шли на открытый конфликт с властью, если чувствовали свою правоту.

Одним из множества примеров этого является случай, описанный начальником Леноблгорлита Кочергиным в

---

⁶⁷ Приказ №71 начальника Главлита КАССР от 13 ноября 1936 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

⁶⁸ Ответственному секретарю райкома ВКП(б) Петроградского района Соболеву от зав. секретной перепиской Отдела военной цензуры Гурджиева // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 27. Л. 357.

письме заведующему отделом печати горкома ВКП(б) Троицкому от 27 ноября 1935 г. В нем отмечалось, что 25 ноября Кочергиным были конфискованы две фотографии, предназначенные для публикации в книге по истории завода «Красный Треугольник». На коллективных фотографиях среди рабочих оказались представители «контрреволюционеров и оппозиционеров»: на первой — Евдокимов, на второй — Мильта. Эти фотографии были разрешены к печати ответственным редактором книги Рафайловым, который как выяснилось прекрасно знал, что указанные личности отнесены к категории «контрреволюционеров». Свои действия редактор объяснял тем, что в первом томе «Истории гражданской войны» помещены портреты Троцкого, Зиновьева и Каменева и «что историю мы должны давать так как она есть. И что он не видит ничего предосудительного в помещении снимков бывш[их] оппозиционеров»⁶⁹.

Развитие экономики в 1930-е гг. стимулировало появление промышленных и иных форм хозяйственной деятельности в регионах, где раньше ее не было, а это, в свою очередь, приводило к возникновению и развитию учебных заведений, которые готовили кадры для строящихся заводов и фабрик. Появление сети учебных заведений влекло за собой и увеличения литературы, сведения в которой подпадали под запретительные параграфы Перечня. Подобная ситуация возникла на Кольском полуострове. Цензоры из нее нашли выход. Они ограничивали тираж издаваемой литературы количеством учеников в учебном заведении⁷⁰.

Возникали и другие непростые для цензора ситуации. Кольский полуостров являлся местом ссылки спецпереселенцев и других элементов, которых советская власть считала «политически ненадежными». Но эта категория людей оказалась специалистами в рудном деле, металлургии и других областях промышленности. Поэтому она привлекалась для работы на предприятиях, но для продуктивной работы им необходим был обмен научной информацией. И несмотря на то что они принадлежали к категории «политически

---

⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1016. Л. 57.

⁷⁰ Хибиногорскому райлиту Фиалкову от руководителя областной группы Яичкин от 21 июля 1934 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 2. Д. 4. Л. 17.

ненадежные», власть разрешала им публиковать свои научные труды в журналах: «В связи с созданием у нас новой хозрасчетной организации “Севникель” местная печать широко пропагандирует новые месторождения, причем авторами статей в своем большинстве являются ученые, отбывающие у нас срок за участие в разных вредительских организациях (проф. Чирвинский, Каткульский, Джаксон, Серк и т.д.). Статьи, которые они пишут, не представляют из-за своей аполитичности и непонятной научной терминологии интереса для широких трудящихся масс»⁷¹.

Этот пример демонстрирует, что разный культурный и образовательный уровень ссыльных ученых и читателей приводил, к непониманию последними идей первых и поэтому книги разрешались. В этом ключе интересна идея Н. Лумана «коммуникация вообще происходит только тогда, когда кто-то, пусть в общих чертах, но понимает, возможно даже, понимает неправильно»⁷².

Этот сюжет очень интересен с точки зрения дальнейшего изучения цензуры. Разные информационные поля внутри общества позволяют власти отказаться от системы контроля над частью (причем значительной) общества без какого-либо опасения для себя. Поскольку одна социальная группа в силу разности культурного и образовательного уровней не понимает другую, это влечет к разобщенности и пассивности в политических и общественных вопросах.

Вместе с этим всегда будут люди, которые создают «проблемы» для власти, в данном случае для цензора. Непростые взаимоотношения писателя и власти (цензора) нашли свое отражение и в изучаемом регионе. В 1935 г. Главлитом была задержана напечатанная в 8-м номере журнала «Красная новь», пятая часть «Голубой книги» М. Зошенко. Обосновывая свое решение, цензоры из Москвы указывали, что произведение М. Зошенко несодержательно, наполнено мещанским духом и содержит политически вредные рассуждения. Отмечалось, что на страницах произведения автор приводит факты героизма «террористов» — Балмашева, Каляева и др.

---

⁷¹ В Леноблгорлит Гофбергу от Л. Фиалкова от 17 ноября 1934 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 59. Л. 30.

⁷² Луман Н. Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеева. М., 2007. С. 81.

Также отмечалось, что произведение М. Зошенко проповедует христианское непротивление злу и призывы к прекращению борьбы с инакомыслием. После указанных минусов цензоры резюмировали, что листы с материалом Зошенко из журнала следует изъять и разрешить к печати только после серьезной переработки⁷³.

Другой пример. 21 апреля 1937 г. цензор Копылев направил записку начальнику Леноблгорлита, в которой указывалось, что при составлении брошюры «Два очага войны» ответственным редактором Грамматиковым не упомянута интервенция германского и итальянского фашизма в Испанию и шпионско-диверсантская деятельность японо-немецких троцкистских агентов. Отмечалось, что без доработки эту брошюру нецелесообразно подписывать к печати⁷⁴.

Подобный путь был уготован или для книги «Рыбаки» Гамалейна. Политредактор потребовал исправить те места, в которых автор выразил «примиренческое отношение» к фактам допущения кулаков в колхоз. После исправления книга была рекомендована к печати⁷⁵.

В работе органов цензуры были случаи, когда публикуемая литература в принципе отвечала всем цензурным нормам, но содержала в себе маленькую червоточину, которую контролирующие инстанции выявляли и исправляли.

Например, в 1936 г. предварительной цензурой была задержана книга Вейца Леонидова «Стахановцы города Ленина» (отв. ред. Грамматиков). Причиной задержания стало то, что в ней имелись формулировки и аналогии, снижающие идейный уровень книги о стахановцах. В книге «Плодовый питомник» (отв. ред. Михалек) не указывалась партийная и государственная точка зрения, однако после внесения исправления и обозначения точки зрения ВКП(б) на работы Мичурина в области плодового растениеводства, возражение против ее издания у цензоров снималось⁷⁶.

---

⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1015. Л. 1.

⁷⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 18.

⁷⁵ Докладная записка о работе Главлита Карельской АССР за III квартал 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 5. Л. 83-87.

⁷⁶ Обзор задержаний и вычерков по книжно-журнальной литературе Ленинградского Областного Издательства за 1936 год и 1-й квартал 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 9. Д. 181. Л. 20 – 28-об.

Возникающие у цензоров в регионах сомнения они стремились разрешить в центре, направляя в Главлит литературу, которая вызывала их настороженность. Одним из примеров этого может послужить «Сборник стихотворений» А. Ахматовой, которые ленинградские сотрудники горлита направили для цензурирования своим коллегам в Москву в 1940 г. В заключении на работу А. Ахматовой Главлит РСФСР ответил, что книга может быть разрешена и будет интересна читателю. При этом цензоры дали несколько рекомендаций. В частности, они отмечали, что в сборнике есть стихи, без которых он имел бы большую ценность. Этот пассаж был адресован любовной лирике, так как «любовь же изображается в тонах и красках близких к декаденским⁷⁷»⁷⁸. Положительное заключение Москвы на работу А. Ахматовой очень лаконично и по объему составило всего полстраницы. Драматизм и все противоречия вокруг стихов поэтессы отражены в письме уполномоченного Леноблгорлита Фомина, адресованном в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Поликарпову и начальнику Главлита Садчикову.

Кратко пересказать это письмо невозможно, поскольку это не позволит передать весь накал и психологизм ситуации, поэтому оно будет приведено полностью.

«В мае месяце 1940 года в Леноблгорлит от издательства “Советский Писатель” (Ленинградское отделение) поступила книга стихов “Из шести книг” А. Ахматовой, предусмотренная планом издательства на 1940 год.

Цикл “Из шести книг”, в котором преобладала эстетико-изломанная лирика, религиозные мотивы, представлял собою материал, не подвергавшийся изменениям со стороны автора со времени последнего напечатания в 1922 году и носящий характерные черты Ахматовой-акмеистки.

Это обстоятельство говорило против издания книги Ахматовой с точки зрения своевременности, но поэтическая техника Ахматовой представляла некоторый познавательный интерес.

Нужно заметить, что книга Ахматовой в Леноблгорлите проходила несколько необычайно. Директор издательства

---

⁷⁷ Так в тексте.

⁷⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 168. Л. 25.

“Советский Писатель” тов. Брыкин торопил подготовку книги Ахматовой, мотивируя это тем, что на одном из совещаний в Москве товарищ Сталин интересовался “почему не печатается Ахматова”. Об этом тов. Фадеев сообщил писателям и литературным работникам Москвы.

Параллельно с подготовкой к изданию книги Ахматовой издательством “Советский Писатель” эти же стихи готовились в Гослитиздате (Ленинградское Отделение, редактор Маслин).

Таким образом, между издательствами шло своеобразное соревнование за скорейшее издание книги. Однако, благодаря тому, что Гослитиздат не смог обеспечить книгу бумагой, издание ее задержалось.

После просмотра книги в Ленинграде и соответствующей работы над ней (исключение из книги некоторых стихотворений) книга Ахматовой была направлена в Главлит, откуда мы получили разрешение на издание (заключение прилагается).

В процессе печатания тиража (10.000) Директор изд-ва “Советский Писатель” тов. Брыкин просил Леноблгторлит о выдаче ему условно 20-ти экз. книги Ахматовой для посылки в ЦК ВКП(б), согласно телеграмме, полученной им от тов. Ярцева (директор издательства “Советский Писатель” в Москве).

Окончательный выпуск тиража был дан 11-го августа 1940 года.

Нужно отметить, что в этот период в ряде газет появились небольшие статьи о стихах Ахматовой и наконец в “Литературной газете” от 10 июля обстоятельная статья Перцова “Читая Ахматову”, в которой творчество Ахматовой оценивается очень высоко»⁷⁹.

Очень интересные факты сообщает в своих воспоминаниях работница ленинградской цензуры Е.А. Гиляровская: «В основном в это время шла борьба с “серой книгой”. Случаи с запретом целого произведения были очень редки. Была снята пропущенная редакцией, помнится, повесть, где коровы и другие животные добились построения социализма. Это не был жанр детской сказки, от эпической

---

⁷⁹ ЦГАПИД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 168. Л. 26.

повести веяло иронией к социализму. Велась борьба с натурализмом. Так в одном произведении о морях полностью воспроизводилась многоэтажная матросская ругань. Когда мы ввели ее в рамки цензуры, автор жаловался, что из его книги “душу вынули”⁸⁰.

Механизм цензурирования литературы, оказался очень витиеват. Ниже будет представлена его идеальная модель, которая при соприкосновении с реальностью несколько видоизменялась, в ней встречались определенные отклонения.

Этапы цензурного контроля начинают вырабатываться сразу после создания Главлита. Первые инструкции были небольшие по объему. В одной из них было всего пять пунктов. В первом отмечалось, что все ежедневные периодические издания просматриваются с политической и военной точек зрения. Во втором пункте указывалось, что издания партийных органов (ЦК, губком и т.д.), а также Госиздата, Главполитпросвета, «Известия ВЦИК» и труды Академии наук освобождаются от контроля местных отделов Главлита. Перечисленные издания цензор обллита просматривал только с точки зрения военной цензуры. В третьем пункте подчеркивалось, что вместо визы «Р.Ц.» следует ставить «Облит №...». Просмотрев материал, цензор заполнял номерную карточку, на обороте которой указывается, что выпущено и что изменено. Если изменений цензор не сделал, то он должен был отметить «Печатать без изменений». Отрывная часть карточки оставалась у заведующего типографией, а вторая часть возвращалась в обллит. На просмотренных рукописях и гранках ставилась виза и № на двух экземплярах. Один из них оставался в типографии, а второй направлялся в местное отделение Политконтроля. В четвертом пункте отмечалось, что вся запрещенная печатная продукция предварительной цензурой должна строго учитываться по утвержденной форме и заноситься в специальную книгу, а также два раза в месяц в обллит необходимо было отправлять отчет. В последнем пункте прописывалось, что цензоры Главлита должны были контролировать обязательное поступление в обллит печатной продукции в количестве пяти экземпляров⁸¹.

---

⁸⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 355. Л. 45.

⁸¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 2. Л. 57.

После того как партийные органы печати стали контролироваться цензорами, у ряда сотрудников райлитов возникли вопросы, собственно как это делать. Подробное объяснение районному цензору дал представитель аппарата Управления в Петрозаводске в 1930 г. «В части твоего вопроса о вмешательстве в политическое содержание статей, то по этому я тебе сообщаю следующее. Как уполномоченный Райлита ты имеешь право контролирования печатных изданий как с военно-экономической стороны, так и с политической. Но у тебя положение другое, т.е. с этим вопросом тебе пришлось столкнуться в проверяемой тобою газете, каковая является органом райкома ВКП(б) и вполне понятно всю ответственность за политическую правильность несет райком ВКП(б), и в частности его доверенное лицо за газету — ответственный редактор. Поэтому в практике нашей работы за политическую правильность изданий директивных органов мы не отвечаем, в частности и тебе надо к этому вопросу подходить таким же образом. Конечно, ты как уполномоченный райлита должен при явно вредном политическом материале обратить внимание ответственного редактора, или же еще лучше, если возможно сразу — же переговорить с райкомом ВКП(б). Задерживать же такой материал, пускаясь в пререкания с ответственным редактором, не следует. В части же военно-экономической стороны, то здесь ты должен проводить в жизнь все имеющиеся указания в Инструкции о соблюдении военно-экономических тайн. Конечно, если тебя смущает правильность помещенного материала, то ты всегда можешь даже и после выхода газеты, отнеся всю ответственность на отв. редактора, поговорить с директивными органами»⁸².

Для того чтобы районные цензоры в основном представляли механизм цензурирования и не отвлекали этими вопросами работников аппарата Управления в 1934 г. была издана «Памятка работника райлита».

Начальник райлита, как указывалось в документе, проводил военно-экономическую и политико-идеологическую цензуру. При обнаружении запрещенной информации в газете — органе райкома партии, цензор должен обратиться

---

⁸² ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 30. Л. 33.

на это внимание редактора, а при необходимости культпропа райкома или секретаря райкома. Это же требование относилось и к газетам политотделов совхозов и МТС.

В газетах, которые не издавались райкомами партии или политотделами, цензор мог самостоятельно осуществить предварительную политико-идеологическую цензуру. Но при этом четко прописывалось, что начальник райлита ни в коем случае не имеет права подменять редактора газеты, поэтому самостоятельно вносить изменения в текст он не имел права и должен был обо всех своих действиях информировать редактора и достигать согласия с ним⁸³. Более того, снять газетную статью даже с найденной «политической ошибкой» цензор не мог. Для этого необходимо было согласие партийных структур, но запрос о снятии материала должен был отправлять редактор. Если последний по каким-либо причинам отказывался это делать, то только в этом случае цензор мог напрямую обратиться в органы ВКП(б)⁸⁴. А вот материал, который нарушал требования военно-экономического характера, цензор мог снимать самостоятельно⁸⁵.

В «Памятке...» прописывались все стадии цензурирования. Вначале осуществлялась предварительная цензура всего материала (за исключением имевшего грифы секретности, он печатался в отдельных типографиях), который публиковался в типографии — газеты, бюллетени, брошюры, афиши, анкеты, грамоты, пригласительные билеты, обложки тетрадей, этикетки, тезисы лекций и информацию о проходивших выставках.

При предварительном контроле материал просматривался в гранках и в готовых сверстанных полосах. При необходимости начальник райлита вносил поправки в гранки и затем передавал в типографию. Исправленный набор опять поступал к цензору, с подписью лица, который внес изменения в материал по требованию начальника райлита. Исправленные цензором гранки хранились у него для отчетности.

---

⁸³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 31. Л. 26 — 28.

⁸⁴ Начальнику Главлита КАССР Мякину от зам. нач. Главлита Таяева от 31 января 1935 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁸⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 31. Л. 26 — 28.

После просмотра публикуемого материала цензор присваивал порядковый номер газете.

Все остальные печатные произведения просматривалось в верстке, допускался просмотр рукописи, при условии, что эта рукопись окончательно отредактирована и цензурные правки будут последними.

Верстка предоставлялась начальнику райлита в двух экземплярах, и, если было необходимо, то цензор вносил исправления в обо экземпляра и указывал их на первой странице обеих копий. Затем он заполнял разрешительную карточку Райлита и сдавал в типографию один экземпляр верстки и первую половину разрешительной карточки.

Детально описывалась работа цензора с типографией. При выпуске в свет типография обязывалась предоставить цензору каждое отпечатанное в ней издание в двух экземплярах, кроме газет, гранки (верстку), которые начальник райлита просматривал в предварительной цензуре; половину разрешительной карточки. Начальник райлита проверял материал на предмет внесения в отпечатанное издание всех поправок цензуры, указана ли цена, не превышает ли заявленный тираж, отправлены ли обязательные экземпляры по необходимым адресам. После этого цензор на одном из отпечатанных экземпляров ставил: «Выпуск в свет разрешаю», дату и подпись⁸⁶.

Работа цензора в типографии уточнялась в инструктивных письмах. В одном из них отмечалось, что оттиски должны подписываться корректором и редактором газеты и только при наличии этих подписей цензор приступает к контролю. Категорически запрещалось типографии публиковать материал, не получив на это окончательного разрешения цензора. Печатание типографий без разрешения рассматривалось как нарушение правил о печати. В этом случае составлялся акт и зав. издательством привлекался к ответственности⁸⁷.

Работа последующего контроля также регламентировалась соответствующими документами. Приказом № 270 начальника Главлита от 22 декабря 1935 г. была утверждена инструкция о порядке проведения последующего контроля.

---

⁸⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 2. Д. 31. Л. 26 – 28.

⁸⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 93. Л. 7.

В предшествующей ей пояснении отмечалось, что, стремясь изжить практику задержания и конфискации готовой продукции, последующая цензура должна проходить не по сигнальным экземплярам готовых изданий, а по окончательным сверненным, выправленным и подписанным к публикации версткам. Во втором пункте указывалось, что новая инструкция вступает в силу с 1 января 1936 г. В третьем — особенно подчеркивалось, что новый механизм последующего контроля никаким образом не отменяет предварительной цензуры.

Сама инструкция состояла из шести пунктов, детализирующих пояснительную записку приказа, поэтому пересказывать их не имеет смысла. Следует только обратить внимание на пятый пункт, в котором отмечалось время, отводимое на последующий контроль: издания объемом до 10 листов цензурировались не более двух суток; на печатную продукцию до 20 листов отводилось четверо суток; для литературы, превышающей объем 20 листов, предписывалось уделять время не более суток на каждые шесть листов. Шестой пункт инструкции регламентировал цензурирование изобразительной продукции⁸⁸.

Периферийные органы цензуры в 1920 и 1930-е гг. не готовы были контролировать большие по объему печатные издания, поэтому книги, брошюры и т.д. цензурировались в Москве и Ленинграде, а местные органы Главлита, при поступлении подобного печатного издания, ограничивались только наложением своего грифа, без какого-либо просмотра.

Вообще работал принцип, что одобренная в вышестоящей цензурной печатная продукция инстанции не цензурировалась нижестоящей. Например, действия районных цензоров в Карелии, если материал разрешен в Москве, Ленинграде или Петрозаводске, ограничивались лишь представлением своей визы для местной типографии⁸⁹.

---

⁸⁸ Приказ №270 начальника Главного управления по делам литературы и издательств РСФСР от 22 декабря 1935 г. был обнаружен автором книги в Российской национальной библиотеке в виде отдельного листа.

⁸⁹ Приказ №11 по Главному управлению по делам литературы и издательств Карельской АССР от 20 сентября 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

Кстати, сохранились документы, которые позволяют предположить, что в первой половине 1930-х гг., большая часть печатной продукции, выпускаемой издательством «Кирья» в Карелии, проходила контроль в Леноблгорлите. Так, из 568 печатных листов в Карелии просматривалось только 236, а все остальные – в Ленинграде⁹⁰. Скорее всего, подобный пример демонстрирует степень готовности региональных отделений Главлита выполнять «большую» цензуру.

Самостоятельность районных органов цензуры была ограниченной. Республиканские, краевые и областные органы Главлита совместно с местными партийными организациями имели право разрешать выпуск только разовых газет, листовок, посвященных определенному вопросу. Для публикации многотиражек требовалось вместе с постановлением местных партийных органов разрешение центральных органов цензуры (ОВЦ и Главлита)⁹¹.

Значительный объем информации, структурные и кадровые проблемы органов цензуры становились благодатной почвой для появления ошибок в работе цензоров. Их было очень много и они совершались как в аппарате Управлений, так и в райлитах.

Одна из самых распространенных ошибок – публикация газеты без визы цензора. Это происходило, во-первых, потому, что сотрудники печатного издания считали визу цензора всего лишь формальностью, которая необязательная для исполнения, а, во-вторых, сам сотрудник Главлита был нечастым гостем в издательстве. Подобным примером может послужить работа цензора в типографии газеты «Коммунист». Он просматривал окончательно выправленную и подписанную редактором газету. Если все оказывалось хорошо, то давал разрешение к печати без вычерков или с вычерками, затем просматривал первые напечатанные номера газеты и, если все оказывалось в порядке, покидал вечером типографию. На этом этапе цензор полностью соблюдал порядок работы. Но нарушение состояло в том, что газета выходила

---

⁹⁰ Докладная записка о работе Главлита Карельской АССР за III квартал 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 5. Л. 83 – 87.

⁹¹ Циркуляр №21 всем крайлитам, обллитам, главлитам АССР от 10 июня 1936 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

с утра, когда его в типографии не было, поэтому его виза ставилась уже после выхода издания. Более того, для ускорения работы ответственный редактор и работники типографии предлагали цензору ставить их в известность о запрещенных и разрешенных сведениях, но это означало, что сотрудник облгорлита должен был их знакомить с содержанием «Перечня», который содержал секретные сведения, а сотрудники типографии не располагали соответствующими формами допуска⁹².

При работе с материалом цензоры не всегда правильно применяли параграфы «Перечня» и проводили последующий контроль⁹³. В некачественной работе цензоров была не только их вина, но и вина издательства и типографии, которые очень поздно предоставляли материал на контроль⁹⁴. В этих обстоятельствах сотрудник Главлита оказывался на распутье — с одной стороны, продержав поступивший к нему материал столько времени, сколько отводят для этого нормы и качественного его проверить. Но это привело бы к несвоевременному выпуску печатной продукции. В подобной ситуации цензор мог оказаться «крайним» и подвергнуться наказанию. Чтобы этого избежать он мог формально подойти к выполнению своих обязанностей. Какую именно дорогу избирал сотрудник Главлита, зависело от его личных качеств.

Были случаи, когда сотрудник аппарата Управления запрещал материал, а уполномоченный в издательстве или цензор в районе разрешал. Например, Областлит запретил печатать книгу Карлова «Кому поклоняется», а уполномоченный в издательстве «Молодая гвардия» разрешил⁹⁵.

Можно привести и другой пример, когда в одном отделении Главлита запрещают публикацию, а в другом, дают разрешение на печать. Например, просьба Рудь опубликовать ее книгу «Кондитер» была отклонена Ленинградским

---

⁹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 93. Л. 3 – 4.

⁹³ НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 3. Л. 18 – 20.

⁹⁴ Доклад о деятельности Карельского Управления по делам литературы и издательств за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. // НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 206. Л. 2 – 4.

⁹⁵ В Главлит от зав. областлитом Энгеля от 16 января 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

областлитом, а Карлит разрешил ее издание⁹⁶. И это был не единственный случай.

Взаимоотношения цензоров и редакторов были весьма сложными. Последние не всегда выполняли все правила, предусмотренные цензурой, например, не предоставляли регистрационных бланков, печатали без разрешения цензуры листовки, объявления, обращения и прочий материал⁹⁷.

Имели место и более серьезные нарушения существующих правил, за которые органы цензуры стремились привлечь редакторов к ответственности. Например, редактор газеты «Заполярный металлист» И.П. Рябов игнорировал просмотр газеты мурманским Окрлитом, за что призывалось привлечь его к ответственности⁹⁸.

Более того, печатались газеты, несмотря на цензурный запрет. Например, заместитель редактора Быстрозоров на оттиске полосы с визой цензора о разрешении написал: «Печатать, как было с вычерком одного слова»⁹⁹.

Наряду с игнорированием цензурной практики имела место и открытая агрессия в отношении цензоров. Так, редактор Гордон в адрес представителей окрлита высказывал нецензурные слова¹⁰⁰. С другой стороны, в цензурной деятельности присутствовали ошибки — неправильное вмешательство и последующее изъятие газет, факты чрезмерного вмешательства цензоров. Все это объяснялось как недостаточным знанием нормативных документов, так и желанием перестраховаться. Во всех этих случаях редакторы обращались с жалобами в вышестоящие инстанции¹⁰¹.

---

⁹⁶ В Главлит от зав. областлитом Энгеля от 6 февраля 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 15. Л. 17. История с публикацией этой книги требует дальнейшего изучения, поскольку из ее библиографического описания следует, что она была опубликована в Ленинграде в 1928 г.

⁹⁷ Редактору газеты «Полярной Правды» от окрлита Белкова от 4 мая 1931 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

⁹⁸ В управление милиции от зав. окрлитом от 15 сентября 1932 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

⁹⁹ Начальнику областного сектора Леноблгорлита Перминову от уполномоченного Леноблгорлита по Мурманскому округу Кокорева. [1935 г.] // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 5. Д. 5. Л. 78.

¹⁰⁰ Докладная записка уполномоченного Леноблгорлита по Мурманскому округу Котова от 1 марта 1935 г // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 2. Д. 5. Л. 21.

¹⁰¹ Начальнику Мурманского обллита от зам. уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник ОВЦ И. Пузырев от 31 декабря 1938 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

Препятствиями в нормальной работе цензора становились и довольно неожиданные обстоятельства. Так совершенно законное изъятие книг из библиотек иногда ставило его в непростые условия. Формально он должен был конфисковывать все книги, которые значились в списках, но это привело бы к пустым библиотечным полкам. Подобное замешательство возникло при проверке школьной библиотеки, в которой были обнаружены книги для классного чтения В. и Э. Вахтеровых, подлежащие выемки. Изъятие этих книг могло отразиться на работе школы, поскольку не было поступления новых учебников¹⁰².

Между тем, нельзя сказать, что некомпетентность районных цензоров была всеобщей. Имело место и добросовестное отношение работников к своим обязанностям¹⁰³.

В графическом изображении работу цензоров можно представить в виде синусоиды: периоды относительно безошибочной работы цензоров сменялись временем появления огромного количества ошибок. Это связано с ротацией кадрового состава и было характерно для всей страны в целом. Например, в 1932 г. по РСФСР цензурный контроль характеризовался неровными показателями, времена относительного спокойствия сменялись массовым появлением на страницах газет запрещенной военно-экономической информации, при этом большинство нарушений обнаруживалось в московской центральной прессе¹⁰⁴.

---

¹⁰² Зав. гублитом Карпов в Петрооблит от 4 октября 1923 г. // ГАМО. Ф. р-277 Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

¹⁰³ Начальнику Главлита АКССР Мякину от начальника райлита Орехова от 4 ноября 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

¹⁰⁴ Бюллетень Главлита РСФСР № 4 1933 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 43. Л. 113-об.; В «Бюллетене» дана характеристика и работе районных отделов Главлита в целом: «Республиканское совещание Крайоблитов и Главлитов Автономных Республик с очевидностью установило крайне неблагоприятное состояние работы низового звена политконтроля – Райлита. Прежде всего, Райлиты (кроме немногочисленных исключений) не обеспечивают сохранности гостайн в печати. Можно утверждать, что основная масса нарушений перечней проходит главным образом по районной печати и особенно многотиражкам. Характерно, что содержание разглашаемых тайн почти одно и то же по всем районам и идет по линии наиболее важных, наиболее острых запретительных статей перечней. ... Районная пресса подчас дает и крайне отрицательные примеры прорывов политико-идеологического характера» / Бюллетень Главлита РСФСР № 4 1933 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 43. Л. 118 – 118-об.

Ошибки в работе цензоров появлялись не только в силу перечисленных выше причин, но и потому, что довольно часто на практике объективно им оказывалось очень тяжело выделить материал, который запрещен или разрешен к печати. Например, не разрешалось публиковать: «а) план добычи руды, выработки концентрата, отгрузки в абсолютных цифрах и в ценностном выражении, и по сравнению с прошлым годом, как по всему тресту, так и в отдельности по руднику, фабрике, участку, смене». Но можно было показывать «процент выполнения плана по бригаде, смене, участку, однако это не давать в виде сводных данных с перечислением всех участков и смен одновременно. В целом по тресту “Апатит”, по руднику и фабрике процента выполнения не давать и не указывать план продукции в ценностном выражении. Можно писать обезличенно, например, план по руднику и фабрике выполнен — перевыполнен — невыполнен, не давая сравнений с прошлым годом. Хотя в прим. 1 и 2 (в Дополнении к экономическому Примечанию § 73 в. — *Ф.Я.*) говорится, что по отдельным рудникам, заводам, сведения о выполнении плана давать можно, но имейте в виду, что в данном случае рудник и фабрика в Кировске — это и есть вся апатитовая промышленность СССР»¹⁰⁵ — в данном случае разъяснения явно помогло выйти из затруднительного положения, но такие «подсказки» цензор получал не всегда и был вынужден действовать самостоятельно — не всегда правильно.

Взаимоотношения цензоров и цензурируемых невозможно свести к единому знаменателю, описать в нескольких фразах, они намного сложнее тех норм, которые прописаны в инструкциях и правилах. Конечно, сотрудник органов цензуры обладал значительными возможностями в изменении содержания книги или статьи, но сама жизнь, объективные и субъективные условия, в которых находились и цензор и автор, существенно влияли на формализованный подход цензора.

---

¹⁰⁵ Уполномоченным облита в Мурманске и по Кировскому району от начальника Мурманского обллита П. Хлопотова от 20 февраля 1941 г. // ГАМО. Ф. р-573. Оп. 3. Д. 4. Л. 7 — 7-об.

2.2. Театральная цензура

Свое семантическое поле советская власть выстраивала в театральной сфере, поэтому в новом пространстве театра не могло остаться места дореволюционным или буржуазным политическим, идеологическим и культурным смыслам. Собственно Главрепертком и приступил, через местные органы Главлита, к выполнению этой задачи.

Репертуар театров должен был формироваться таким образом, чтобы ставились пьесы, в которых затрагивались проблемы современности и революционного быта, но на первых порах этого реализовать не удалось и власти приходилось мириться с преобладанием в репертуарном плане театров классических произведений.

Это объяснялось тем, что большинство режиссеров профессионально сложились в дореволюционный период, поэтому не могли или не хотели подстраиваться к новой политической, идеологической и культурной обстановке, которая сложилась после 1917 г.¹⁰⁶ Во вторых, невозможность в первые годы советской власти реализовать замысел большевиков по созданию «нового» театра сталкивалась с дефицитом сценариев, которые отражали бы устремления власти. Вообще, выбранный курс на создание советского театра был проработан недостаточно подробно. Это проявилось в том, что как отмечает Г.А. Бондарева, Главрепертком, созданный для контроля за зрелищами, не имел четкой концепции собственных функций¹⁰⁷. Отсутствие ясного представления в центре о том, что можно и что нежелательно демонстрировать, привело к автономии для региональных цензурных отделений в разрешении или запрещении пьес к показу. Центр поставил лишь определенные рамки, в пределах которых местный цензор принимал решение.

Для более эффективной работы цензоров в региональных отделениях Главлита разрабатывались инструкции и рекомендации по контролю над репертуарным жанром. Но их

---

¹⁰⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 24. Л. 66, 67.

¹⁰⁷ *Бондарева Г.А.* Советская цензура зрелищ в период новой экономической политики (1921 – 1929 гг.) / Автореферат на диссертации на соискание степени канд. ист. наук. М., 2003. С. 19, 20.

было много, поскольку каждый репертуарный жанр имел свою специфику, и это вносило сумятицу в работу цензора.

Например, в отношении драматического жанра была разработана инструкция, состоявшая из 4 пунктов-категорий. В первую входили произведения, содержащие идеологическую (политическую) контрреволюцию, которые не следовало допускать. В качестве примера приводилась пьеса Лунца «Вне закона», поскольку в ней усматривался пасквиль на революцию.

Во вторую категорию входили пьесы, которые содержали мистические и религиозные сюжеты с пропагандой классово-гармоничной и интеллигентским упадничеством. В этом случае приводились пьесы Л. Толстого «Отец Сергей» или А. Блока «Роза и крест».

Третья категория пьес, подпадающих под запрет, объединяла «мещанские» и «бульварные» темы, в «особенности революционной направленности». Для демонстрации подобной категории произведений цензорам приводились произведения Софьи Белой и Рамазанова. Отмечалось, что «они получают большое распространение и к разрешению их местные Гублиты должны подходить[ь с особой] осторожностью». Однако сложность возникала и с этими авторами. В ряде случаев их приходилось запрещать, даже когда они располагали разрешительными цензурными документами. Это объяснялось социальным составом посетителей театра, на которые подобные театральные произведения не были рассчитаны.

И последняя категория – пьесы, имеющие порнографический характер¹⁰⁸.

Для опереточного жанра была разработана своя инструкция. В ней так же, как и в предыдущей инструкции, были категории. К первой относились оперетты классического или приближенного к ним типа; ко второй – произведения сценического и музыкального содержания; к третьей – современные западноевропейские произведения.

В отношении произведений оперы и оперетты также подчеркивалось, что, если оперетта не попала в список запрещенных или разрешенных произведений, то принимать

---

¹⁰⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 21. Л. 51, 51-об.

решение о ее демонстрации следует исходя из социального состава аудитории¹⁰⁹.

Оперный и опереточный репертуар Главрепертком стремился адаптировать к рабочему классу. Цензорам на местах указывалось, что при работе с операми и опереттами при необходимости частично следует перерабатывать сюжет, в частности, изымать мистические моменты, идеологически неприемлемые места, по возможности осовременивать произведение, а музыкальному сопровождению (оркестру и вокалу) необходимо стремиться придать современную интерпретацию.

В отношении музыкальной эстрады ГРК отмечал, что для ее репертуара эстрады характерно преобладание пошлых, антихудожественных, политически сомнительных и идеологически вредных произведений при крайне неудовлетворительном их исполнении. На эстраде преобладала кабацко-цыганская музыка, разнообразные интимные, салонные, мещанские и прочие романсы. С таким положением дел Репертком мириться не желал и предлагал: 1) тщательно просмотреть музыкальную обработку народной песни, романсов, частушек, исполняемых на эстраде, а также и весь музыкальный материал в отдельных театральных пьесах, эстраде, для чего при представлении текстов обязательно представление и музыкального оформления с указанием автора; 2) установить контроль над художественным радиовещанием местных радиостанций по всем разделам музыкального художественного репертуара с целью осуществления единой репертуарной политики ГРК в области музыки; 3) для контроля грампластинок предлагалось изъять из продажи старый репертуар грампластинок, фокстроты, псевдоцыганскую и мещанскую музыку¹¹⁰.

Контроль над театральным произведением выстраивался не только в зависимости от жанра произведения и целевой аудитории, но и актерского состава.

Согласно постановлению ВЦИК от 21 апреля 1925 г. репертуар народных и заслуженных артистов предварительному контролю не подлежал, а контролировался в порядке

---

¹⁰⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 21. Л. 71.

¹¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

последующей цензуры. Более того, право контроля за репертуаром артистов академических театров Ленинграда ГРК делегировал гублиту¹¹¹.

Действительность же оказалась не такой однозначной и простой, как это прописывалось в инструкциях. В частности, указанное выше постановление ленинградские цензоры, видимо, автоматически распространяли на все театры и поэтому сами стали разрешать пьесы. Это привело к тому, что в 1925 г. Москве пришлось снять пьесу Арского и Волохова «Конец Романовых», которая была разрешена к постановке ленинградским гублитом. Но по правилам театральное произведение должно было пройти цензурирование в Главном репертуарном комитете в Москве, а местные цензурные отделения не имели права выдавать подобного разрешения¹¹².

Театральная жизнь кипела не только в Ленинграде, но и в районах¹¹³. Одним из примеров является работа великолуцкого Окрлита в 1927 г. В этом районе работал театр «Рекорд». За октябрь – ноябрь 1927 г. на его сцене было поставлено 25 спектаклей¹¹⁴. В январе 1928 г. в театрах двух городов – Великих Луках и Невеле – гастролировали профессиональные труппы. Правда, цензоры охарактеризовали гастролирующих артистов в Великих Луках «оперным сбродом». Поставленные ими спектакли «Аида», «Евгений Онегин», «Кармен» и «Русалка» у посетителей популярностью не пользовались. Цензоры это объясняли отсутствием художественности в исполнении и убожеством декораций, но сами спектакли нареканий и запретов со стороны цензоров не вызвали.

---

¹¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 34. Л. 19.

¹¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 34. Л. 8.

¹¹³ «Театральная жизнь» в деревне и контроль за ней отличался от городских реалий, поэтому для контроля за репертуаром в деревне разрабатывались специальные инструкции. Одной из них может служить «Проект инструкции по работе по контролю за репертуаром в деревне от 12 февраля 1926 г.» // История советской политической цензуры: Документы и комментарии / под. ред. Т. Горяевой. М., 1997. С. 277 – 278.

¹¹⁴ Письмо №10/с от 5 декабря 1927 г. зав. окроно в Ленинградский обллит // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

Жители деревни, как и города, также хотели приобщиться к театральному искусству, но профессиональных театров в деревнях не было, поэтому театральные постановки проходили в избах-читальнях и красных уголках силами все тех же гастролирующих трупп. Но уже на уровне деревни цензоры практически их не могли контролировать и как-то влиять на них¹¹⁵.

В какой-то степени механизм цензурирования пьес помогает понять обращение к такому документу как «Форма отзыва № 5», которая составлялась при недопущении пьесы. Она содержала графы «Автор», «Название произведения», «Отзыв», «Заключение политредактора».

Для иллюстрации можно привести несколько подобных форм. Одна из них была составлена на комедию Е. Павлова «Любовь не картошка». В отзыве указывалось, что «ряд сценок, в которых комсомольцы и комсомолки гибнут от любви («а не только от клеши и финки», сожалеет автор) и говорят только пошлости. Ни одной сценки, где бы был показан здоровый подход комсомольцев к вопросам пола. Единственное противоположение — это старинная лунно-соловьиная серенада, которая таким образом выдвигается как этическая и эстетическая норма». Политредактор запретил комедию¹¹⁶.

В другой форме, заполненной на драму Ф.Ф. Конькова «В тисках капитала» отмечалось, что «прежде всего — малограмотная, макулатурная вещь, написанная каким-то дилетантом. Содержание весьма путанное и как-то по-интеллигентски расслабленное. Главный герой-студент Виктор, говорящий к месту и не к месту “выспренные слова” о свободе, равенстве, братстве и т.п., “обличающий” капиталистов-эксплоататоров, “бичующий” педагогическую систему прошлого, но при всем этом абсолютно ничего не делающий в области практического осуществления своих идеалов. Бесхарактерный, глупый и слабый он, тем не менее, подан автором как “страдалец, по трупам которого прокладывается новый путь для новых борцов за свободу и

---

¹¹⁵ В мурманский окрлит от уполномоченного Ефремова от 19 мая 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

¹¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 24. Л. 5 — 6-об.

правду” (!?) (см. стр. 48, монолог Столярова). Трупом же он становится собственноручно застрелившись по причине невозможности обрести на земле “свободную, прекрасную жизнь”. Супруга этого студента перегружена восторженностью, идеализмом и религиозностью. Она тоже, по автору, из тех “страдальцев”, по трупам которых и т.д. Ее весьма характеризует ее реплика на стр. 23 об “орлах”, парящих “над толпой” и о вере в “правду небесную”.

Пьеса не приемлема для нашего театра». После такого отзыва политредактор запретил пьесу, ГРК тоже это сделал¹¹⁷.

Не все решения цензоров по запрещению пьесы к показу беспрекословно принимались авторами. За судьбу отдельных произведений разворачивалась борьба. Примером подобной может послужить схватка вокруг пьесы Н.Г. Смирнова «Большевик на том свете».

Отзыв политредактора об этой пьесе оказался отрицательным и содержал такие пассажи: «Автор совершенно всерьез приводит большевика в рай, где он встречает своих товарищей, которые давно там устроили революцию, электрификацию и проч., одним словом советский рай.

Что это автор делает всерьез, видно из слов большевиков (см. стр. 7), который убеждается, что “есть тот свет”, что это вовсе не “поповские штучки”.

Зачем понадобилось автору таким оригинальным способом утверждать существование рая — непонятно. Не забыт даже бог, который ласково приглашает большевика “отдохнуть”. Пьеса вздорная». Одна из причин запрета заключалась в том, что пьеса представляла собой агитацию в стиле “Безбожника”. Она предполагала объективное бытие бога и была “кошунствующей”¹¹⁸.

Н.Г. Смирнов не удовлетворился отказом и направил развернутое письмо в Главрепертком. Обвинение политредактора в том, что пьеса сделана в духе журнала «Безбожник», он парировал тем, что этот журнал — популярное партийное издания, поэтому работа в стиле этого издание не может рассматриваться основанием к запрещению пьесы.

---

¹¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 24. Л. 7 — 8.

¹¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 24. Л. 29.

Автор идет далее и стремится объяснить Главреперткому смысл своей пьесы, который состоял в желании высмеять распространенный взгляд у религиозных людей, что земные страдания и злодеяния компенсируются после смерти. Н.Г. Смирнов отмечает, что, реализуя свой замысел, он прибегает к театральному приему допущения, что «тот свет» действительно существует.

Изображение рая, ада и других религиозных объектов, вызвавших возмущение цензора, также не находит понимания у автора. Он приводит примеры, что в спектаклях, поставленных в советских театрах, «Мистерии-Буфф» Маяковского, пьесе Д. Бедного «Восстание ангелов» в театре «Революция», пьесе Рейснера и, как указывает Н.Г. Смирнов, «если мне не изменяет память» в спектакле «Иван в раю» Луначарского и других пьесах также показаны рай и ад.

Последней аргументацией автора стало его пояснение, что пьеса «Большевик на том свете» предназначается для постановки не на клубных сценах, а в театре «Кривое Зеркало», ориентирующемся на интеллигенцию. К репетициям пьесы театр уже приступил, т.к. от ленинградского Реперткома еще в прошлом году получено разрешение под лит. «А»¹¹⁹.

Результатом письма стало то, что ГРК разрешил постановку пьесы под ответственность автора только в театре «Кривое Зеркало», в районах же постановку разрешать не рекомендовалось¹²⁰.

Это был не единственный случай недовольства работой цензуры. За право творческого выражения развернулась борьба в Кингисеппе в 1930 г., которая проходила «не по всем правилам»: «по имеющимся в Ленинградском Областном сведениям (сообщение инспектора Райлита т. Сосновского), в гор. Кингисепп 15 и 16/XI-30 г. приезжала труппа артистов и ставила в клубе им. Жукова запрещенную постановку “Роза-Мари” и на требования инспектора Райлита о снятии данной постановки, как запрещенной по согласованию с директивными органами, труппа артистов обратилась с ходатайством с массовый сектор Кингисеппского Райкома

---

¹¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 24. Л. 30 – 31-об.

¹²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 24. Л. 28.

ВКП(б) к т. Семенову, коим по согласованию с погранотрядом данная постановка была разрешена. Указывая на ненормальность такого положения, тем паче не впервые происходящего в Кингисеппском районе»¹²¹.

Материалы театральной цензуры позволяют рассмотреть некоторые аспекты национальной политики, проводимые властью. В СССР создавалась новая национальная общность, для этого необходимо было развивать творческие начала у национальных меньшинств. Этому могло способствовать развитие национального театра, поэтому на театральных сценах ставились национальные произведения. Но и в этом случае цензура выполняла свои обязанности и контролировала, а при необходимости и направляла развитие национального театрального искусства. В Ленинграде и области это происходило: «ввиду того, что в Ленинградском Округе имеет место среди финского населения допущение к постановке пьес малоценных, а подчас и вредных по содержанию и их качество пополняется новыми пьесами, получаем[ых] из Финляндии, Ленинградский Окрлит просит издать список пьес на нацмен языке, допущенных к постановке»¹²².

На Мурмане также проживало финское население, проявляющее театральную активность, которая контролировалась цензурой. Так, уполномоченный хибинского Горлита Фиалков отмечал, что на подведомственной ему территории имеется кружок финских специалистов (высланных кулаков). Они обратились к нему с просьбой разрешить постановку пьесы. Видимо, цензор ничего крамольного в ней не обнаружил, но все равно отправил запрос в Ленинград с просьбой принять положительное решение по данному вопросу¹²³.

В середине 1930-х гг. органам цензуры приходилось сталкиваться в своей деятельности с «контрреволюционными проявлениями» на театральной сцене. В частности, это

---

¹²¹ Секретарю Кингисеппского райкома ВКП(б) от завед. областлитом Вальяно [1930 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 30. Л. 44 – 44-об.

¹²² В Ленинградский обллит от заведующего окрлитом Андреева от 19 октября 1929 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

¹²³ В Леноблгорлит Бельному от уполномоченного Хибинского горлита Фиалкова от 21 апреля 1934 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

произошло 6 ноября 1935 г. в клубе рудников имени Артема после торжественного заседания, посвященного 18-й годовщине Октябрьской революции.

Для посетителей клуба со сцены был зачитан рассказ «В первые дни революции в Ленинграде», который оказался «контрреволюционным» и запрещен цензором в ходе самого выступления. При выяснении причин, приведших к появлению этого выступления на сцене, оказалось, что автор рассказа Раевский уже на вечере предложил прочитать его зав. клубом Михайлову, который согласился¹²⁴.

К середине 1930-х гг. местные отделения Главлита накопили значительный опыт в цензурировании театральных произведений. Это признавалось Главреперткомом. Так, в пояснительной записке к Краткой инструкции по осуществлению контроля над репертуаром зрелищных предприятий отмечалось: «Принимая во внимание, что на местах накопился опыт в области контроля над репертуаром зрелищных предприятий, не учтенный в достаточной степени в Главреперткоме, последний просит сообщить всем гор. и райлитам, что всякого рода замечания, указания и дополнения к рассылаемой инструкции они обязаны пересылать одновременно как в Обл. (Край) Репертком, так и в Главрепертком (Москва, Чистые пруды, дом № 6, Наркомпрос, Главрепертком)»¹²⁵.

Несмотря на профессиональный рост региональные представители цензуры допускали ошибки. Их появление объяснялось не только личными и профессиональными качествами цензора, но и факторами, которые от них не зависели, и причинами, которые трудно объяснить.

Например, руководство аппарата Управления могло по непонятным причинам, не только для цензора, но и для исследователей театральной цензуры, запретить районному цензору выполнять цензурирование репертуара. В Карелии в 1934 г. цензору олонецкого райлита было указано из Петрозаводска, что «в обязанности Начальника Райлита не входит проверка репертуара, а эту работу должен выполнять инструктор РОНО по политпросветработе или зав. районным Дом[ом] Культуры, в зависимости от того, на кого возложен

---

¹²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 65. Л. 31.

¹²⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1 Д. 31. Л. 18.

контроль за репертуаром решением руководящих органов района»¹²⁶.

Имели место и другие факторы. В частности, иногда отсутствовали списки запрещенных пьес («специально списка разрешенных и запрещенных пьес за 1930 год не имеется, следует руководствоваться в работе Репертуарным указателем изд. 1929 года и Бюллетенем Главреперткома»¹²⁷); межведомственной неотрегулированностью; несвоевременным предоставлением спектакля, концерта на просмотр цензору¹²⁸.

Так как специальных форм обучения в выполнении театральной цензуры для региональных цензоров не предусматривалось (по крайней мере, в документах о них нет упоминаний) для ориентации в театральном искусстве и повышения уровня работы, цензоры выписывали журналы «Репертуарный бюллетень», «Советское искусство»¹²⁹.

Цензурирование театральных произведений для сотрудников Главлита было все же обременительным, их этому не готовили и в должной мере не объясняли специфики работы в театральной сфере, которая, безусловно, была.

Анализ этого аспекта цензурной работы, как и в случае с цензурированием печатных СМИ показывает, что общество не всегда безоговорочно принимало решения цензоров и, если считало его несправедливым, стремилось опротестовать. В то же время слабая структура цензуры не позволяла контролировать некоторые аспекты театральной жизни, в частности, гастролирующих трупп. На примере театра обнаруживается стремление власти дифференцированно работать с населением и для каждой группы общества предлагать определенные идеи.

---

¹²⁶ Начальнику Олонецкого райлита Никитину от зам. начальника Отдела военной цензуры АКССР Евсеева от 20 августа 1934 г. // НАРК. Ф. р-757. Оп. 1. Д. 25. Л. 17.

¹²⁷ Инспектору Череповецкого райлита Карпову от завед. областлитом Вальяно от 18 октября 1930 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 30. Л. 36-об.

¹²⁸ Доклад Мурманского окрлита за октябрь – январь 1928 г. // ГАМО. Ф. р-278. Оп. 2. Д. 1. Л. 6,7.

¹²⁹ Великолуцкая кружная инспекция по делам печати и зрелищ. Доклад о работе за январь месяц 1928 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 3. Л. 70.

Заключение

Несмотря на существующие стереотипы, проведенное исследование продемонстрировало, что советская цензура не создала «железного занавеса», не прервала коммуникации между советскими гражданами и остальным миром. Мировая общественность в целом представляли, что происходит в СССР в политическом и военно-экономическом отношении. При этом определенную часть информации, даже военно-экономической направленности, они получали из советских газет. Конечно, советскую власть это не могло устроить и она во второй половине 1930-х гг. запретила подписываться на многотиражные газеты, тем, кто не жил в районах, где они выходили, что вызвало недовольство ряда европейских и азиатских посольств в СССР.

Также следует особенно подчеркнуть, что вопрос об эффективности работы органов Главлита до сих пор остается открытым. Это объясняется тем, что не совсем понятно, как подойти к его изучению, какие критерии использовать при оценке качества работы цензоров? Эти вопросы в литературе пока остаются без ответов. Понятно одно, что использование только эмпирического материала (имеются в виду документы, в которых указываются примеры вмешательства цензоров в работу СМИ и количество вычерков) недостаточно, требуется разработка теоретического аппарата. Конечно, цензура была и оказывала влияние на информационное поле, но какова степень этого влияния, пока тоже не известна.

Одной из главных причин слабой работы Главлита в 1920 – 1930-е гг. стала их структурная незавершенность. Власть вплоть до 1930-х гг. так и не смогла создать четкой, структурированной и функциональной системы на региональном уровне. Достигнуть этого удалось только при организации аппарата Управления в Ленинграде.

Одна из причин структурных проблем заключалась в отчужденности, которая существовала между региональными отделениями Главлита и местной властью. Более того, центральная власть, так и не смогла донести до низовых органов власти, что главная функция Главлита – это охрана государственной и военно-экономической тайны, а политико-

идеологическая цензура занимала второе место. Возможно, власти необходимо было полностью вывести политическую цензуру из ведения Главлита, тогда местное руководство стало бы больше внимания обращать на проблемы цензоров. К тому же сохранение политической цензуры в рамках Главлита в определенной степени дискредитировало власть в глазах жителей СССР и приводило к финансовым затратам.

Структурная слабость привела к тому, что органам цензуры не удалось в большинстве своем создать из человека, пришедшего в цензуру, цензора, поскольку Главлит не смог на достаточном уровне ответить на запросы своих сотрудников (социальные, профессиональные, материальные). При этом механизмы инкорпорирования человека в структуру (система подготовки и повышения квалификации) были разработаны, просто для их реализации не хватило организационных и финансовых ресурсов.

Следует также отметить, что одна из причин недостаточного понимания цензурных реалий исследователи цензуры состоит в том, что упускается из виду объект цензурирования – печать. А ведь СМИ в 1920 – 1930-е гг. испытывали и кадровую проблему, и недостаточное финансирование, и т.д. В этих условиях цензоры выступали одним из факторов повышения уровня региональной печати, одним из элементов, заставляющих систему работать лучше.

Обращение в повседневной работе цензурных органов позволяет несколько скорректировать представление о советской обществе, которое не совсем правомерно рассматривать как «безмолвное». Достаточное количество приведенных в книги примеров демонстрирует стремление жителей СССР высказывать и отстаивать свою позицию, а, если необходимо, то и идти на конфликт с властью.

Вообще дальнейшее исследование цензурирования печатной продукции необходимо проводить, привлекая определенные теоретические разработки имеющиеся относительно информационного пространства. Это предоставит инструментарий для анализа и позволит более объективно оценивать работу советской цензуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ:

I. Архивы:

1. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга: Ф. 31, Ф. 281.
2. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга: Ф. 9, Ф. 24.
3. Национальный архив республики Карелия: Ф. р-757.
4. Государственный архив Мурманской области: Ф. р-277, Ф. р-278.

II. Сборники документов:

История советской политической цензуры: Документы и комментарии. // Под ред. Т. Горяевой. М., 1997.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Белошистая А.И.* Из истории периодической печати на Кольском полуострове (1917 – 1925 гг.). // Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1980.
2. *Блюм А.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры (1917 – 1929). СПб., 1994.
3. *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора 1929 – 1953. СПб., 2000.
4. *Блюм А.В.* От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней. Собраны по архивным и литературным источникам. СПб., 2009.
5. *Генкин Б.М.* Эффективность труда и качество жизни. СПб., 1997.
6. *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы 1917 – 1923 гг. М., 1995.
7. *Горчева А.Ю.* Главлит: становление советской тотальной цензуры. / Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1992. № 2.
8. *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917 – 1991 гг. М., 2009.
9. *Горяева Т.М.* Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – 1930-х годах. Документальная история. М., 2009.

10. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX – XX вв. М., 2001.
11. Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000.
12. Клепиков Н.Н. Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920 – 1930-е гг. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2005.
13. Кореньченко Р.А. Общая теория организации. М., 2003.
14. Купайгородской. Из практики первых лет Главлита // Россия в XX в. / отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб., 2005.
15. Институты управления культурой в период становления. 1917 – 1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: схемы» / глав. ред. К. Аймермахер. М., 2004.
16. История партийной и советской печати. / Выпуск I (1917 – 1945 гг.). // Авт. коллектив: Белков А.К., Веревкин Б.П., Коныхин Н.М. М., 1975.
17. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб., 2007.
18. Луман Н. Введение в системную теорию. / Пер. с нем. К. Тимофеева. М., 2007.
19. Пугачев В.П. Руководство персоналом организации. М., 2002.
20. Суров А.В. Цензурная политика советского государства в 1917 – начале 1930-х гг. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ярославль, 2002.
21. Теория и практика управления персоналом / Авт.-сост. Г.В. Щёкин. 2-е изд., стереотип. Киев, 2003.
22. Ученова В.В. Партийно-советская печать восстановительного периода (1921 – 1925 гг.). Краткий очерк. М., 1964.
23. Цензура и доступ к информации: история и современность. Тезисы докладов международной научной конференции Санкт – Петербург 16-18 марта 2005 г. / Отв. ред. Конашев М.Б. СПб., 2005.
24. Цензура в царской России и Советском Союзе. // Материалы конференции 24-27 мая 1993г. Москва. / Под ред. Громова Т.В. М., 1995.

Выпускающий редактор
М. В. Тоскина
Технический редактор-верстальщик
В. А. Никееенкова

Отпечатано в типографии издательства «Северная звезда»
Санкт-Петербург, Варшавская ул., д. 23, к. 1.
Тел.: 388-93-41; e-mail: tozvezda@yandex.ru

Печать цифровая. Формат 60x84/16. Печ. л. 16.
Гарнитура «Ньютон».
Тираж 50 экз.

